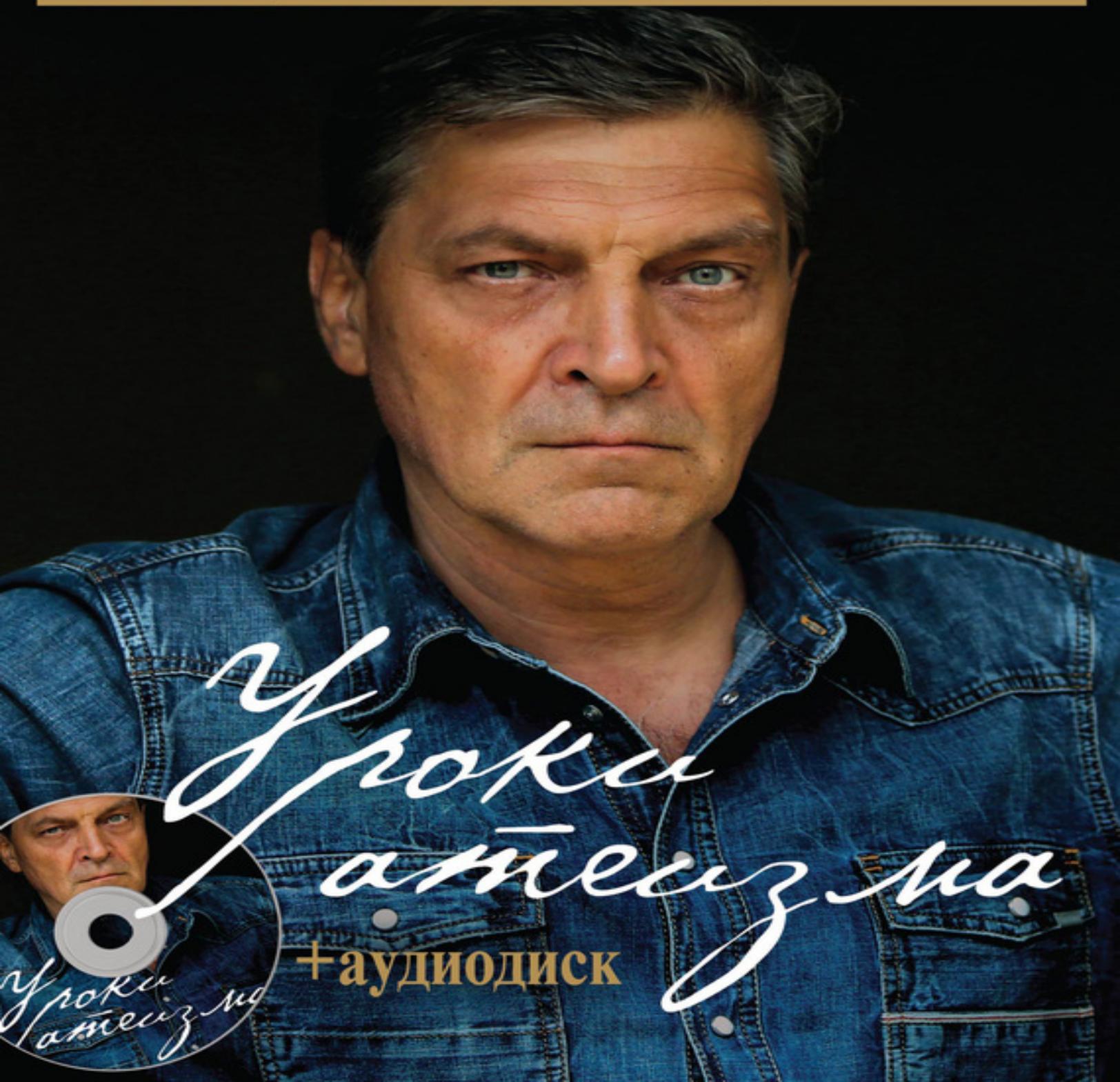

Александр Невzorov

Автор легендарной телепрограммы
«600 секунд», отец российской публицистики

Уроки
патризма

+аудиодиск

Annotation

Легенда отечественной публицистики Александр Невзоров известен как последовательный и бескомпромиссный критик церкви. Выпуски его передачи «Уроки атеизма» в Сети смотрели миллионы человек. И вот наконец все тексты собраны под одной обложкой. Как беседовать с верующими, что такое христианские ценности, как из века в век складывались взаимоотношения науки и церкви, для чего понадобилось защищать чувства верующих – об этом и о многом другом Александр Невзоров в своей фирменной саркастичной манере рассуждает на страницах книги.

Компакт-диск прилагается только к печатному изданию.

-
- [Александр Невзоров](#)
 -
 - [Теория и практика кощунства. Часть 1](#)
 - [Теория и практика кощунства. Часть 2](#)
 - [Оторванные уши бога](#)
 -
 - [Уроки атеизма](#)
 - [Урок 1. Бытовой атеизм](#)
 - [Урок 2. Церковь и наука: часть первая](#)
 - [Урок 3. Слив исповеди](#)
 - [Урок 4. Ответы на вопросы зрителей](#)
 - [Урок 5. Предмет гардероба](#)
 - [Урок 6. Два вопроса к верующим](#)
 - [Урок 7. Как беседовать с верующими](#)
 - [Урок 8. Новые вопросы к верующим](#)
 - [Урок 9. Как уберечь детей от изучения ОПК](#)
 - [Урок 10. О моем отношении к церкви и о древних мифах](#)
 - [Урок 11. Библейские чтения](#)
 - [Урок 12. Пост](#)
 - [Урок 13. Советы верующим](#)
 - [Урок 14. Комментарии к нашумевшему молебну](#)

- [Урок 15. Как строить и восстанавливать так называемые храмы?](#)
- [Урок 16. О кощунстве](#)
- [Урок 17. Миф о гонениях на церковь](#)
- [Урок 18. Об оскорблении чувств верующих](#)
- [Урок 19. Об уроках религиоведения в начальной школе: ответы на вопросы Челябинской областной школы кино и телевидения](#)
- [Урок 20. Будущее РПЦ](#)
- [Урок 21. Ответы на вопросы славянского интернет-радио «Голоса Мидгарда»](#)
- [Урок 22. Ответы на вопросы подпольного атеистического кружка](#)
- [Урок 23. О защите от христианских ценностей](#)
- [Урок 24. О сиянии «Серебряной калоши»](#)
- [Урок 25. Аборты и тайные знания попов](#)
- [Урок 26. Еще раз о Pussy Riot, чистоте, любви и шалостях](#)
- [Урок 27. Медиамифы РПЦ](#)
- [Урок 28. Православие в школе: что говорить детям](#)
- [Урок 29. Критерий веры](#)
- [Урок 30. Конец света в деталях](#)
- [Урок 31. РПЦ отзывает партию святых, оказавшихся бракованными](#)
- [Урок 32. Классика. Егорушка](#)
- [Урок 33. Беда господина Дураева](#)
- [Урок 34. О происхождении закона о защите чувств верующих](#)
- [Урок 35. Верую во единого Лунтика](#)
- [Урок 36. Энтропия](#)
- [Урок 37. О пользе закона об оскорбленных чувствах](#)
- [Урок 38. Об эксперименте и лабораторном материале](#)
- [Урок 39. Христианская злоба](#)
- [Урок 40. Церковь и наука: часть вторая](#)
- [Урок 41. Педофилята и педофилище](#)
- [Урок 42. Удочка патриотизма](#)
- [Урок 43. Голубые дали РПЦ](#)

- [Урок 44. Ответ «Антропогенезу»](#)
 - [Урок 45. «Антропогенез». Рублёв. Торшер](#)
 - [Урок 46. Чем всё закончится?](#)
 - [Иисус Тангейзерович Чаплин](#)
 - [Дурочка Клио или Почему историю не следует изучать в школах](#)
 - [Красавец Декарт](#)
 - [Особо опасное мышление. Из истории фриков](#)
 - [Вера с ручкой](#)
-

Александр Невзоров
Уроки атеизма

Теория и практика кощунства. Часть 1

У всех культов и религий есть одна небольшая проблемка. Она заключается в отсутствии бога как такового, а также любых косвенных признаков его существования.

Эта досадная мелочь, конечно, нервирует верующих. Правда, не всегда. Они сами уже научились мириться с этим фактом, но очень переживают, когда о нем узнают другие. Верующим кажется, что когда открывается истинное положение дел, то они со своими свечками, культом вяленых мертвецов и чалмами выглядят глуповато.

Секрет отсутствия бога, конечно, можно маскировать невнятицей пышных обрядов, ритуальными танцами или демагогией про «духовность».

Можно. Но только до определенной минуты. А она рано или поздно приходит, и тогда практическое отсутствие божества становится очевидно всем и каждому. Согласитесь, для верующего это не слишком приятное мгновение. Выставленный дурачком, он, как правило, впадает в бешенство, которое (в меру его испорченности) может быть реализовано как через простой скандал, так и через очередь из «АКМ».

Есть много различных способов обнажить пикантный факт богоотсутствия. Но универсальной способностью расставить точки над *i* в этом вопросе обладает лишь хорошее, сочное кощунство.

Почему? Потому что, напрямую задев личное достоинство бога, кощунство по идее должно спровоцировать его на немедленные ответные действия.

По сути, бог получает подзатыльник. Конечно, он может поджать хвост и промолчать, но для существа с таким грозно-кровавым имиджем, как, например, у иудео-христианского бога, это не слишком приличная поза. Безмолвие и бездействие божества в этом случае работает на его десакрализацию, т. е. на рассвящивание. Рушится профессиональная репутация бога, крепко вколоченная в сознание публики.

Сочинители религий списывали основные черты богов с самих себя. Поэтому мстительность, мнительность и истеричность стали

характерными особенностями и сверхъестественных персонажей.

Конечно, есть вариации. Есть культы помягче и пожестче. Но вот иудаизм, христианство и мусульманство давно попали в капкан собственной пропагандистской кампании. Они в отличие от других религий отрезали себе всякие пути к отступлению, придумав для себя не просто очень злобного, но еще и чрезвычайно капризного бога. Их бог начисто лишен чувства юмора, а 80 % его лексики – это шантаж и кровавые угрозы.

Конечно, все божества – от буддийской Палден Лхамо до чукотского Пивчунина – склочничают, истерикуют и истребляют людей. Но Зевс хотя бы периодически отвлекается на осеменение зазевавшихся гречанок, Палден часть времени тратит на пошив аксессуаров из кожи сына, а вот у библейского бога нет никаких других занятий, кроме самолюбования и запугивания бедных homo. Самоутверждается он исключительно посредством массовых убийств и распальцовок. И то и другое, судя по Библии, имело сумасшедший успех у скотоводов древности:

«И изолью на тебя негодование мое,дохну на тебя огнем ярости моей... Ты будешь пищею огню, кровь твоя останется на земле, не будут и вспоминать о тебе ибо, я, господь, сказал это» (Иез. 21–31, 22).

«И будете есть плоть сынов ваших и плоть дочерей ваших будете есть» (Левит 26–29).

«Старика, юношу и девицу и младенца и жен бейте до смерти» (Иез. 9–6).

«Кто вдали, тот умрет от моровой язвы; а кто близко, тот падет от меча, а оставшийся и уцелевший умрет от голода... и узнаете, что я – господь...» (Иез. 6—12,13).

Даже ничем не обиженный, этот бог кидается с неба камнями, поливает людей огнем или насылает на них эпидемии, войны и несчастья (Нав. 10–11).

Он может засушить дерево, не обнаружив на нем в марте месяце плоды, а даму, оглянувшуюся на свой пылающий дом, щелчком пальцев превращает в соляной столп (Мф. 21–19; Бытие 19–26).

Без всяких причин он уничтожает целые города и вырезает народы, а в один прекрасный момент устраивает массовое убийство всего человечества в целом. В водах Всемирного потопа библейское божество хладнокровно топит всех, включая грудничков, беременных

дам и древних старух, сделав исключение лишь для своего доверенного лица по имени Ной.

Отметим, что Библия предлагает нам очень специ-фическую картину бедствия. Все внимание акцентировано на корабlike, где уютно расположились зверюшки и Ноево семейство. Сотни тысяч, а возможно, миллионы детей и взрослых людей, мучительно умирающих в этот момент, удостоены лишь небрежного упоминания: «истребилось всякое существо, которое было на поверхности земли; от человека до скота...» (Быт. 7—23).

Невинная шуточка деревенских детей в адрес его другого доверенного лица (пророка Елисея) тоже вызывает немедленную реакцию бога. Но поскольку он все время изобретает какие-нибудь новые способы убийств, то малышей не жгут серой и не топят, а рвут медведицами. «И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка» (4 Царств. 2—24).

Бог и медведицы после этого, вероятно, меланхолично ковыряют в зубах, предоставив матерям собирать и оплакивать останки разорванных детишек.

Вообще, согласно «священному писанию», дети – это особая слабость христианского бога. Он любит и умеет их уничтожать.

Мы, правда, не знаем, каким именно образом бог убил всех первенцев в Египте (Исх. 12–29), но массовый забой младенцев – это именно его имиджевая акция, к которой он тщательно готовился, обсуждая ее с Моисеем. «Священное писание» христиан дипломатично сообщает лишь о том, что «сделался великий вопль в земле Египетской, ибо не было дома», где не было бы маленького мертвеца.

Любил бог оттянуться на грудничках (1 Царств. 6—19, Пс. 136—9), но не обделял вниманием и внутриутробников (Осия 14—1). По этому поводу в книге пророка Осии употребляется особо пикантное выражение – «рассечь беременных».

Впрочем, разорванные дети, массовые убийства и насылания эпидемий – это штатный репертуар. Просто для поддержания в публике должного градуса «страха божия» и непреходящего напоминания о «величии его». Настоящая истерика божества начинается тогда, когда он в той или иной форме получает

подзатыльник. То есть становится объектом насмешек или прямого глумления.

Естественно, никто из персонажей «священного писания» не называет бога «идиотом». Никто не рисует на него карикатур. Древнееврейские кощунства имеют весьма деликатную природу. Но! Даже попытка просто заглянуть в «ковчег завета» вызывает немедленную и очень злобную реакцию бога: «И поразил он жителей Вефсамиса за то, что они заглядывали в ковчег и убил из народа пятьдесят тысяч семьдесят человек» (1 Царств. 6—19). Забавная выходка мальчишек Надава и Авиуда, осмелившихся воскурить какой-то не тот ладан, приводит к тому, что «и вышел огонь от господа и сжег их и умерли они перед лицом господним» (Левит 10—2).

Мы можем предъявить множество таких примеров, но даже и этих достаточно, чтобы составить представление о характере и наклонностях Иеговы-Саваофа-Иисуса. В течение двадцати веков его имидж молниеносного и беспощадного карателя тщательно поддерживался и культивировался церковью.

Естественно, любая невинная шуточка в адрес бога должна и сегодня гарантировать нахалу превращение в пригоршню праха. Причем немедленно. А уж в случае прямого оскорбления «божьего величества» должны треснуть небеса, а архангелы – извлечь мечи огненные и порубить нечестивца на сотню обжаренных кусочков.

Расщепление культовых досок (икон) на вернисаже должно было бы завершиться потоками пылающей серы с небес. А песенка в ХХС – мгновенным разрыванием кощунниц по меньшей мере надвое. Но... звучат песенки «пуссей», летят иконные щепки, скрипят фломастеры «Шарли» – и ничего не происходит. Не летят шестикрылые серафимы и не разверзают небес шестнадцатиглазые херувимы. Многократно обещанное Библией кровавое шоу оказывается всего лишь древнееврейской сказкой. Такой же глупой и злой, как и фигура ее центрального персонажа.

Этот момент для всякого «верующего», выдрессированного в убежденности, что бог всемогущ, всеведущ, а главное, крайне свиреп, почти невыносим. Конечно, ему тоже очевиден признак «отсутствия». И тогда он собственной суетой пытается замаскировать ту нестерпимую тишину и будничность, что наступают после кощунства.

И он заполняет ее воем миллионного митинга, автоматными очередями или голосом Марины Сыровой.

Верующих можно понять. Им очень не хочется выглядеть дураками, впустую потратившими жизнь на долбежку лбом об пол и поцелуи с сушеными трупами. Имея некоторый религиозный опыт, они точно знают, что в результате кощунства ничего не произойдет, и берутся сделать за своего бога его «работу».

Ситуацию подогревают попы. Когда обычными способами факт отсутствия бога завуалировать уже не удастся, то сочиняются новые статьи Уголовного кодекса, разжигаются костры, а верующим придумывают некие «особые чувства», которых нет у других людей. Эти «чувства» сегодня неплохо заменяют бога, сами становясь объектом поклонения.

О том, существуют ли эти «чувства» на самом деле, мы поговорим во второй части нашей статьи.

P. S.

Существует стереотип, основанный на каноническом и догматическом невежестве. Верующие наивно делят Ветхий и Новый Завет, вероятно, предполагая, что в них идет речь о разных богах. Отнюдь.

Особая пикантность ситуации заключается в том, что Иисус и разрыватель детишек медведями – это один и тот же бог, в зависимости от конъюнктуры меняющий имена и т. н. сущности.

В христианстве не три бога и не два. Он один.

Теория и практика кощунства. Часть 2

Прежде чем поцеловать попу руку, подумайте, что он делал ею пять минут назад.

Когда звучит простой вопрос: «А можно ли оскорблять чувства верующих?» – скисают даже самые прожженные либералы. Идеологические шпажки тут же запикиваются в ножны. Наступает время оговорок, десятков различных «но» и расшаркиваний. В результате получается невразумительное бляение, не содержащее вообще никакого ответа.

Хотя ответ на этот вопрос предельно прост: на тех территориях, где не существует прямого законодательного запрещения на такое оскорбление, делать это, несомненно, можно. Более того, нужно. И даже необходимо.

Конечно, есть территории, избравшие своим уделом интеллектуальную деградацию или не имеющие никаких амбиций развития. Их список известен: Бангладеш, Россия, Нигерия, Афганистан и другие державы, ориентированные на самобытность и духовность. Там законы, защищающие «чувства верующих», разумеется, используются и применяются.

В кодексах развитых стран подобные запрещения иногда встречаются (в виде юридических окаменелостей), но в основном цивилизованный мир следует решениям Венецианской комиссии при Совете Европы, давно рекомендовавшей «исключить кощунство из числа правонарушений».

Смысл этой рекомендации понятен. Дело в том, что право на кощунство – гораздо более важное право, чем это кажется на первый взгляд. Кощунство – существенная компонента свободомыслия, позволяющая лаконично выразить свое отношение к набору тех архаичных нелепостей, что лежат в основе любой религии. Более того, публичное кощунство является прекрасным способом напомнить верующим, что они не единоличные владельцы мира, культуры и информационных пространств. Что помимо их воззрений существуют и диаметрально противоположные.

Это напоминание полезно и для самих верующих. Дело в том, что в благоприятных средах они быстро забываются и теряют ориентиры поведения. Что впоследствии неминуемо приводит к драмам. Мы многократно наблюдали, как попы сперва суют всем под нос руки, назойливо требуя поцелуев, а потом обижаются, созерцая свои окровавленные культы. Периодически натываясь кадыком на клинок атеизма, верующие трезвеют и «возвращаются в берега». Это сохраняет балансы и позволяет избежать неприятных эксцессов.

Возвращаемся в нашу тему. На территории РФ мы, к сожалению, лишены возможности публично кощунствовать. Почему мы говорим «к сожалению»? Потому что сегодня нам необходимо выяснить, существуют ли у верующих некие особые «чувства». Конечно, это проще было бы сделать на каком-нибудь живом примере. На минуточку запустив механизм кощунства, мы бы легко разглядели и конструкцию пресловутых «чувств». Верующие выучены отзываться на такие провокации и своей реакцией всегда предоставляют превосходный исследовательский материал. Но! По известным причинам (ст. 148 УК) мы не можем этого сделать, а поэтому будем рассматривать механизм «кощунство – оскорбление чувств», ни в коем случае не приводя его в движение. Так сказать, в статике. Впрочем, и выключенный, этот механизм тоже понятен, а ковыряться в нем пинцетами логики еще удобнее.

Итак. Предположим, что «чувства верующих», т. е. некие неведомые науке и недоступные другим людям ощущения, действительно существуют. В таком случае мы имеем дело с феноменом. С паранормальным явлением, достойным тщательного изучения. Практически каждый «верующий» утверждает, что наличие таких «чувств» радикально отличает его от всех остальных людей. Это серьезное заявление. Отметим, что сегодня оно является претензией на целый набор существенных привилегий.

Какова же природа этих «чувств»? По логике вещей они должны быть приложением к тому комплексу догматов, с исповедания которых начинается всякий верующий. Но если это так, то они должны быть неизменны точно так же, как само христианство. И иметь столь же древнее происхождение. В этом случае оскорбительное для верующих IV века должно столь же сильно оскорблять поклонников Иисуса и в

XVII столетии. А то, что было нестерпимо для христиан X века, – непременно должно «сработать» и в XXI. Так ли это? Посмотрим.

Начиная с III века христиан смертельно оскорбляли Гомер, Еврипид, Софокл, Эсхил, а также вся античная классика. Почему? Да потому что эти авторы в своих сочинениях упоминали или прославляли языческих богов. Посему Гомера и прочих Софоклов запретили преподавать в школах, а их сочинения сжигались, закапывались в землю или соскребались с пергаментов. Тех, кто осмеливался их декламировать или просто читать, убивали. Бесконечное количество книг, содержащих имена Озириса, Зевса, Гермеса, Марса и других конкурентов Иеговы-Иисуса, были уничтожены.

Афиней Навкратисский в своем «Пире философов» называет относительно точные цифры: он пишет, что примерно 800 имен античных писателей и ученых и около 1500 их произведений были утрачены навсегда в период расправы последователей Иисуса с античной литературой.

В 391 году епископ Феофил дожег Александрийскую библиотеку. Там оставалось порядка 26 000 томов «оскорбительной» литературы. Благочестивейший Валент приказал специально собрать по всей Антиохии книги дохристианского периода и уничтожить «без всякого следа». Папа Григорий I в 590 году издал декреталию, обязывающую покончить с «мерзостью» Гомеров, Апулеев и Демокритов. В ворохах сжигаемых книг частенько находилось местечко и для ученых того времени.

Хотя надо отдать должное христианам: в ту пору они еще любили разглядывать мучения своих оскорбителей и предпочитали убивать их каким-нибудь бездымным способом. Например, срезая с них мясо острыми ракушками. С живых. Именно так им удалось покончить с первой женщиной-астрономом Гипатией, убитой по распоряжению св. Кирилла Александрийского.

Надо сказать, что не только книги, но и вся античная культура «оскорбляла чувства верующих во Христа». Последователи «пресладкого бога» сносили храмы, дробили статуи, смывали фрески, крошили камеи и скалывали мозаики.

Спустя всего несколько веков мы видим представителей этой же веры, любовно коллекционирующих древнеримское и греческое

искусство. Они уже мастерят стеклянные капсулы для камей с Аполлоном и сдувают пылинки с мраморных глаз Афины. По какой-то загадочной причине то, что так сильно терзало верующих и причиняло им «душевные муки», становится объектом их же восхищения, изучения и торговли.

Здесь становится правомерным первое сомнение в наличии неких особых «чувств», остро и напрямую связанных с верой.

Дальше все развивается еще любопытнее. Наступает минута, когда самым сильным оскорблением чувств верующих становятся... иконы. На секундочку заглянем в православную Византию VIII века. Гомер уже никого не волнует. Зато мы видим огромные костры из икон. Видим иконописцев, которым в наказание за их творчество отрубили пальцы или сварили руки в кипятке. 338 православных епископов на соборе 754 года (во Влахернской церкви) объявляют иконы самым страшным оскорблением религии и требуют их полного уничтожения. Православные толпы рыщут по всей Византии, выискивая повод оскорбиться посильнее. Они его легко находят, так как иконы есть в каждом доме. Тому, у кого в доме обнаруживают живописное изображение Иисуса Иосифовича или его мамы, эту икону разбивают об голову. После разбития крупные фрагменты некогда священных досок заколачивают в зад их владельцев. Или в глотку. Ставится на поток и глумление над образами. Поверх ликов на иконах рисуются свинособачьи или «иные демонские рыльца».

338 православных епископов потирают лапки и еще усерднее зажигают верующие толпы, в красках расписывая нюансы той душевной боли, которую должна причинять истинно верующим иконопись. Но через несколько лет все меняется волшебным образом. 338 православных епископов, пошушукавшись, вновь берутся за дело – и по всей Византии начинается облава на тех, кто колот и варил в кипятке руки живых иконописцев. В результате тех же самых православных, которых оскорблял факт существования икон, начинает оскорблять даже мысль об их сожжении или раскалывании. Начинается новый поиск виновных. Их находят без всякого труда и поят свинцовыми расплавами. Византийский пейзаж украшается трупами с выжженными ртами и внутренностями. Это – кощунники-иконоборцы. Теперь именно они вызывают ненависть христиан. Ровно такую же, как несколько лет назад, вызывали иконописцы и

иконостасы. 338 православных епископов светятся счастьем, а иконы вновь объявляются особо почитаемыми предметами. Наигравшись в иконоборчество, верующие устремляются на поиски новых поводов оскорбиться.

Разумеется, сравнение христиан с бандерлогами, которые, погромив и напакостничав, быстро теряют интерес к объекту погрома и бегут искать новые, более сильные ощущения, не слишком корректно. Пока воздержимся от него. Посмотрим, что было дальше.

А дальше было еще интереснее. Христиане начали оскорбляться вообще на все, что попадалось им под руку: на астрономию, химию, книгопечатание, палеонтологию и ботанику. На открытие аптек, электричества и рентгеновских лучей. Опустим хрестоматийные и всем известные примеры Де Доминиса, Бруно, Бюффона, Мигеля Сервета, Шарля Этьена, Ивана Федорова, et cetera. Рассмотрим менее известные, совсем недавние скандалы.

Самое начало XIX века. Оскорбленные анатомией русские семинаристы под водительством казанского епископа Амвросия врываются на анатомическую кафедру Казанского университета, громят учебные коллекции, а все, что остается не расколото и не затоптанного, сбрасывают в специально заготовленные гробы, отпевают и хоронят под колокольный звон и пение.

Середина XIX века. Верующим нанесено новое страшное оскорбление: огромные кости, которые, по их мнению, служат доказательством существования описанных Библией великанов (Быт. 6–4, Числ. 13–34), наукой объявлены останками древних ящеров. Ученых прямо обвиняют в кощунстве, умалении авторитета «священного писания» и посягательстве на «основы благочестия».

Конец XIX века. Теперь верующие возмущены тем, что гинекология может стать легальной отраслью медицины. Возможность разглядывания, обсуждения, изучения и изображения *rima pudendi* приводит их в невероятную ярость. А спустя всего 50 лет христианки, сидя в гинекологических креслах, весело машут билетиками в ставшие модными палеонтологические и анатомические музеи.

Много столетий верующие имели возможность решать любые вопросы с помощью костров. Когда у них отобрали спички, они ринулись в юридические бездны, требуя защиты своих особых

«чувств» особыми законами. Перечислить все, что на протяжении двадцати веков вызывало их истерики, практически невозможно. Это изобретение железных дорог, радио, авиации, бурение скважин и объяснение происхождения видов. Сегодня мы можем с уверенностью утверждать: все, что когда-то оскорбляло религиозные чувства, обязательно становилось гордостью человечества.

Но дело даже не в этом. Нас больше беспокоит тот факт, что оскорбленность верующих каждый раз вызывалась некой новой причиной, а через некоторое время проходила без следа. Более того, всласть пооскорблявшись, христиане оказывались очень активными и благодарными пользователями того, что недавно причиняло им такую «душевную боль».

При всем желании мы не видим никакой связи их «чувств» с догматами их веры или другими паранормальными фактурами. Мы видим лишь обыкновенную людскую злобу, умело направляемую их идеологами то на одно, то на другое. Эта злоба пририсовывала в VIII веке свиное рыльце Христу на иконах, в XVI – заставляла громить первую в России типографию, а в XIX – травила Дарвина. Приглядевшись еще пристальнее, мы можем заметить (помимо злобы) нетерпимость к инакомыслию и новациям. Несомненно, злоба и нетерпимость – это сильные чувства. Но они не являются уникальными и не дают прав на привилегии.

Даже этот краткий анализ позволяет (с известной уверенностью) утверждать, что «особые чувства» верующих являются фикцией. Таким же надуманным и искусственным понятием, как и сама вера.

Дело в том, что религиозность не есть врожденное и неизбежное свойство человека. ДНК не занимается такими пустяками, как передача конфессиональной принадлежности. Вера – это всегда результат внушения, научения или подражания. Она всегда обусловлена условиями среды обитания и обстоятельствами. Точно так же обстоят дела и с «оскорблением чувств». Если верующего не выучить оскорбляться, то он никогда и не будет этого делать.

Давайте рассмотрим это утверждение на очень простом примере. Для максимальной наглядности нашего мысленного эксперимента возьмем фигуру главного христианина России, ревнителя православия Владимира Гундяева, известного под церковным псевдонимом

«патриарх Кирилл». Предположим (бывает всякое), что маленького Володю в возрасте двух-трех лет украли бы цыгане. И, заметая следы, перепродали бы в другой, дальний табор. А оттуда – еще дальше. Госграницы для цыган – понятие условное. Посему перепродажи кудрявого малыша могли бы завершиться в Ассаме, Бихаре или другом штате прекрасной Индии. Разумеется, воспитанный джунглями, Володя был бы совершенно другим человеком. Он не знал бы своего настоящего имени. Его родным языком стал бы бенгальский. Ни о каких Христах, дикириях и кафизмах он не имел бы ни малейшего представления. Его богами стали бы слонолицый Ганеш, многорукая Кали и обезьянка Хануман. Его чувств никогда не оскорбила бы шалость «пуссей». А из щепок спиленного «Фемен» креста наш герой сложил бы костерчик и весело зажарил на нем жирную праздничную кобру.

Оторванные уши бога

История повторяется. Когда-то с пьедестала «центра вселенной» была свергнута Земля. Астрономия вынесла свой приговор, изменив статус планеты. Из точки «божественного средоточия», вокруг которого «все вращается и движется», Земля переместилась в разряд третьестепенного космического тела, не имеющего влияния ни на какие процессы Вселенной. Чуть позже не поздоровилось и Солнцу. Его астрономический статус был определен как «пожилая карликовая звезда».

А главная гордость планеты – органическая жизнь на поверхности – оказалась простым следствием удачно совпавших астрономических и химических обстоятельств. Более того, выяснилось, что «гордость» весьма эфемерна, а ее наличие зависит от огромного количества непредсказуемых и весьма капризных факторов.

Затем наука ниспровергла и человека. По крайней мере его физическое тело. Вскормленный легендами о том, что он, в отличие от прочих организмов, создан лично «сверхъестественной силой» по «ее образу и подобию», homo оказался весьма рядовым животным, недавно сошедшим с конвейера эволюции. Его родословие, как и у остальных организмов на Земле, началось не с Эдема и рук «творца», и даже не с набора нуклеиновых кислот, а с нескольких химических элементов, которым своеобразная среда планеты обеспечила возможность «химического промискуитета», т. е. возможность много и беспорядочно вступать меж собой в любые связи.

Чуть позже (как следствие этой оргии) сложились нуклеиновые кислоты и их интегративная сила, способная формировать новую, органическую форму жизни. Затем, теряя остатки всякого романтизма, присущего только процессам чистой химии, родословие человека продолжилось протобактериями, слепыми мякотными организмами, круглоротыми рыбами, звероящерами, первыми плацентарными и наконец добралось до секции узконосых отряда приматов, где в настоящее время и приостановилось.

С последнего семейного портрета в длинной галерее предков на нас смотрит «человекородица». Это еще не лишенная покровной

шерсти древняя самка homo, жадно поедающая свою собственную плаценту, как это вообще принято у большей части млекопитающих всеядных. Она только что разрешилась от бремени, и в ее глазах лукавое предчувствие славы Девы Марии и Коко Шанель. Действительно, пройдет всего пара миллионов лет, и она получит кружевные чулки и психику.

Мы здесь упомянули лишь два глобальных разоблачения, опустив тысячи мелких, чтобы вернуться к третьему, т. е. к «чуду» сознания, разума, мышления и интеллекта.

Нет сомнения, что рано или поздно и этот загадочный фактор ожидало развенчание, вслед за статусом Земли и происхождением человека. Оно, как и следовало ожидать, произошло по мере накопления знаний о головном мозге. Но тут-то и началась настоящая драма.

Выяснилось, что никакая научная, т. е. основанная на строгой фактологии, трактовка разума и мышления не в состоянии преодолеть барьер самолюбования homo, его уверенность в своей необыкновенности. Да, физиология высказалась, а эволюционистика, физика, химия и геология подтвердили ее печальный вывод.

С учетом «низкого биологического происхождения» человека ничего неожиданного в нем и не могло быть, но... homo выслушал вывод – и в ответ «включил» на полную мощность уверенность в том, что секрет его разума выше всякого знания. Теология, философия, психология, эзотерика, поэзия и литература провозгласили разум человека вечно таинственным Граалем, изготовленным надмирной силой специально для homo. Его-то и передают друг другу через века Данте и Майкл Джексон, Да Винчи и Блаватская.

Это сегодня человека мало беспокоят разоблачения астрономических и филогенетических мифов, но поначалу он устраивал весьма эмоциональные истерики как по одному, так и по другому поводу. Он жег и бросал в тюрьмы разоблачителей, вырывал у них отречения, травил, проклинал, подвергал остракизму, писал и издавал тысячи томов опровержений.

Следует понимать, что кардиналы, судившие Галилея, инквизиторы, сжигавшие Бруно, профессора, травившие Дарвина, сражались за право человека на исключительную роль в мироздании. Истребляя и вразумляя разрушителей священных легенд, апологеты

духовности защищали уникальность homo и центральность его роли в мире и Вселенной.

Спустя некоторое время homo успокоился. Он утешил себя тем, что, несмотря на астрономическую ничтожность места его обитания и «обезьянье прошлое», с ним навсегда остается его «Священный Грааль», т. е. чудо его психики и «внутреннего мира». Наука рукой Дюбуа-Раймона подписала мирный договор с метафизикой, признав в мышлении таинство, механизм которого – *ignotamus et ignorabimus* (не знаем и не узнаем). Тем самым была проведена жирная черта, отделившая в самом главном вопросе человека от животного.

На некоторое время все затихло. Но в первой же четверти XX века добрый взгляд Ивана Петровича Павлова принес жуткую весть: механизм образования условных рефлексов у человека оказался точно таким же, как и у всех остальных животных. В этой простой формулировке заключался смысл, с которым смириться было уже невозможно. Это означало, что мозг у всех высших млекопитающих работает по одному и тому же принципу, а продукты этой работы не имеют принципиальных биологических отличий.

В «чашу Грааля» закапала слюна «собачек», существенно меняя химический состав эликсира, который тридцать веков опьянял человечество.

Напоследок Павлов вытер руки о грязный халат и деликатненько посоветовал человечеству отказаться от понятия «психика», заменив его на более точное определение – «сложнонервная деятельность организма». Чуть позже все, что еще могло после Павлова оставаться непонятым, разъяснили Пенфилд, Джаспер, Мэгун, Морuzzi et al.

Реакция была предсказуема. Трезветь и перемещаться в статус дрессированного животного человек категорически не захотел. Он вцепился во все, что могло подтвердить наличие и непостижимость его главной «тайны».

Сегодня, пользуясь случаем, имеет смысл повертеть эту «тайну» в пальцах и хорошенько ее рассмотреть. Мы знаем эту тайну, она всегда под рукой, всегда в доступности; она имеет тысячи форм и давнюю историю.

Итак, мы говорим о гипотезе, согласно которой в основе разума, мышления и интеллекта все же содержится некий таинственный и непостижимый компонент. Именно он обеспечивает прозрения,

вдохновение, способность чувствовать и оценивать красоту, верить и пророчествовать; его наличие обеспечивает работу «кантовского императива» и желание в весенний денек постучаться крашеными яйцами. Вероятно, этот же компонент обязывает нас прослезиться от 9-й симфонии Бетховена или от «Комаринского». Также он генерирует совесть и потребность маршировать.

Остается решить, что же это? Либо это действительно «внефизическая» компонента, либо сложные цепи условных рефлексов, вызываемых крайне специфическими, виртуозно структурированными раздражителями.

В «чистом виде» данная гипотеза обитает во всех религиях мира. В несколько контаминированном (загрязненном) варианте – в культурах и философии. У нее много транскрипций, но мы можем воспользоваться как ее самой лаконичной номенклатурой, т. е. понятием «бог», так и различными производными: «душа», «дух», «духовность» et cetera.

По этой версии мышление и разум – это «зеркало, в котором можно втайне увидеть образ божественного разума» (*Рёскин*), а также «разум в состоянии существовать и действовать независимо от физического организма», и «он способен воздействовать на обычную материю образом, который невозможно объяснить с помощью известных законов физики» (*Кремо*). Шопенгауэр утверждал, что «интеллект не существует сам по себе, но подчиняется динамической и суперрациональной силе», а Юнг говорил: «Наша психика – часть бога, и тайна ее безгранична».

Сюда же следует отнести и различные характеристики «духовности», поскольку иррациональная гипотеза прочно увязывает интеллект именно с ней. Бердяев характеризует ее так: «Духовность есть богочеловеческое состояние». Антоний Сурожский утверждает, что «духовность заключается в том, что в нас совершается действие духа святого».

Здесь легко заметить неконкретность формулировок светочей религиозного мышления и вспомнить «духовность» в ироничной трактовке Поля-Анри Гольбаха: «Отсюда одно за другим появились понятия духовности, нематериальности, бессмертности. Все эти неопределенные слова, которые мало-помалу изобрели, изошряясь во все больших тонкостях, для обозначения свойств неизвестной

субстанции, каковую человек счел заключенной в себе в качестве скрытого принципа своих видимых действий...» «Люди всегда имели склонность прикрывать свое невежество изобретением слов, с которыми не соединялось никакого смысла».

Но оставим пока Гольбаха с его вечным насмешничаньем. Нетрудно вспомнить, что Поль-Анри, развеселившись, пообещал «оборвать богу уши». Впрочем, Гольбах вновь выведет нас к «формалиновым формулировкам», а дорогу к ним мы теперь хорошо знаем и сами. Мы, напоминая, решили добросовестно и доброжелательно отпрепарировать идею бога и ее возможную роль в мышлении и интеллекте человека.

Эта идея расплывчата и капризна. Но закроем глаза на ее изъяны. Постараемся выудить из нее все, что могло бы нам пригодиться.

Возможно, «сверхъестественное» и есть то звено в цепочке последовательных актов мышления, которого нам недостает, чтобы объяснить парадоксальность слез животного при чтении им «Маленького принца» или других образцов радикального лицемерия и сентиментализма?

Помимо всего прочего, версия важной роли иррационального фактора в процессах мышления и восприятия является весьма и весьма успешной. Эта гипотеза безраздельно царствовала тридцать веков. Она породила прекрасную легенду о «психике». Она сформировала все виды культуры и большинство моделей поведения человека. Она же когда-то нянчила маленькую науку. И именно к ее горлу малютка в первую очередь (еще из колыбели) и протянула руки. К середине XIX века после долгой взаимной борьбы науке удалось почти придушить свою старую нянюшку, но у той оказалась на удивление крепкая шея.

Конечно, можно скептически игнорировать мнения различных «сурожских-платонов-бердяевых-юнгов». Их формулировки бессодержательны, а их заслуги – в контексте нашей работы – весьма сомнительны. Но что мы будем делать с почти фанатичной религиозностью Исаака Ньютона и Пастера, с агрессивным мистицизмом Т. Шванна? Можем ли мы забыть об эзотеризме членов Теософского общества Эдисона и Фламариона? О страстном спиритуалисте Бутлерове? Удастся ли нам списать на некое недоразумение набожность великого химика Рамзая, а также

религиозность еще множества творцов науки? Куда мы денем Дж. Экклса с его мнением о реальности «души»? Как будем игнорировать епископский сан автора теории «Доминанты» А. А. Ухтомского и благочестие аббата Менделя?

Будем честны до конца: большинство «создателей» нашего интеллекта не имело никаких сомнений в том, что версия «надприродности» мышления является единственно верной. Даже если мы возьмем нейрофизиологию, где сумма минимальных обязательных знаний должна была бы страховать от заражения мистицизмом, то в списке из примерно трехсот главных имен ее создателей мы едва насчитаем десятков-атеистов.

Стоит также вспомнить сэра Альфреда Рассела Уоллеса. Он одновременно с Дарвином сформулировал принцип развития видов, происхождения от общего предка и (отчасти) роль мутаций. Уоллес, будучи почти равновеликим Дарвину творцом эволюционной теории, лучше других видел ее слабые стороны и уязвимость. Он утверждал, что человеческий разум не может объясняться одним лишь естественным-отбором и что метаморфоза обезьяны в человека не могла обойтись без вмешательства «внебиологической силы». Причем следует помнить, что смутила Уоллеса не филогения, а именно не объясняемое отбором, конвергенцией, дивергенцией и мутациями «пришествие» мышления человека.

Конечно, недоумение Уоллеса мы можем списать на то, что он не был знаком ни с физиологией мозга, ни с теориями условных рефлексов и ретикулярной формации. Формально это очень красивый ход, который, возможно, закроет «вопрос Уоллеса». Но вот с гегельянцем Ч. С. Шеррингтоном или с епископом А. А. Ухтомским он уже не сработает. Они оба не только прекрасно знали мозг и павловскую теорию, но и лично наблюдали экспериментальную составляющую теории условных рефлексов.

Спрятаться от всей этой фактуры за отговорками о детерминированности личности всех этих людей их «темным временем» тоже не получится. Это будет трусливая и беспомощная отговорка. У Экклса, Оуэна, Вирхова, Шеррингтона, Пастера и Эдиссона не было никаких причин бояться костров инквизиции или набожных жен.

Фактор наличия множества «верующих ученых», конечно, не является решающим для исследуемого вопроса, но и во влиятельности ему отказать на первый взгляд никак нельзя. Все вышеупомянутые лица являются реальными творцами цивилизации, обладателями наиболее точного и здравого взгляда на мир. Именно им, а не кому-либо мы обязаны успехами человечества, ибо, как совершенно справедливо замечал Жак Лёб, «истинная история делается в лабораториях, а не в парламентах или окопах».

Убежденность различных поэтов-живописцев-композиторов, вне зависимости от их славы и известности, можно не принимать всерьез. Они в действительности мало что стоят и пригодны только для развлечения. Но здесь мы говорим о тех, для кого, по выражению И. П. Павлова, «ясновидение действительности» было профессией и смыслом жизни.

Именно ученые меняли к лучшему судьбу вида. Нам предстоит выяснить, насколько их мнение по данному вопросу может быть аргументом в пользу «сверхъестественного» начала в мироздании и в мышлении человека. Да, все они, от Аристотеля и Декарта до Пастера и Шеррингтона, по идее должны быть для нас авторитетами. Но именно они и научили нас не иметь никаких авторитетов.

Они же научили нас заботиться о «стерильности пробирок», раз и навсегда пояснив, что даже самое драгоценное загрязнение лабораторной посуды не позволяет получить чистого результата при проведении опыта. А мнения и убеждения великих, несмотря на всю их почтенность, – это тоже «осадок на стенках пробирки». Тот самый, который необходимо смыть. Пол Карл Фейерабенд (1924–1994) первым решился пояснить, насколько необходимым и продуктивным методом является отсутствие т. н. уважения к именам в науке. Конечно, желательно соблюдать некоторые приличия, но не переходя при этом границ простого лицемерия. Следует помнить, что от почтения к имени до догмы – один шаг.

Итак. Как мы уже установили, научное открытие – это прежде всего очень высокая степень безошибочности в оценке того или иного частного явления или свойства. Теперь понаблюдаем за тем, передается ли с великих открытий «фактор безошибочности» на все, в чем были уверены наши «великие открыватели».

Начнем с Аристотеля, полагавшего, что метеориты – это «испарения земли, которые поднимаются ввысь, а приближаясь к некой «сфере огня», загораются и падают вниз». Можно припомнить его же трактовку существования палеонтологических останков: Стагирит объяснял их действиями «подземных раздражательных сил, которые копируют происходящее на поверхности».

А вот И. Ньютон полагал, что все сообщения о метеоритах – глупая выдумка, потому что им вообще «неоткуда падать». Также «на основании сопоставлений астрономических и исторических доказательств» он отстаивал собственное убеждение в том, что возраст Земли не превышает шести тысяч лет.

Ф. Бэкон страстно рассуждал о роли ведьм в погублении посевов, В. М. Бехтерев был поклонником «цветотерапии», У. Гладстон утверждал, что древние греки не различали цвета, а великий Либих был убежден, что дрожжи не являются живой органикой.

Роберт Бойль требовал, чтобы рудокопы представляли отчет, с какой именно глубины земных толщ начинаются «обиталища демонов» и как выглядят их «гнезда», а Бюффон заявлял, что в Северной Америке эволюция идет медленнее, чем на других континентах. И. Кеплер утверждал, что кратеры на Луне воздвигнуты лунными жителями, К. Фламарион был уверен, что на ней существует растительность, а Галилей убеждал, что мысли Кеплера о влиянии Луны на приливы и отливы в морях и океанах Земли – «вздор и ребячество». Кеплер же был убежден, что цвет – «это вещь совершенно отличная от света, некое качество, пребывающее на поверхности непрозрачных тел».

Коперник не сомневался в наличии описанных Птолемеем «хрустальных сфер неба». Он лишь скорректировал египтянина, сократив количество «сфер» с восьмидесяти до тридцати четырех. Это милое заблуждение даже вынесено в заглавие основного труда его жизни – «О вращении небесных сфер».

Лорд Кельвин заявлял, что рентгеновские лучи – это мошенничество, что никакой аэроплан летать не сможет, а в 1900 году выразил уверенность и в том, что ничего нового в физике открыть уже нельзя.

Жан-Жозеф Вирей в своем фундаментальном труде «Естественная история человеческого рода» (Париж, 1824) утверждал, что негры

выделяют пот черного цвета, а Резерфорд – что коммерческое использование атомных процессов невозможно в принципе.

Тихо Браге настаивал на том, что вокруг Солнца вращаются все планеты, кроме Земли, которая остается неподвижной. Жозеф де Лаланд утверждал, что вероятность полетов на воздушном шаре – пустая фантазия, а Французская академия наук в полном составе смеялась над идеей громоотвода. Она же потешалась над дифференциальным исчислением Лейбница, над теорией телеграфа и настолько категорично отрицала существование аэролитов (метеоритов), что требовала их убрать из всех музеев.

Великий Христиан Гюйгенс считал дефицит пеньковых веревок главной проблемой планеты Юпитер. По мнению Гюйгенса, наличие «при нем» четырех лун (тогда было известно лишь четыре спутника Юпитера) неопровержимо свидетельствовало о неспокойности морей этой планеты и, соответственно, о необходимости очень большого количества сверхпрочного такелажа для крепости парусов юпитерианского – флота.

Эдвард Кларк (1820–1877) предупреждал, что образованность женщин приводит к «пересыханию» у них матки, а авторитетнейший гинеколог своего времени Джордж Нефейс (1842–1876) убеждал, что мастурбация ведет к слабоумию.

Сэр Артур Кизс возглавлял и организовывал тот почтительный хоровод, который палеоантропология первой половины XX века почти сорок лет водила вокруг останков т. н. Пилтдаунского человека (мы помним, что какой-то весельчак смастерил их из вполне рецентного черепа и обезьяньей мандибулы, затем покрасил бихроматом калия и «вбросил» в научное сообщество под видом древнейшей окаменелости).

А. Сент-Дьердьи учил тому, что белок проводит электричество, хотя на самом деле он является изолятором.

Этот занятный реестр можно продолжать почти до бесконечности.

Лейбниц отвергал ньютоновские идеи тяготения; Тесла и Маркони уверяли, что получают радиосигналы с Марса; Дарвин страстно проповедовал и разрабатывал нелепую теорию пангенов; Ричард Оуэн не смог обнаружить в мозгу обезьяны гиппокампа; Кювье доказывал, что эволюция – это полный вздор; Карл фон Бэр категорично отрицал родственность живых организмов; Эдмунд

Галлей полагал, что Земля имеет внутренние шары, тоже окруженные атмосферой, утечки которой образуют полярное сияние; Д. Пристли был убежден в существовании флогистона; Р. Вирхов посмеялся над настоящим черепом неандертальца, сделав авторитетное краниологическое заключение, что он принадлежит не древнему человеку, а русскому казаку-алкоголику XIX века; У. Гопкинс и Ч. Лайель были убеждены в глупости утверждения Л. Агассиса, будто бы лед способен передвигать каменные глыбы, и посему предложили даже не обсуждать идею перемещения камней ледниками как нелепую; А. Везалиус категорически выступал против разделения нервов на двигательные и чувствительные; К. Варолий (Варолиус) утверждал, что именно мозжечок является органом звуковых восприятий; Дальтон был убежден, что в передней камере его собственного глаза содержится жидкость синего цвета и что именно эта аномалия обесцвечивает для него картинку мира; Гальвани до конца дней пребывал в уверенности, что открыл «электрический флюид», способный воскрешать мертвые организмы.

Даже на основании этой лаконичной выборки мы видим, что самые блестящие химики, физиологи, физики, геологи, чуть-чуть выйдя за пределы своей узкой компетенции, глубоко ошибались в оценках важнейших явлений и фактов. Что еще забавнее, не менее часто они ошибались и оставаясь в пределах той дисциплины, изучению которой посвятили жизнь.

Зачем мы сейчас перечислили эти смешные и в той или иной степени позорные ошибки великолепных ученых? Исключительно для того, чтобы напомнить, что ошибки остаются ошибками вне зависимости от «высоты», с которой они прозвучали.

Все величие имени Ч. Лайеля не придает никакого веса его заблуждениям о ледниках, а значимость Вирхова не превращает подлинный череп питекантропа в останки русского казака.

Иными словами, мы не вправе придавать гипотезе бога, даже если ею увлечен сам Ньютон или Гюйгенс, больше значения, чем проблеме дефицита пеньковых веревок на Юпитере. «Гиппокамп Оуэна» и «сигналы с Марса» Маркони – прекрасные примеры того, что глупость, кем бы она ни была сказана, глупостью и остается.

Очень важно понимать следующее: мы принимаем теорию эволюции не потому, что ее сформулировал пугливый бородач Дарвин,

который ходил на «Бигле», имел набожную супругу и прекрасно разбирался в усоногих раках. А потому, что она получила многочисленные и неопровержимые подтверждения и получает их уже на протяжении ста пятидесяти лет. Если бы не этот факт, то имя сэра Чарльза было бы забыто точно так же, как и имена сотен других чудаков, потративших свою жизнь на реторты, телескопы и микроскопы.

Еще один пример. Теория условных рефлексов для нас становится основополагающим принципом понимания сложной нервной деятельности не потому, что Иван Павлов был обаятельнейшим человеком и всю свою жизнь посвятил изучению физиологии мозга. И даже не потому, что Иван Петрович был чемпионом п. Колтуши по игре в городки. Нет. Мы руководствуемся ею только потому, что именно она (и только она) имеет под собой колоссальную эмпирическую базу и способна «просто, проверяемо и доказательно» объяснить большинство явлений разума и мышления.

А вот те убежденности Дарвина и Павлова, которые не подтвердились и в силу этого не получили никакого научного «продолжения», погребены вместе с ними. Они не представляют интереса ни для кого, кроме историков науки (мы здесь имеем в виду конфузы с пангенами и наследованием условных рефлексов мышами).

Эту схему мы можем распространить на любые убеждения как этих, так и других ученых. В том числе и на их религиозные или атеистические пристрастия.

Для решения «вопроса бога» атеизм Павлова стоит не дороже, чем набожность Рамзая. Безбожие Ивана Петровича настолько же не доказывает отсутствия бога, как благочестие сэра Уильяма – его присутствие.

Апелляция по любым общим вопросам к авторитетам ученых – типичный атавизм мышления, доставшийся XXI веку в наследство от культа религиозных пророков. Как мы помним, последние всегда были специалистами во всем без исключения, начиная от пеленания младенцев и до происхождения затмений.

Начиная с XVII столетия «пророков» в обывательском представлении заменили ученые. В качестве неизбежного обременения им досталась и роль арбитров. Дело в том, что публика по старой привычке сохраняет потребность во «всеведущих учителях».

Ей это необходимо, так как освобождает от необходимости задумываться на сложные темы и легализует любую удобную ахинею.

Вспомним почтеннейшего Иринея Лионского и его реплику о том, что у соляной статуи, в которую божество Библии превратило жену Лота, на протяжении столетий выделялись месячные. Этот многозначительный абсурд цитировался и приводился как одно из доказательств всемогущества бога, порочности женщины, неотвратимости божией кары, трагедии Содома, спасительности «спасения» et cetera в течение как минимум девяти веков. Если бы его автором был не «отец церкви» Иринея, то, вероятно, никто и никогда не стал бы ссылаться на эту басню.

Образчик же подлинного знания очень легко распознать по безупречной конкретности и его полной независимости от имени автора.

$$\Delta\psi + \frac{2m}{\hbar^2} (E - U)\psi = 0$$

К примеру. Стационарное уравнение Шредингера (в удобной записи) лишено двусмысленности. Оно означает лишь то, что означает, и никаких иных смыслов, кроме возможности, грубо говоря, рассчитать примерное состояние элементарной частицы, в нем не предполагается. В нем нет претензии на то, чтобы характеризовать мироздание. Оно не годится для объяснения эволюции лептоциона или физиологической роли плача.

Если бы уравнение было ошибочным всего на один символ или не подтверждалось экспериментально, то, несмотря на великое имя его создателя, оно было бы тут же забыто. Но, поскольку данное уравнение верно, оно не потеряло бы своей ценности и широкой применимости даже в том случае, если бы его автором был не Шредингер, а совершенно неизвестный человек.

А теперь вернемся к вопросу «безошибочности» и подведем итоги. Говоря о творцах науки, мы говорим о людях, имеющих, образно говоря, ученую степень. А что такое хорошая, заслуженная ученая степень? Это прежде всего указание на то, что данный человек

настолько углубленно занят одним-единственным специфическим вопросом, что просто не может иметь мнения ни по какому другому.

Самые блистательные прозрения в самой важной из наук не спасают от слепоты в столь общем и многосоставном вопросе, как «гипотеза бога». Как, впрочем, и в любом другом.

Разумеется, наука превышает любой «морали», и к науке не применимы ее нормы. Но помимо условной «морали» есть и некое «житейское» измерение, где убежденности великих ученых создавали (или могли создать) весьма существенные проблемы как для других homo, так и для развития вида в целом.

В связи с этим вспомним еще несколько важных фактов.

Открыватель большого круга кровообращения в теле человека, медик У. Гарвей, лично инспектировал кожу узниц инквизиции, определяя по наличию на ней «меток дьявола» степень связи обвиняемой с Люцифером. В 1633 году от его экспертной оценки зависела жизнь некоей Маргарет Джонсон. Гарвей выявил на ее теле следы «нежных прикосновений сатаны», и барышню, разумеется, сожгли.

Нобелевский лауреат Юлиус фон Яуреги заражал психически больных малярией и туберкулезом, а Альбер Нейссер – здоровых людей сифилисом, чтобы иметь возможность изучить клиническое течение этой болезни. Лавуазье публично жег книги своего оппонента Штала, а Франклин и Грей использовали детей в весьма болезненных электрофизиологических экспериментах.

Нобелевские лауреаты Ханс Вильгельм Гейгер, – Иоханнес Штарк, Макс Планк и Филипп Ленард добровольно и искренне сотрудничали с режимом Гитлера в деле изготовления германской атомной бомбы. Эрвин Шредингер через открытое письмо, размещенное во всех газетах Австрии и Германии, уверял публику в своем восхищении Адольфом Гитлером и клялся ему в верности.

Конечно же, всех, как и всегда, перещеголял Вернер Гейзенберг. Его имя полагается произносить, «сняв шляпу». И это справедливо. Мы помним, что именно этот человек не только покорила высочайшую интеллектуальную вершину современности – квантовую теорию поля, но и отчасти сам ее выстроил. И этот же человек был увлечен идеей вооружить Третий рейх ядерным оружием. Именно Гейзенберг был

автором того реактора, в котором шло обогащение урана для будущих атомных бомб Германии.

С учетом того, куда они могли быть сброшены и какое количество лабораторий и важнейших научных разработок было бы превращено в пепел, увлечение Гейзенберга, скорее всего, было существенной – ошибкой.

«Уроки атеизма» размещаются нами именно в том виде, в каком они появились в Интернете, а на сегодняшний день (14.07.2015) собрали уже более пяти с половиной миллионов просмотров. С учетом того, что все тексты на 80 % являются импровизацией и, как правило, записывались с первого дубля, в них наличествуют некоторые шероховатости и помарки, присущие разговорной речи.

Уроки атеизма

Урок 1. Бытовой атеизм

С чем связана необходимость появления этих текстов, посвященных вопросам атеизма?

Исключительно с тем, что в сегодняшнем медиапространстве православная цензура стала до крайней степени бесстыжа, свирепа. Фактически для серьезного, свободного, вольнодумного и здравомысленного разговора о религии место осталось только в Интернете.

Мы будем говорить об атеизме. Хотя, наверное, трудно быть в большей степени атеистами, чем непосредственно сами служители культа. Особенно это касается культа РПЦ – той огромной, по сути дела, тоталитарной секты, которой на сегодняшний день является Русская православная церковь.

При этом я глубоко убежден, что в 99 % случаев, говоря о так называемой вере, мы имеем дело с абсолютным притворством. Никакой веры там на самом деле нет и быть не может. Судите сами: мы неплохо знакомы с их литературой и нормативами поведения, которые заповеданы в этой литературе, и знаем, что там сказано: «Идите и проповедуйте». Там вообще много чего сказано. Но мы видим, что из очень сложного комплекса указаний, существующего в их религии, они выбрали себе только позолоченные наряды, бижутерию и болтовню в теплых студиях.

Почему-то никто из них не идет целоваться с прокаженными, например, в лепрозории. Никто не дарит свои квартиры или автомобили бомжам. По крайней мере такие случаи науке неизвестны.

К тому же, если их так уж терзает зуд проповедования, для его утоления они вполне могли бы отправиться на территории, где еще не прозвучало так называемое слово божье, – например, Афганистан. Никто не мешает им купить билетки и поехать проповедовать там – здесь слово божье уже прозвучало и не произвело особого впечатления, к тому же они не должны останавливаться на достигнутом.

Тем не менее мы видим, что никто из них никак не проявляет характерных для верующего человека особенностей. Проявляется

только то, что обычно сопутствует не вере, а идеологии: злоба, агрессивность, нетерпимость, страсть писать доносы в полицию и прокуратуру, страсть обижаться, страсть устраивать истерики и страсть подгрести под себя и средства массовой информации, и книжные издательства, и вообще все, что их окружает.

Почему я с такой уверенностью говорю о попах как об образчиках атеизма?

Прежде всего давайте посмотрим на поведение их главаря. Фамилия его – Гундяев, звали его когда-то Владимир Михайлович.

Много говорится о том, что его охраняет Федеральная служба охраны, при этом все обращают внимание на юридическую пикантность ситуации – то есть на то, что лицо, которое не имеет права на такую охрану, тем не менее ее получает. Но помимо юридической, есть не менее пикантная, так сказать, религиозная сторона. Смотришь на охрану Кирилла Гундяева и понимаешь, что мухи отдельно, а котлеты отдельно.

Игра в золотые тряпочки, разговоры проникновенным голосом о душе и нравственности, о вере и вечности – это одно, а реальная жизнь – это совершенно другое. И конечно, в этой реальной жизни ФСО гораздо надежней, чем какой-то там теоретический бог.

То есть даже не предполагается, что в ситуации внезапного злоумышления против этого занятого персонажа какие-нибудь ангелы или какой-нибудь бог самостоятельно отведут от него беду. Такая версия вообще не рассматривается. Есть ФСО – и есть главный поп, которого надо с шумом и пафосом охранять.

Далее мы видим удивительную страсть верующих писать доносы в различные инстанции на людей, которые осмеливаются мыслить свободно и вольно. Понятно, что, в общем-то, у них есть право писать доносы, и в таком поведении нет ничего удивительного, кроме того, что оно само по себе является блестящим примером бытового атеизма!

Судите сами. По идее верующие прекрасно осведомлены о характере своего бога, который с легкостью, за совершеннейшую фигню, истреблял целые города со всеми жителями, включая детей, женщин и стариков, поливая их серой и огнем. А значит, зная, что нрав у этого сверхъестественного существа истеричный и крайне тяжелый, они вполне могут предполагать, что любое свободомыслие, как, например, в моем случае, будет немедленно наказано – каким-нибудь

инсультом, параличом или чем-то в этом роде. Не говоря уже о молниях или падающих с неба раскаленных метеоритах. Однако же веры в то, что это произойдет, у них нет. Реальной возможности наказания тех, кого они считают богохульниками, непосредственно сверхъестественными силами они не допускают. И пишут доносы.

Мы ясно видим эти прелестные приметы чистой идеологии. Понятно, что никакой веры здесь нет – одно притворство. И бизнес, который нуждается в этом притворстве. И притворство, которое нуждается в этом бизнесе.

Урок 2. Церковь и наука: часть первая

Наша вторая беседа – о науке.

Последнее время мы можем наблюдать, как церковники всех мастей, калибров и сект с необыкновенной страстью лебезят перед наукой, братаются с ней и вообще делают вид, что они всегда были чрезвычайно близки к науке, дружили с ней, покровительствовали ей и являлись чуть ли не ее частью.

Но я полагаю, что имеет смысл напомнить: свою научную карьеру церковь начала с убийства Гипатии – первой женщины-геометра, математика и астронома. После этого убийства ученых уже стали бытовой, повседневной, стандартной нормой. И речь не только о широко известных фактах вроде казни Джордано Бруно, унижения Галилео Галилея или истории с Николаем Коперником.

Вспомним Мигеля Сервета, открывателя малого круга кровообращения, которого пытали и потом сожгли по обвинению в ереси и вольнодумстве. Вспомним Этьена Доле, великолепного философа, блистательного ученого и исследователя, который также был сожжен за вольнодумство. Вспомним Джулио Чезаре Ванини, автора книги «Об удивительных тайнах природы, царицы и богини смертных», который был за ересь приговорен к отрезанию языка и отбиванию пальцев, а после того как благочестивая публика все это с ним проделала – сожжен, и пепел развеян по ветру. Вспомним Пьетро Д'Абано, врача и анатома, приговоренного к пожизненному заключению и по приказу церковников удушенного в тюрьме. Вспомним Чекко Д'Асколи, блистательного ученого, который был просто сожжен без всяких предварительных церковных штук; вспомним Пьетро Джанноне и Германа Рисвикского...

Этот список можно продолжать до бесконечности. Надо понимать, что и в то время людей, которые знали, что все сильно не так, как учат попы, было гораздо больше. Но чтобы противостоять свирепой, чудовищной по своей агрессивности тоталитарной машине церкви, требовалось огромное мужество.

В России все было еще хуже и страшнее, несмотря на то что здесь никого не жгли. Жечь было просто некого. В течение примерно

семисот лет, начиная с так называемого крещения, была создана настолько безжизненная, настолько смертоносная для любой мысли, любого искания, любого исследования среда, что ни одного ученого в России в период с IX – X по XVIII век просто не появилось – не родилось и не развилось.

Ну а когда ученые все же появились, то естественно, все это тоже было в высшей степени проблематично. Известно, как в Казани местные семинаристы под руководством местных архиереев громили анатомический факультет, уничтожая коллекцию образцов. Как запрещали к изданию труды Дарвина и Геккеля. Как изгалялись над Иваном Михайловичем Сеченовым – санкт-петербургский митрополит Исидор требовал отправить великого физиолога в Соловки на покаяние, а его книгу «Рефлексы головного мозга» запретить к печати и распространению.

Таких случаев было очень много. Но дело даже не в этом. Дело в том, что сейчас, в период этого активного заигрывания с наукой, церковники, пользуясь некоторой неосведомленностью публики, стали подгрывать к себе действительно великие имена. Верующими объявляют практически всех – даже, например, Ивана Петровича Павлова.

По поводу Ивана Петровича существует гигантское количество легенд, которые начинаются с утверждения, что он был чуть ли не старостой какой-то церкви, ну а то, что он был верующим, нам внушают постоянно, повсеместно и очень страстно. Но давайте посмотрим, как на самом деле обстояли дела с Иваном Петровичем Павловым.

В этом нам помогут воспоминания его племянника Сергея Александровича Павлова, который добровольно взял на себя труд в течение почти всей жизни скрупулезно фиксировать реплики и настроение Ивана Петровича. Надо заметить, что Сергей Александрович считал себя человеком верующим и к этим вопросам относился с необыкновенной серьезностью и тщательностью. В академическом издании 2004 года «Воспоминания об Иване Петровиче Павлове» практически половина текста принадлежит перу Сергея Александровича, притом значительная часть отведена отношению Ивана Петровича к религии. Вот что он пишет: «Иван Петрович был человек не то что не религиозный, это был безбожник, глубоко и

окончательно убежденный, проникнутый своим отрицанием до глубины души, безбожник стопроцентный».

В качестве иллюстрации Сергей Александрович приводит характерный диалог. Во время позднего вечернего чая, сидя с Иваном Петровичем один на один, он спросил: «Так скажите, по вашему мнению, существует ли бог?» На что Павлов сразу и резко ответил: нет. Да еще и, цитирую, «...добавил, что признавать существование бога – это предрассудок, абсурд, признак умственной отсталости».

Пожалуй, это прозвучало не очень толерантно. И, вероятно, Иван Петрович Павлов, доживи он до наших дней, был бы обвинен в экстремизме, в неуважении к кому-то или в оскорблении чьих-то чувств. Но тем не менее – вот вам научный, строгий факт отношения ученого подобного – высочайшего! – уровня к вопросам религии и веры.

Урок 3. Слив исповеди

Теперь давайте отпрепарируем скандал в Болгарской православной церкви, случившийся года три назад.

Выяснилось, что из пятнадцати действующих архиереев Болгарской православной церкви одиннадцать имеют агентурные дела, и эти агентурные дела были обнародованы. Вернее, был обнародован факт их наличия. В связи с этим возникает естественный вопрос: а с какой планеты прилетели еще четыре архиерея и почему этот архиерейский прилет остался незамеченным астрофизиками и уфологами? В конце концов, это не такое уж рядовое событие.

Итак, откуда-то взялись целых четыре архиерея, которые, работая в системе церкви, не состояли в агентурных сетях КГБ. Совершенная загадка! Но я легко могу ее разгадать и объяснить вам: дело в том, что если у сотрудника церкви нет агентурного дела, значит, у него есть личное дело.

Личное дело – это свидетельство того, что церковник является нормальным, штатным офицером КГБ. В этом случае его, естественно, никто никогда светить не будет. Засветили одиннадцать агентурщиков. Это совершенно обычная практика, предусмотренная правилами оперативной работы: сбрасывается агентура, не представляющая ценности, либо это делается для целей безопасности.

Вероятно, то же самое рано или поздно произойдет и в России. Потому что представить себе церковника – по крайней мере того, советского времени, – который не находился в агентурной или какой-либо более серьезной связи с Комитетом государственной безопасности, абсолютно невозможно по разным причинам.

Надо сказать, болгары очень хитро поступили: они слили факт того, что одиннадцать из пятнадцати архиереев были просто платными агентами, осведомителями, но при этом не раскрыли фактуру. А ведь самое волшебное прячется вовсе не в этом скучном факте. Подумаешь, удивили: попы-оборотни. Эка невидаль. Самое-то прелестное в таких случаях – фактура. То есть то, что конкретно содержится в оперативных и агентурных делах.

Когда я был маленьким – первый, второй, третий класс, – из школы меня обычно забирал дедушкин адъютант и дальше отводил либо в кино, либо в секцию фехтования или еще какой-нибудь кружок. Но нередко он сообщал, что ему надо заглянуть на работу. Я знал, что это означает: мы пойдем на одну из конспиративных квартир, чтобы отнести или, наоборот, забрать какие-то бумаги. Там мне предстоит часа три или четыре играть в морской бой с операми, читать «Советский экран» и наблюдать за попами, приходящими со всего города сливать исповеди.

К слову, там были не только городские попы. На эти конспиративные квартиры привозили и попов из ближних и дальних уголков области – вероятно, потому, что в деревне, где все на виду, незаметно провести агентурную встречу довольно сложно. Так что всех их, естественно, тащили сюда – они как бы растворялись в огромности города, в гигантском количестве квартир.

Выглядела процедура всегда примерно одинаково, но отдельные моменты оказывались особо примечательными.

Помню, однажды из какого-то то ли монастыря, то ли пустыни – учреждение находилось не в Ленинграде, а где-то в глуши – привезли совершенно, полностью прозрачного старикана, с пушистейшей, как у Черномора, длинной бородой.

Притом не забывайте, что это было за время – тогда уже интеллигенция расплодилась, диссидентура всякая. И она, эта диссидентура, начала потаскиваться по всяким там старцам и старчикам.

Так вот, этот старец – он и так был в очках, но, когда комитетчики пододвигали к нему фотографии, сделанные каким-то очень оперативным образом, он цеплял к этим очкам еще одни очки – долго, кряхтя и даже постанывая, всматривался в фотографии, брал химический карандашик, слюнил его и ставил жирную галочку под тем лицом, которое он опознал как лицо, бывшее у него на исповеди. А уже потом начинал пересказывать какие-то незатейливые секреты советского интеллигента, которые тот ему поведал.

Помню, что к концу собеседования губы у прозрачного старца были полностью синими от химического карандаша. Выглядело это предельно потешно.

Причем, помимо работы с чистой диссидентурой, была и работа, так сказать, с широкими слоями верующих, которая и занимала основное время. То есть всякие городские попы, которые имели свою паству и принимали исповеди, сливали все это комитетчикам. На первый взгляд информации, представляющей какой-то безумный интерес для госбезопасности, там не было.

Но на самом деле так может подумать либо совсем глупый человек, либо человек, который попросту не знаком с принципами оперативной работы, выстраивания оперативных вертикалей и горизонталей в тех или иных структурах.

Вот вообразите: приходит к попу какой-нибудь профессоршко, маленький, трогательный, зашуганный, в беретике с червячком, и, запинаясь и заикаясь, выкладывает ему свою страшную тайну: ну, например, трахнул он аспирантку. Вроде бы никакого интереса эти шалости представлять не должны. Ан нет – представляют, и даже очень большой! Слитая в нужное место, такая информация позволяет вызвать профессора куда надо, мягко с ним поговорить и предложить альтернативу: либо этот милый факт становится достоянием общественности – в том числе и профессорской жены, либо профессор с большим усердием транслирует заинтересованным органам все разговоры на кафедре и тому подобные нюансы, известные только ему одному.

То есть надо понимать, что в реальности оперативная информация очень многоуровневая и очень сложно выстраивается. И то, что на взгляд дилетанта не представляет никакого интереса, на самом деле имеет огромную важность.

Попы на этих конспиративных квартирах бывали разные: и косматые груборожие пузаны с тяжелыми малиновыми носами, и пушистые, прозрачные, бесплотные старцы. Я ни разу не видел, чтобы они получали деньги – живые деньги. Но их тем не менее стимулировали. Дело в том, что у оперативника в папочке был набор талонов.

Если вы помните, в советское время была такая чудесная структура, как столы заказов. И при них были номенклатурные отделы, где отоваривались продовольствием сотрудники горкомов, райкомов и т. д. Для них предназначались особые заказы. Заказ под номером то ли три, то ли два – сейчас уже не скажу точно – включал в себя сервелат и

растворимый кофе. А заказ под номером пять содержал твердокопченую колбасу, гречку и семгу. Семгу!

Я это запомнил, потому что каждый раз перечень продуктов очень вьедливо обсуждался представителями духовенства, получающими за сливы исповеди эти свои талончики в столы заказов.

Скажу честно: я не богослов, не специалист. Я не знаю, насколько твердокопченая колбаса благодатнее, чем, например, сервелат. Но каждый раз попы, которые приходили на эти конспиративные квартиры, очень напористо, буквально вздохом, с обидами и бухтением пытались выклянчить талончик на заказ, в который входила именно твердокопченая колбаса.

Потом, когда я уже стал значительно старше, в 1990-е годы, мне довелось ознакомиться с большим количеством агентурных дел, как раз касающихся духовенства. Вот там уже фигурировали деньги – нешуточные по советским временам суммы в двадцать пять, сорок рублей, а то и побольше.

Но самое примечательное в этих агентурных делах даже не количество доносов на собственную паству. Впечатляло количество, так сказать, внутренних доносов – между архиереями и вообще служителями так называемой Русской православной церкви. Попы обвиняли друг друга и в антисоветчине, и в подрывной деятельности, и в шпионаже, и в хранении запрещенной литературы. Рассказывали про гомосексуализм, про незаконных детей, про какие-то левые семьи в других городах. Иными словами, сливали друг на друга все, что только можно, – в основном в борьбе за более хлебные, более сытные и более симпатичные епархии.

Вы спросите: неужели не было в то время людей свободных, скажем так, от агентурных связей с КГБ? Вероятно, все-таки были – до определенного момента. Покуда поп еще молод и находится в стенах семинарии, он не представляет собой никакого интереса. А вот после того как тот или иной архиерей совершает в отношении него хиротонию (обряд возложения рук) и поп обзаводится приходиком, бытом, семьей, детишками – вот тогда он уже становится очень удобным объектом для работы. Ровно в той же степени это касалось всяких монашествующих, потому что одно дело было иметь выходы на Москву, на какие-то престижные и богатые кафедры, и совсем другое – тихо чахнуть под своим клобучком где-нибудь на окраине Вологодской

области. Хотя и там, кстати, уполномоченный по делам религии и оперуполномоченный КГБ стрясали с этого попа все, что только можно было.

Существует ли такая практика сейчас? Не знаю. Достоверных фактов не имею, но есть у меня определенного рода уверенность в том, что принципы оперативной работы измениться все-таки не могли – по одной простой причине. Ведь религия всегда была очень удобна государству вот в каком плане: помимо того, что образуется большое количество людей, готовых добровольно признавать себя овцами, стадом малых сих, существует и такая волшебная вещь, как концентрация информации о каждом отдельном человеке. И эту информацию человек сдает добровольно – на так называемой исповеди.

Когда вы исповедуетесь, желательно об этом думать и понимать, что в этот момент происходит.

Конечно, рано или поздно то, что случилось в Болгарии, повторится и здесь.

Вопрос лишь в том, какие формы это примет?

Я думаю – достаточно трагические. Дело в том, что даже на моей памяти эти агентурные дела – личных никто не видел – ксерили и копировали очень многие. И эти копии сейчас лежат в большом количестве экземпляров по всей России и, вероятно, только и ждут своего часа, чтобы шандарахнуть. А там, в этих делах, помимо самого факта привязки к агентуре содержится еще масса всяких, мягко говоря, совсем грязненьких подробностей.

Многие из героев этих агентурных дел к сегодняшнему дню благополучно поумирали. Но, по моим подсчетам – далеко не точным, потому что я не обладаю всей полнотой информации, – из этих архиереев двадцать два человека еще продолжают, пользуясь строго церковным термином, окормлять паству.

Я не знаю, что буквально означает слово «окормлять».

Может быть, это намек на известный термин «корма»? Но в таком случае непонятно, чьи это корма: самого ли архиерея, или все-таки паствы, или отдельных ее представителей.

Урок 4. Ответы на вопросы зрителей

Один урок я обещал посвятить ответам на вопросы зрителей моего канала на YouTube, что сейчас и сделаю. Из всех вопросов я выбрал, естественно, наиболее комфортные, удобные и безобидные. Что ж – это мое право.

Первый вопрос – про Чаплина. Я имею в виду не Чарли, а попа Чаплина. Который не в немом кино, а в современном.

Как-то раз мы сцепились где-то на телевидении, и Чаплин страстно вымогал из меня список педофилов Русской православной церкви. Я пообещал такой список предоставить, но, как выяснилось, Чаплин задал нам очень серьезную работу. Он-то предполагал, что имеются в виду только попы. Но Чаплину, наверное, имеет смысл все-таки сходить и окончить какие-нибудь ускоренные богословские курсы – сейчас такие есть. Там он узнает, что церковь состоит не только из попов, но и из так называемых верующих. Иными словами, не только из тех, для кого говорение от имени сверхъестественного существа – это профессия, но и для тех, для кого это хобби.

Так вот, среди этих последних педофилов оказалось очень, очень много. Даже я, честно говоря, не представлял себе, какое количество среди уже осужденных, по имеющимся приговорам, педофилов составляют так называемые христиане, причем, как правило, православные.

В качестве примера могу привести скандальный случай некоего депутата Смирнова. Это руководитель бойскаутского православного движения, у которого «послужной» список из четырнадцати или пятнадцати развращенных самым изощренным образом мальчиков замечательно сочетался с бесконечным целованием икон, песнопениями и тому подобными манипуляциями.

Все эти случаи сейчас суммируются и редактируются. Со временем мы обязательно издадим книгу – она будет называться «Педофилия в РПЦ», и, естественно, на титульной странице будет посвящение Чаплину как вдохновителю этого труда.

Второй вопрос был о том, как я расцениваю подчеркнутую и, я бы сказал, несколько навязчивую религиозность, которую демонстрируют

российские президенты на протяжении примерно последнего десятка лет.

Что я могу сказать по этому поводу. Понимаете ли, если человек хочет быть королем папуасов, то он обречен на то, чтобы втыкать себе в голову большие перья, вешать на шею ожерелье из самых больших ракушек и резвей всех танцевать определенные танцы.

Совершенно непонятно, правда, кто внушает первым лицам государства мысль, что в России так уж много папуасов и что эти папуасы имеют какое-то заметное влияние в масштабах страны. Отнюдь. Как показали последние выборы в Госдуму, папуасов у нас не так много. А как показали гастроли известного предмета гардероба какой-то богини – о нем речь пойдет в следующем уроке, – их, в общем-то, совсем немного. ВЦИОМ, как вы знаете, дает грустную для православных цифру – примерно 3 % воцерковленных в стране.

И вся эта истерия в средствах массовой информации, это безумие в прессе, эта постоянная демонстрация бесконечной очереди в результате привели к тому, что по всей стране, в шестнадцати городах, за сорок дней гастроли собрали примерно три миллиона человек. Это даже меньше, чем те 3 %, которые дает ВЦИОМ.

Забавно, что чиновничество, которое всегда рабски копирует телодвижения своего руководства, тоже вдруг поголовно стало безумно православным.

Но тут надо понимать, что на данном этапе православие – это обязательный ингредиент, точно так же, как теннис при Ельцине. И, вероятно, когда сменится настроение начальства, все те чиновники, которые сейчас безостановочно крестятся, и держат свечки, и возжигают лампы, и куда-то ползут на коленях, с большим удовольствием все эти иконки отправят в мусорные ведра, и на самом видном месте у них будет любой другой символ, угодный следующему президенту (или через одного президента).

Был в списке и еще один вопросец. Он касается того, что замечательный писатель Александр Андреевич Проханов в свое время взял и опубликовал предельно хамскую, непристойно ругательную статью в отношении меня. Но, вы знаете, я не обижаюсь.

Во-первых, Александр Андреевич действительно замечательный писатель.

Во-вторых, надо помнить, что он – в секте. Ребята, это совершенно другая история. В сектах положено ненавидеть, проклинать и всячески обгаживать людей, думающих иначе, чем те, кто состоит в секте.

Притом мы с вами хорошо знаем, что в этих религиозных сектах существуют весьма строгие, можно даже сказать – свирепые системы наказаний.

Например, не исключено, что Александру Андреевичу не разрешат участвовать в коллективном поедании мяса бога.

Или на целую неделю запретят целовать руки толстым мужикам.

Это все может быть для него чрезвычайно болезненно.

В любом случае могу вам сказать, что на мое прекрасное отношение к нему эта статья вообще никак не повлияла.

Урок 5. Предмет гардероба

Думаю, есть смысл подробнее поговорить о некоем предмете, который привозили в Россию в конце 2011 года. По убеждению верующих, это, если я не ошибаюсь, пояс или еще какая-то часть гардероба одной из богинь. Мы все видели эти многокилометровые очереди, наблюдали истерику на всех каналах телевидения, во всех газетах и вообще везде, где только можно.

И вот что я хочу сказать. Если кто-то считает, что происходившее в Москве, а также в шестнадцати других городах России в течение сорокадневных гастролей этого предмета гардероба являлось торжеством веры, эти люди, пожалуй, все-таки ошибаются.

Скорее это было торжеством рекламы и великолепных пиар-технологий, потому что истерия, как вы помните, с каждым днем нагнеталась и нагнеталась.

В результате мы имеем некие цифры, которые тоже почему-то считаются свидетельством торжества религиозной идеи.

Разговор идет о трех миллионах верующих. О трех миллионах тех, кто выразил этому предмету покорность, кто обратился к нему с просьбами.

Но это, обратите внимание, в шестнадцати городах за сорок дней, да еще при таком истероидном накале рекламы.

Поверим цифре церковников и примем как данность, что поклониться предмету гардероба пришли действительно три миллиона человек. Так вот, имея эти три миллиона, мы имеем как раз ту самую грустную, печальную цифру, которую называет ВЦИОМ, когда оценивает количество так называемых реально верующих в России.

То есть – около 3 %. От ста сорока миллионов это будет даже еще меньше, но, ладно уж, накинём церковникам 1,5 %, просто из хорошего отношения.

Но, как мы с вами знаем, для того чтобы продемонстрировать такой масштаб посещаемости, по большому счету не требуется никакой веры. Ничего монументального в этой цифре вообще нет.

В конце 2011 года умер лидер Северной Кореи, и толпы стояли еще больше – без всякой примеси религиозности.

И, думаю, если бы в 1990-е годы, во дни славы Анатолия Михайловича Кашпировского, гражданам России предложили приложиться к какой-нибудь части его тела в целях излечения от разных болезней и выставили бы его в каком-нибудь здании, очередь собралась бы еще более впечатляющая.

Я уж не говорю про очереди в «Макдоналдс» в день его открытия. И потом, вы разве забыли, что творилось у Мавзолея в течение не каких-то там сорока дней, а почти пятидесяти лет? Так что эта массовость на самом деле ни о чем не говорит.

Оставим за кадром тот момент, что, если я не ошибаюсь, организатор гастролей упомянутого предмета – какой-то греческий религиозный деятель и одновременно коммивояжер – уже осужден за мошенничество или, по крайней мере находится под следствием за мошенничество.

Обсудим лучше возникшее после гастролей свое-образное представление о том, что этот визит необычайно оздоровил атмосферу в стране, чудесно повысил уровень вежливости, дружелюбия, спокойствия и доброты граждан России. Давайте обратим внимание на такой простой факт, что в течение сорока дней в шестнадцати городах очень многим людям, не разделяющим восторгов по поводу предметов гардероба богини, были созданы серьезные трудности.

На обслуживание и обеспечение безопасности этой очереди были привлечены и потрачены значительные государственные средства. Неважно, на что – и на вывоз биотуалетов, которые постоянно наполняла эта очередь. И на многочисленные милицейские кордоны, оцепление, охрану, работу «Скорой», работу эмчээсовцев.

В общем, было потрачено много денег и много – труда.

А качество жизни огромного количества людей в эти дни существенно ухудшилось – за счет перекрывания движения, за счет образования пробок, за счет невозможности пройти к собственному дому.

И вот обратите внимание: никто – ни представители РПЦ, ни так называемые верующие, которые должны были достичь необыкновенного просветления в моральном смысле, стоя в этой очереди, – никто даже не подумал извиниться за все те неудобства, которые были доставлены гражданам.

Я понимаю, что это пустяк. Но пустяк крайне характерный.

Урок 6. Два вопроса к верующим

Хочу задать, как ни это странно прозвучит, два вопроса верующим.

У меня есть на них свои ответы, но, возможно, они неправильные. Возможно, я что-то неверно или неточно понимаю.

И мне хотелось бы узнать те ответы, которые мне могут предложить верующие, или так называемые верующие, или те, кто считает себя верующим, – не суть важно.

А важно то, что оба эти вопроса касаются их главной книжки – так называемого «священного писания», более того, непосредственно самого Евангелия, то есть Нового Завета. Раздел называется Деяния Апостолов, а мой вопрос относится к пятой главе, конкретно – к истории Анании и Сапфиры.

Напомню: для того чтобы вступить в общину первых христиан, необходимо было продать все, что есть, а деньги – полную сумму, до последнего сестерция, – принести и сдать апостолу Петру.

И вот некая семейная пара – Анания и Сапфира – решает вступить в христианскую общину. В главе пятой буквально написано:

«Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфирою, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам Апостолов».

То есть он продал все, что у него было, но часть денег утаил – вероятно, из каких-то своих бытовых соображений.

«Но Петр сказал ему: Анания! Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли?»

Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце своем? Ты солгал не человекам, а Богу.

Услышав сии слова, Анания пал бездыханен; и великий страх объял всех, слышавших это.

И встав, юноши приготовили его к погребению и, вынеся, похоронили.

Часа через три после сего пришла и жена его, не зная о случившемся».

От себя добавлю: ей никто не сказал о смерти мужа, которая случилась, по сути дела, только что.

«Петр же спросил ее: Скажи мне, за сколько ли продали вы землю? Она сказала: да, за столько».

Но Петр сказал ей: что это согласились вы искусить Духа Господня? Вот, входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут».

Вдруг она упала у ног его и испустила дух. И юноши, войдя, нашли ее мертвую и, вынеся, похоронили подле мужа ее».

Вот здесь у меня возникает вопрос.

Собственно, каким образом погибли Анания и Сапфира? Кто их убил?

Если это так называемый всеблагий бог, который есть любовь, то мы знаем, что у всеблагого бога была привычка убивать все-таки гораздо более изощренными и экзотическими способами – например, превратив в соляной столб. Или как-нибудь еще столь же затейливо.

Кстати, идея с превращением в соляной столб здесь была бы более оправданной, потому что можно было бы оставить и Анания, и Сапфиру в христианском святилище в качестве наглядных экспонатов, снабдив их какой-нибудь надписью вроде: «Они не все деньги сдали Апостолам». Можно на трех языках – на арамейском, греческом и латинском.

И все-таки – кто их убил, если это сделал не так называемый всеблагий бог? Напомню, что кроме Бога, Анании и Сапфиры и группы христиан на месте происшествия никого не было. Нет упоминания ни о каких иных действующих лицах.

Мне бы очень хотелось услышать ответ на этот – вопрос.

Я уже говорил, что свой ответ у меня есть, и вполне допускаю, что он может быть и неверным.

Я полагаю, что здесь мы видим всего-навсего схематическую иллюстрацию того, как создается любая тоталитарная секта, целью которой являются прежде всего деньги, бизнес. На мой взгляд, история, которую я сейчас привел, наилучшим образом это демонстрирует.

Если я не прав, предложите, пожалуйста, свой ответ.

Второй вопрос касается непосредственно распятия.

Мы знаем, что герой вашей книги – а именно непосредственно Нового Завета, или Евангелия – Иисус Христос, раввин по профессии, проповедовавший в синагогах, имел достаточно печальную по земным меркам судьбу: он был распят.

Считается, что таким образом он совершил некое самопожертвование.

Правда, при этом получается, что он принес себя в жертву самому себе. Поскольку он неоднократно говорил, что «Я и Отец», то есть он и Бог Отец, – едины.

Он неоднократно преображался на горе Фавор, представляя перед своими учениками во всяких белоблистающих одеждах. Он знал наперед всю эту драму и даже предсказал Петру, что тот трижды предаст его еще до того, как пропоет петух. То есть это был, безусловно, бог, и русская православная каноническая традиция это только подтверждает.

Давайте вспомним:

«Днесь висит на древе, Иже на водах землю повесивый: венцем от терния облагается, Иже Ангелов Царь: в ложную багряницу облачается, одеваяй небо облаки...»

Другими словами, никаких сомнений в том, что Христос и есть Бог, у православных быть не должно.

Но если бог – это абсолютно всеведущее, всемогущее, всевластное, всепроникающее существо, ему, по всей видимости, известно и все, что произошло, и все, что произойдет.

Таким образом, в этой евангельской драме он выступает как автор сценария, продюсер и режиссер-постановщик, который по определению знаком со сценарием и, в общем, хорошо представляет себе, как будут развиваться события.

По этой логике, идя на так называемую крестную смерть, он прекрасно знал, что ничего плохого с ним не случится. Что ничто не угрожает ни его жизни, ни его здоровью, ни его власти, ни его благополучию. Что пройдет каких-то тридцать шесть часов, и он, абсолютно невредимый, встанет и продолжит функционировать.

В чем тогда жертва?

Ведь если это спектакль, если хеппи-энд этому существу был гарантирован просто потому, что так было заложено в сценарии, и

исполнитель главной роли прекрасно об этом знал, – то смерть перестает быть смертью. И муки перестают быть муками. Это больше похоже на некий экстремальный туризм.

Возможно, я ошибаюсь. Возможно, моя трактовка абсолютно неверна и у вас есть своя. Но я уже обращал ваше внимание на то, что это всего-навсего – вопрос.

В чем заключается жертва, если хеппи-энд гарантирован?

Полагаю, что эти книжки писались в расчете на так называемых первых христиан. Мы помним, что это были работницы лупанариев, прокаженные, местные бомжи, вольноотпущенники, рабы – проще говоря, люди абсолютно дремучие, без какого бы то ни было критического, скептического или аналитического подхода к вопросу. И им можно было впаривать абсолютно все, что угодно.

Возможно, я не прав.

С интересом услышу ваши ответы.

А во время следующих уроков мы обязательно поговорим о том, как оградить ребенка от поповской пропаганды на так называемых уроках православной культуры в школе. Я думаю, что смогу подсказать вам, как это сделать.

Кроме того, мы непременно устроим маленькие библейские чтения, и я постараюсь объяснить атеистам, как лучше всего разговаривать с верующими.

Урок 7. Как беседовать с верующими

Очень важный вопрос – как вообще разговаривать с верующими или с теми, кто считает себя верующими.

В принципе, конечно, таких разговоров лучше избегать. Но если вас все-таки спровоцировали на дискуссию, говорить надо очень доброжелательно и ласково.

Помните, что все подобные темы для верующих предельно сложны и болезненны, а кроме того, эти люди легко приходят в состояние сильной истерики. Поэтому лучше убрать спички, убрать острые и тяжелые предметы и, повторю, всячески продемонстрировать терпение, ласковость и доброжелательность.

При этом не стоит заморачиваться глупыми разговорами о каком-то боге – это тема пустая. Любой верующий, если ему предложить доказать существование бога, через три-четыре минуты начинает чувствовать себя идиотом и вот тогда может впасть в то самое неистовство. Не надо этого делать.

Лучше предложить верующему доказать, что он является действительно верующим.

Дело в том, что коллекционирование иконок или других картинок, крестиков, маленьких сушеных булочек, участие в несложных представлениях с поеданием мяса бога или без такого поедания, туристические поездки в определенные места, соответствующая фразеология, соответствующие наряды – это все не доказательство так называемой веры. Это всего-навсего доказательство того, что человек играет в какую-то ролевую игру.

Но их вера как раз требует от них – причем требует достаточно жестко – многих лишений, сильного ущемления себя самих. Поэтому всегда нужно предлагать так называемому верующему человеку доказать, что он является верующим непосредственно в евангельском смысле этого слова.

Выяснить, кому из бомжей он подарил квартиру, кому отдал дубленку, на кого из нищих переписал машину, скольких прокаженных поцеловал в губы, собирается ли он направиться, скажем, в Судан или

на берега озера Чад и проповедовать там христианство, как это им заповедано. Обычно такие вещи ставят верующих в тупик.

Они, понимаете ли, провозглашают себя верующими и, как Ослик из известной книжки про Винни-Пуха, начинают обиженно надуть губы и говорить: «Знаете, мы такие особенные, при нас нельзя говорить слово «шарик»».

Но для того, чтобы при вас, как при Иа-Иа, нельзя было говорить слово «шарик», докажите, что вы тоже Иа-Иа! Докажите, что вы действительно особенные, – а то пока вы это всего лишь декларируете.

И вот здесь, как правило, происходит интересный казус. Им очень сложно доказать, что они на самом деле являются верующими. Оставьте их наедине с этими мыслями. И можете быть уверенными, что некие зерна сомнений, зерна понимания того, что дела на этом свете с так называемой верой обстоят не так просто, как это рисуется в синодальных журналчиках, в них непременно прорастут.

Затем можно предложить им прокомментировать несколько фактов совершенно откровенного вранья. Причем сами не настаивайте ни на какой своей точке зрения. Дайте им возможность задуматься.

В чем заключается откровенное вранье?

Судите сами. Церковь говорит, что она проповедует веру в какого-то бога, да?

Хорошо, давайте примем точку зрения церкви. Но, как выясняется, церковь проповедует не веру в бога, а веру в одного из богов.

Наглости всех попов, вместе взятых, не хватит на то, чтобы вычеркнуть из истории человечества всех остальных богов, которых люди познали со времен Шумера и Вавилона. Таких богов порядка трехсот или четырехсот.

В таком случае, если можно верить в одного из богов – так называемого Иисуса, – почему вера в Зевса, Осириса или Кетцалькоатля с их точки зрения является абсурдом? Иными словами, чем один бог лучше и чем другой хуже? Вот тут для них тоже наступает момент определенных сомнений и размышлений.

Затем, естественно, возникает вопрос о России, о русской самоидентификации и о связи с православием. Здесь тоже желательно попросить их прокомментировать: как так получилось, что именно эта

идеологическая система привела к полному краху государства в 1917 году?

Напомните им, что вся эта духовность держалась исключительно на четырнадцати статьях Уголовного уложения, на множестве подзаконных актов, на страхе каторги, страхе лишения состояния и ссылки в Сибирь – иными словами, на очень многих неприятных вещах. Причем все это было как раз в ту пору, когда православие считалось народной религией.

Попросите их прокомментировать тезис о том, что православие – это уже прокомпостированный талончик, и пытаться второй раз прокатиться по этому талончику в «трамвайчике истории» по меньшей мере наивно.

В самом деле, мы имеем исторический «медицинский» факт: крах государства, у которого на протяжении семисот лет ничего, кроме этой идеологии, не было. Вообще ничего. И ничего не допускалось.

И сколько, в таком случае, нужно статей Уголовного кодекса: двадцать восемь, пятьдесят, шестьдесят? Какие еще нужны карательные меры и средства для того, чтобы эту всю духовность обеспечить?

Понятно, что православие может держаться только на штыках. Без соответствующей помощи госвласти оно немедленно дробится на множество маленьких сект и само превращается в одну из таких сект.

Вот это можно и нужно предложить прокомментировать, после чего мы опять-таки оставим так называемого верующего наедине с его мыслями.

Ведь что такое атеизм?

Атеизм – это не крики о том, что бога нет. Это даже не издевательство над той или иной догматикой, над риторикой верующих. Отнюдь нет.

Атеизм – это право на мысль. Это торжество свободомыслия, это умение рассуждать критично и скептически и все оценивать прежде всего через самостоятельный анализ. Атеизм предполагает критическое осмысление любых написанных или сказанных слов. Это говорил и великий врач и философ Жюльен Офре де Ламетри, и великий просветитель Поль Анри – Гольбах.

И к моим словам надо относиться столь же критично, как и к какому-нибудь стиху Библии.

Ко всему надо относиться критично.

И как только этот критицизм, скептицизм и умение и желание анализировать становятся нормой – богидохнут сами. Либо эмигрируют туда, где для них еще осталось местечко. Куда-нибудь на берега озера Чад или в Новую Гвинею.

Урок 8. Новые вопросы к верующим

Важным моментом в разговорах с верующим может быть вопрос, связанный с медициной.

Непонятно, зачем вообще так называемому верующему человеку обращаться к врачу. Зачем лечиться, зачем делать операции, зачем прибегать к новейшим медицинским технологиям или даже к простой фармакологии? Ведь по идее верующий должен безусловно полагаться на силу молитвы. Кроме того, если его божество – один из богов – представляется ему настолько прекрасным существом, а момент встречи с ним – таким волшебным, долгожданным и прочувствованным, зачем же его оттягивать?

На этот вопрос, как правило, вразумительного ответа получить не удастся.

Но есть и еще один момент. Всегда можно предложить верующему человеку прокомментировать свидетельства о Христе.

Причем я сейчас имею в виду не те свидетельства о Христе, которые нам предлагает Евангелие, оно же Новый Завет. Эти истории – не более чем древнееврейский фольклор, который нельзя расценивать с точки зрения достоверности иначе, чем, допустим, сказки о Змее Горыныче, или чукотские мифы, или основополагающие сказания культа вуду. Это мифология и фольклор. Документальными свидетельствами о Христе эти истории являться не могут, и странно было бы всерьез рассматривать их в этом качестве.

Но у нас есть документальные свидетельства о Христе, которые представляют, в общем, гораздо более значительный интерес.

Что я, как безбожник и атеист, воспринимаю в качестве безусловных документальных свидетельств о Христе?

Я воспринимаю в качестве подобных свидетельств многочисленные доносы, которые обожают писать христиане. Я воспринимаю в этом качестве злобу и наглость телевизионных попов. Я расцениваю как такое свидетельство жадность тех попов, которые выкидывают планетарии, детские сады, музеи и университеты из занимаемых ими зданий с тем, чтобы сделаться хозяевами этой недвижимости.

Как свидетельство о Христе я расцениваю ту злобу и свирепость, которую демонстрировали европейские христиане, когда уничтожали так называемых ведьм, сжигали на кострах женщин, убивали инакомыслящих. Причем в России все это носило еще более грязный, еще более стихийный и темный характер – например, при гонениях на старообрядцев. Люди, которые убивали старообрядцев, в момент убийства тоже свидетельствовали о Христе. Ведь они называли себя христианами, а значит – его учениками. Но, как верующим должно быть известно из их любимой книжки, их божество сказало буквально следующее: *«Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»*.

Следовательно, все, что делают христиане, суть свидетельства о Христе. И эти омерзительные свидетельства имеет смысл предложить прокомментировать верующему человеку.

Главный контрдовод обычно бывает вот каким: те, кто так поступал, – на самом деле неверующие. Но позвольте, как же можно отказывать людям, которые считали себя христианами, в праве называться верующими! К тому же не имея для этого ни оснований, ни доказательств. И здесь опять возникает богатое поле для самостоятельных размышлений.

Вот эти два приведенных выше вопроса всегда очень полезно и уместно предложить для обсуждения верующим.

Урок 9. Как уберечь детей от изучения ОПК

Итак, сейчас разговор пойдет о том, как спасти ребенка от так называемых основ православной культуры – а по сути дела, от прямой, лицемерной и предельно наглой религиозной пропаганды, которая вторглась уже и в школы.

Спасти ребенка от религиозной пропаганды нетрудно, и чуть позже я объясню, как это делается технически. Важно, чтобы вы сами для себя приняли решение – естественно, критически оценивая и мои слова тоже. Но какие-то основания для размышления, полагаю, я все же смогу вам дать.

В первую очередь задумайтесь: что такое православие?

Несмотря на все свое богатство, несмотря на ревушие колокола и бородатых протодьяконов, это, по сути дела, абсолютно такая же секта, как и все остальные тоталитарные религиозные организации, претендующие на обладание истиной, утверждающие свою непререкаемость, оставляющие за собой последнее слово во всех жизненных вопросах. Мы сейчас видим, до какой степени нагло и бесцеремонно эта огромная православная секта лезет повсюду и требует для себя контроля над наукой, контроля над кинематографом, контроля над телевидением, контроля над общественной жизнью.

Это очень типично для всякой секты. Неважно, большая секта или маленькая, бедная или богатая, – сущность ее от этого совершенно не меняется. А та свирепость, которую демонстрирует русская православная секта в отношении всех остальных сект, обусловлена всего-навсего совершенно понятной конкуренцией на рынке магических услуг, и в этой конкурентной борьбе православная секта, естественно, использует все свои немалые возможности. Никаких других причин для разногласий, кроме строго финансовых, там нет.

Надо понимать, что между представителями всех так называемых конфессий постоянно идет, скажем так, невидимая брань. Идет вечная, неухающая битва за каждый рубль, за каждый бутерброд с икрой, за каждый литр коньяка, за каждый «Мерседес». Естественно, попы самых разных конфессий готовы грызть друг другу глотки. Этим только и объясняется то, что огромная русская православная секта

столь свирепо относится ко всяким другим мелким христианским конфессиям, которые, понятное дело, отвечают ей тем же самым.

Вы должны понимать, что, погружая или позволяя погрузить ребенка в эту православную реальность, вы тем самым погружаете абсолютно эмоционально незащитное существо в реальность секты, которая, чтобы там ни говорили, всегда была, есть и будет в полном противоречии и в великом конфликте с огромной частью человеческой культуры. В первую очередь с наукой, потому что наука – это прежде всего полное и абсолютное свободомыслие. Без свободомыслия, без иронии, без понимания относительности всего не существует науки. И это свободомыслие никогда не будет принято церковью, а следовательно, она всегда будет находиться с наукой в конфликте.

Надо понимать, что безоговорочное – а в детском возрасте, к сожалению, это возможно – принятие православных догм автоматически отсекает человека практически от всех важнейших достижений науки: и биологии, и медицины, и химии, и физики, и астрофизики, и нейрофизиологии, – от всего, что уже создано нашей цивилизацией.

Ведь если мы посмотрим внимательно, то увидим, что и Альберт Эйнштейн, который называл Библию глупыми и грубыми сказками, и Пьер-Симон де Лаплас, и Чарльз Дарвин, и Иван Михайлович Сеченов, и Стивен Хокинг, и Илья Ильич Мечников, и Иван Петрович Павлов, и Леонардо да Винчи, о котором Джорджо Вазари в своих «Жизнеописаниях прославленных живописцев, скульпторов и архитекторов» сказал, что он все-таки предпочел быть «философом, а не христианином», – все они крайне далеки от каких бы то ни было форм религиозности. Я уже не говорю про Эрнста Геккеля, Томаса Хаксли или Зигмунда Фрейда. Вся мировая наука, по сути, либо атеистична, либо не имеет никакого отношения к очень локальному православному культу. И когда нам пытаются рассказать про некую религиозность сэра Исаака Ньютона, мы обязаны понимать, что Ньютон, будучи в большей степени приверженцем арианства, редкого и маленького ответвления от, скажем так, христианского мейнстрима, находился в силу своего вероисповедания в глубочайшем конфликте со всей остальной христианской традицией.

Надо также понимать, что принятие религиозных основ отсекает человека и от мировой философии: и от Мишеля Монтеня, и от

Вольтера, и от Дени Дидро, и от Жан-Жака Руссо, и от Поля Анри Гольбаха, и тем более – от гигантского массива блистательной материалистической философии, олицетворяемой, например, Людвигом фон Фейербахом. Тут тоже будет проведена жесткая демаркационная линия, обозначающая, что там, по другую ее сторону, – враги и инакомыслящие.

Все разговоры о том, что православие и русская культура как-то слиты между собой, – они, честно говоря, совсем для дурачков. Будем откровенны: все, что касается непосредственно самого христианского культа, культа Иисуса, – это насквозь, полностью, стопроцентно еврейская история, не имеющая никакого отношения ни к славянству, ни к русскому этносу. Мы просто обязаны это признать – при всем уважении к евреям и при всей симпатии к их мифологии.

Не случайно главный герой этой книжки в стиле раннего фэнтези – я имею в виду Евангелие – раввин. Который, к слову, в Евангелии от Матфея объясняет, что *«послан только к погибшим овцам дома Израилева»*. Раввин, который ходит и проповедует по синагогам, о чем мы можем найти не менее двенадцати упоминаний во всех Евангелиях. К примеру, в Евангелии от Марка, первая глава: *«И приходят в Капернаум; и вскоре в субботу вошел Он в синагогу и учил...»*

Или вот еще, там же: *«И Он проповедовал в синагогах их по всей Галилее и изгонял бесов»*.

Там же, в шестой главе: *«Когда наступила суббота, Он начал учить в синагоге»*.

Никому, кроме раввинов, в синагоге учить было не позволено, и разговор о том, что Иисус имел какую-то странную профессию типа плотника, – это разговор для художественного кино или комикса.

Кроме того, мы видим, что евангельская история преподается в основах православной культуры как что-то безусловно положительное и учащее добру. Но это не так.

Давайте внимательно сравним тот лицемерный, розовый и лакированный вариант, который будет предложен детям, и то, что на самом деле написано в этом вероучении. Уверяю вас, вы не найдете там ничего общего.

Для контраста с привычной сюсюкающей святочной картинкой полистаем Евангелие от Луки и найдем там слова того самого главного персонажа книжки, раввина, который говорит: *«Огонь пришел Я*

низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» В главе двенадцатой сказано: *«Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех: отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей»*.

А в главе десятой Евангелия от Матфея все еще откровеннее. Иисус описывает последствия, которые должны наступить в результате его проповеди: *«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч. Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку домашние его. Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их»*. Вот цена всей этой благостности.

Но вернемся к вопросу русской культуры, в частности – русской литературы. Следует понимать, что русская литература – это не только религиозный фанатик Федор Михайлович Достоевский с его откровенно пропагандистскими книжками. Надо понимать, что это еще и атеисты Александр Иванович Герцен, Иван Сергеевич Тургенев, Виссарион Григорьевич Белинский, Дмитрий Иванович Писарев, проклятый церковью Лев Николаевич Толстой, полукатолик Петр Яковлевич Чаадаев, сатанист Михаил Афанасьевич Булгаков, вообще непонятно кто, но скорее всего атеист Михаил Юрьевич Лермонтов, масон Александр Николаевич Радищев. Русская литература – это огромная культурная традиция, которая почти полностью отрезана от церкви, за исключением того самого Достоевского, то есть в ней очень широко представлена масса совершенно других взглядов. Так что говорить о том, что православие имеет какую-то непосредственную смычку с русской культурой, нет оснований.

Кстати, когда мы восхищаемся творчеством Достоевского, надо, вероятно, все-таки держать в уме факты, которые описывает его биограф Николай Страхов: как он Достоевскому в баню возил несовершеннолетних крестьянских девочек, – и многие другие любопытные подробности.

Что же касается подлинного отношения к науке... Я понимаю, что мои слова можно воспринять критично. Точно так же можно

воспринять критично и мнение Альберта Эйнштейна, и мнение академиков Ивана Ивановича Шмальгаузена, Алексея Николаевича Северцова, Ивана Соломоновича Бериташвили, Леона Абгаровича Орбели, нобелевского лауреата Сантьяго Рамона-и-Кахаля.

Но давайте вспомним безусловный факт, с которым спорить бессмысленно. За то время, когда православие безгранично царствовало в России, когда все было подчинено ему, Россия поставила рекорд, достойный Книги рекордов Гиннеса. Огромный и бесконечно талантливый народ на протяжении почти восьмисот лет не дал миру ни одного ученого. Первое научное действие, произведенное в России, – это когда Михаил Васильевич Ломоносов в 1761 году наблюдал прохождение Венеры по солнечному диску. До этого семьсот шестьдесят один год, прошедший с момента Крещения, ознаменован только вшами, иконками, лучинками, грязью и бесконечной покорностью.

Во всем этом надо отдавать себе отчет, когда вы будете принимать решение, стоит или нет вбрасывать ребенка в эту идеологию – которая, вполне возможно, в первую очередь подчинит его себе, потому что у адептов этой идеологии за две тысячи лет великолепно отработаны методы охмурения и оболъщения. Вспомните, в конце концов, Адама Козлевича и – ксендзов.

Что следует сделать, когда вы все же примете решение?

Следует взять ручку, бумажку и аккуратненько написать следующее заявление:

«Ознакомившись с учебником, в котором предлагаются так называемые основы православной культуры, и обнаружив в данном учебнике открытую религиозную пропаганду, прошу оградить моего ребенка от данной пропаганды в соответствии со статьей Конституции, гарантирующей свободу совести. Помимо всего прочего, данные взгляды не приняты в нашей семье, придерживающейся, естественно, здравых научных воззрений».

Вероятно, это сложный выбор – учитывая массовый гипноз, учитывая, что эпидемия разрастается, учитывая, что мракобесие и сектантство снова пошли войной на свободомыслие, на науку, на свободу прежде всего. Но те ученые, которых я вам перечислил, – это люди, которые создали мир, в котором мы живем. Именно им мы обязаны нашим комфортом, нашей безопасностью, нашей

продолжительностью жизни. Так почему же то, что они считали безусловным злом и против чего стояли насмерть, вдруг будет преподноситься нашим детям как нечто приличное, допустимое, а то и хорошее?

Но выбор делайте сами.

Урок 10. О моем отношении к церкви и о древних мифах

Мне часто задают любопытный вопрос, связанный с моментом, когда произошло изменение моего личного отношения к Русской православной церкви. Почему-то многие убеждены, что этот момент был каким-то трагическим, сложным.

Действительно, мне с детства знакома подноготная церкви – я не раз об этом рассказывал. В «секундовскую» пору мне тоже часто, много и не самым приятным образом приходилось соприкасаться с попами. Тем не менее в какой-то момент произошел, скажем так, определенный перелом, который можно охарактеризовать следующим образом (хочу подчеркнуть, что это не прямая аналогия, я никого не хочу обидеть, так что не надо полностью отождествлять ситуацию с описываемой мною картинкой).

Итак, представьте себе, что вы часто бываете в физиологической лаборатории, где видите крыс. Эти крысы сидят в маленьких клеточках, в головы им вживлены электроды, они что-то там безостановочно грызут и, конечно, вызывают и жалость, и симпатию. Вам хочется принести им капустки, выпустить на пару минут погулять, приласкать каким-то образом. Но затем наступает момент, когда расплодившиеся крысы ломают клетки, вырываются на свободу и начинают уничтожать или сжирать все, что им подворачивается под зубы и лапы, а потом и вовсе решают, что отныне именно они будут управлять научным процессом в лаборатории и вообще всеми процессами.

В таком случае, несмотря на всю имевшуюся у вас когда-то симпатию к этим крысам, необходимо употреблять варфарин, то есть крысиный яд. Применительно к исходной ситуации – яд сарказма. Опять-таки подчеркну, что это не прямая аналогия. Не исключаю, что я просто неловко выразился. Всякое бывает.

А сейчас хочу рассмотреть еще один поступивший ко мне вопрос – весьма странного содержания.

Дело в том, что какой-то служитель культа усомнился в том, что мама Геракла была девственницей. Надо сказать, что для церковника

это уже большое достижение – потрясающе, что он знает хотя бы слово «мифы».

Предыстория ситуации такова: у меня некоторое время назад был эфир, где я поцапался с очередными попами и, выстроив историю Геракла, объяснил, что она на самом деле ничем не отличается от так называемого земного жизнеописания главного героя Евангелия – Иисуса Христа.

И вот этот поп тут же рискнул блеснуть познаниями в мифологии и сообщил, что Алкмена – мать Геракла – не была девственницей. А это не так. Хотя, повторяю, то, что служитель культа обладает хоть какими-то познаниями, уже очень хорошо. Но вообще-то мы тут видим типичное следствие изучения мифологии по детгизовским изданиям. Предлагаю взять академическое издание Роберта Грейвса «Полное собрание греческих мифов» – наиболее авторитетный и полный сборник со ссылками на Гесиода, Аполлодора и Пиндара.

Пролистав книгу, мы без труда найдем информацию о том, что *«благочестивая Алкмена не пожелала разделить ложе с Амфитрионом до тех пор, пока тот не отомстит за смерть восьми ее братьев»*. И именно воспользовавшись тем, что муж Алкмены Амфитрион отбыл на войну, Зевс в его образе явился к Алкмене и зачал Геракла. А брат Геракла, Ификл, был, по свидетельству опять-таки нашего академического источника, зачат уже Амфитрионом на ночь позже, когда тот вернулся к жене.

Самое главное – из этого абсолютно не следует, что Геракл когда-то жил на самом деле. Известно, что в мифологии Древнего Египта был некий персонаж – сейчас уже никто толком не знает, как его звали, – образ которого тоже был, вероятно, слизан или скомпилирован из каких-то более ранних источников. Суть в том, что Геракл и этот египетский богатырь по описанию очень похожи и обладают примерно одинаковой биографией. И достоверность существования что одного, что другого абсолютно равна достоверности существования так называемого Иисуса Христа, то есть непосредственно героя Евангелия.

Собственно, это я к тому, что абсолютно все религии собраны из одних и тех же деталей. Просто иногда детали располагаются чуть-чуть в другом порядке.

Урок 11. Библейские чтения

Начнем наши небольшие библейские чтения.

Что это вообще такое – библейские чтения? Думаю, это чрезвычайно приятное занятие. Но вначале я позволю себе краткое предисловие.

Вы знаете, каким образом можно порадовать набожного и благочестивого человека?

Когда кто-то говорит вам, что верит в бога, всегда уточняйте, в какого именно бога он верит, потому что богов чрезвычайно множество.

Мировому религиоведению известно порядка трехсот восьмидесяти или трехсот девяноста только крупных богов, не считая всяких мелких божеств племен Северной Африки, Таити, Гвинеи, Борнео и т. д.

Так вот, если так называемому верующему человеку задать вопрос, в какого именно бога он верит, он тут же начнет с радостью объяснять, что весь окружающий мир населен идиотами. Что вся мировая история – Индии ли, Китая ли – это история идиотов, не знавших правильного бога, а все их боги ложные, потому что они отличаются от единого бога, в которого верит поклонник Библии и Евангелия.

Но давайте разберемся, существует ли в Библии так называемый единый бог и откуда вообще взялась эта бредовая формулировка про единого бога.

Откроем для начала Исход, главу двадцатую, и прочтем так называемые заповеди. Заповеди эти достаточно истеричны и в основном посвящены требованию не иметь других богов, не знать других богов, не произносить имен других богов, причем все это в режиме, я бы сказал, жесткого шантажа – с угрозами проклясть нарушителя и навести беду на него самого и его потомство не то что до седьмого колена, а практически до бесконечности.

Что-то не вяжется, правда? Простой пример. Возьмем молодого человека, в силу возраста и темперамента крайне ревнивого и впечатлительного. Представим себе, что этот молодой человек

оказался на необитаемом острове вместе со своей девушкой. И это действительно необитаемый остров – пальмы, песочек, вокруг океан, и из людей только наш герой и его девушка. Как вы думаете, станет ли он каждый день с пеной у рта требовать от нее, чтобы она не смотрела на других мужиков? Чтоб она не думала о других мужиках? Чтобы она не бегала к другим мужикам? Конечно, нет. Он же прекрасно знает, что на необитаемом острове они вдвоем и бежать девушке некуда.

В Библии все несколько иначе. Так называемый бог находится в состоянии довольно жесткой конкурентной борьбы, в ходе которой он пытается оградить вверенный ему не очень на тот момент развитый скотоводческий народец от влияния неких иных богов. К примеру, когда евреи, находясь в египетском плену, пытаются оттуда уйти, посылаемый богом Моисей демонстрирует фокусы, в частности, с бросанием жезла, которые ему подсказал бог. Но выясняется, что местные египетские фокусники владеют, скажем так, абсолютно тем же набором ухищрений.

Сами посудите – о каком едином боге может идти речь, когда чуть ли не на каждой странице Библии мы видим требования в первую очередь разорить алтари каких-то чужих богов, уничтожить чьи-то святилища и ни в коем случае не признавать богом кого-то – другого?

Мне кажется, что существо, которое уверено в своей единости и бесконкурентности, никогда бы не унилось до таких постоянных и, я бы сказал, не очень респектабельных истерик.

Урок 12. Пост

Давайте поговорим о посте.

Что такое пост и зачем он нужен?

Понятно, что физиологически это совершенно абсурдное действие, не только не полезное, но и чрезвычайно вредное, так как вслед за эпохой лишений наступает время чудовищного разнузданного обжорства, которое имеет соответствующее название в разных религиозных практиках.

Но откуда вообще взялась необходимость поститься?

Объясняю. Существует такая вещь, как религиозный праздник. Смысл его, как правило, либо никому, включая самих служителей культа, практически не понятен, либо настолько туманен и загадочен, что такой праздник, большой или маленький, никак не может стать событием в жизни обычного, нормального человека.

Следовательно, надо что-то придумать. Нужно как-то добиться того, чтобы этот праздник, бессмысленный или попросту непонятный, стал событием, причем не только он, но и смежный с ним, соседний праздник, и чтобы эти праздники образовали неразрывную череду, которой подчиняется весь календарь и весь уклад жизни.

Как это сделать – учитывая, повторю, загадочность и непонятность религиозных праздников и то, что по сути своей они никак не могут стать событиями в жизни обывателя?

Так вот, была придумана, с моей точки зрения, совершенно блистательная манипулятивная штука. Напомню, что все религии так или иначе манипулятивны – для этого они и нужны, поскольку существуют как способ управления людской массой. И здесь надо сказать, что служители культа оказались на высоте и весьма изобретательно скреативили очень интересную схему, позволяющую качественно обдурить население.

Итак, как превратить некий непонятный день в праздник, в событие, которого ждут?

Надо вспомнить о том, что же человек любит делать больше всего.

К нашему великому разочарованию, выяснится, что больше всего на свете он любит есть. А где-то рядышком с этой любовью еще

находится любовь к сексу и ко всяким прочим видам разнузданного поведения.

Следовательно, можно запретить человеку его привычные радости, а затем внезапно, в определенный день икс – то есть в день праздника, – позволить ему заниматься всем тем, чем он был лишен возможности заниматься в течение долгого времени. Именно поэтому и возникли посты – чтобы в день праздника людям, на целый месяц лишенным удовольствия, дали разрешение вновь это удовольствие получать.

Могу сказать, что такая практика не содержит в себе ничего нового – она просто умело применяется. Как мы помним, в нашей милой Римской империи уже был хорошо развит цирк, существовали венаторы и другие специалисты по работе с различными животными, и, вероятно, соответствующая методика была почерпнута служителями культа именно из цирка. Там это называется «пищевое подкрепление».

В чем его суть? Возьмем, например, цирковых собачек – каких-нибудь пуделей или шпицев. За неделю до представления их практически лишают еды, оставляя самый минимум, а после выступления кормят, как говорится, от пуза. И в день представления, зная, что сразу после него еды будет вдоволь, шпицы и прочие пудели работают с необыкновенным воодушевлением.

Судя по всему, именно этот старый цирковой метод и был столь талантливо и интересно взят на вооружение служителями культа, организовавшими на основании подобной практики свои посты.

Урок 13. Советы верующим

Что я мог бы посоветовать верующим? Я бы мог посоветовать им чувствовать себя как можно лучше, как можно увереннее, как можно спокойнее и победительнее.

К сожалению, это, по всей видимости, невозможно. Невозможно по одной простой причине: каждый из них наверняка отдает себе отчет в том, что постоянные разговоры о какой-то совести и нравственности плохо сочетаются с откровенно паразитической ролью, которую сейчас исполняет церковь.

Дело в том, что волею ли случая, волею ли истории, но Русская православная церковь действительно оказалась в роли паразита. Я говорю об этом без желания кого бы то ни было обидеть. Просто печально констатирую тот факт, что и свобода от уплаты различных налогов, и свобода от необходимости констатации выручки через кассовые аппараты, и необходимость и возможность содержания огромной полулегальной сети торговли золотом и серебром под видом всяких крестиков, иконок и прочих штучек, конечно, является весьма существенным и крайне неприятным финансовым фактором, серьезно омрачающим ту светлую картину, на которую постоянно претендует церковь.

К сожалению, именно это стремление уйти от общенациональной финансовой ответственности, стремление не участвовать своими деньгами в социальной жизни, как это делаем мы все, прежде всего через налоги, превращает церковь в паразита. Что, вероятно, должно чрезвычайно угнетать тех, кто к ней принадлежит. Наверное, чертовски неприятно принадлежать к организации-паразиту, да еще к такому паразиту, который на каждом шагу демонстрирует свое великолепие, роскошь, золото, тонны икры, бесконечные черные лимузины, дачи в Геленджике, яхты. Как-то не очень это вяжется со стремлением и желанием участвовать в финансово-социальной схеме, являющейся основой государства. Церковники сочли себя свободными от этой обязанности. Но ведь церковь состоит не только из попов. Она состоит и из мирян, и так как, насколько я знаю, этим мирянам в целом достается мало икры или не достается вовсе, они вполне могли бы

выступить с инициативой прекратить паразитизм. Это можно сделать по-всякому.

Очень, очень совместились бы с бесконечными рассуждениями о совести, нравственности и национальной идее просто высказанное, четкое, понятное желание: мы хотим платить все налоги! Мы хотим платить налог с прибыли, с выручки, мы хотим платить налог на недвижимость, мы хотим сделать полностью прозрачной свою бухгалтерию, мы хотим жить честно. Это один способ.

Второй способ заключается в том, что все-таки церковь должны содержать верующие люди. Для этого нужно лишь ввести некую форму добровольного налога с верующих. Такой налог есть во многих странах, и вариант, когда именно верующие берутся содержать свою церковь, прекрасно отработан законодательно и финансово. Там уж кому хватит на лишний килограмм икры, кому не хватит – вопрос двадцать пятый. Важно, что благодаря этому действию, благодаря этому добровольному налогу, являющемуся финансовой базой существования церкви, вероятно, все верующие люди будут чувствовать себя значительно лучше и спокойнее.

Сейчас же Русская православная церковь находится в роли содержанки, а я не знаю, до какой степени это может быть приятно. К тому же в этом случае всякие истерики выглядят как минимум странно, потому что содержанка должна уметь выслушивать критические замечания и должна уметь сносить то, что самодостаточное существо сносить совершенно не обязано.

Нас – тех, кто не хочет содержать вас с вашими представлениями, с вашими порчами, с вашими патриархами, с вашими сказками, – достаточно большое количество. Но нас вынуждают к этому. Вынуждают опять-таки через не вполне праведное распределение денег, которые у нас забирают в качестве налогов. Мы вас содержим.

Избавьте нас от этого, пожалуйста. И тогда у вас появятся все основания с гораздо большим звоном в голосе произносить слово «совесть».

Урок 14. Комментарии к нашумевшему молебну

Касательно нашумевшего молебна в так называемом храме так называемого Христа так называемого Спасителя (я имею право на такие формулировки, как безбожник) могу сказать, что, по моему мнению, проблема в значительной степени преувеличена.

Насколько я смог догадаться, эти девочки верующие – просто они несколько экзотично и непривычно помолились. Но ведь для нас нет никакой разницы: одни странно одетые люди поют и танцуют или другие странно одетые люди поют и танцуют. К тому же, как вы понимаете, никаких слов типа «кощунство», которым любят щеголять нынешние бородоносцы и служители культа, в нашем лексиконе нет. Эти речевые конструкты нам вообще непонятны и неизвестны, мы не обязаны знать, что они означают и что под ними подразумевается. Это целиком проблемы церкви. Ни в одном законодательном акте, ни в одном документе такого понятия не содержится, и мы о нем, повторяю, знать не обязаны, да и не хотим.

Касательно же содержательной части мероприятия, проведенного верующими девушками (как я понимаю, христианками – потому что они обращались к определенной богине с определенными просьбами), замечу, что по степени своего экстремизма – если оценивать с этих позиций – она значительно уступает текстам, которые звучат при штатных мероприятиях в такого рода молитвенных домах.

Вспомним, что практически все ветхозаветные чтения, очень многие паремии и очень многие песнопения не только выстроены на пропаганде расовой, религиозной и национальной исключительности древнееврейского народа, но и содержат в себе предельно прямые экстремистские призывы к убийству – в частности, в них говорится, что маленьких детей другого народа нужно брать за ноги и разбивать им головы о камни.

Я не голословлю. Достаточно вспомнить 136-й псалом под названием «На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом». В этом псалме как раз и содержится тот кусочек, о котором я говорю в данном случае. Звучит он следующим образом: *«Дщи Вавилоны окаянная,*

блажен иже воздаст тебе воздаяние твое... блажен иже имет и разбьет младенцы твоя о камень». Буквальный перевод: «О, дочь Вавилона окаянная! Блажен, кто тебе отомстит. Блажен, кто возьмет твоих младенцев и разобьет их о камень». Это, судя по всему, обращение к какой-нибудь юной вавилонянке, недавно ставшей матерью.

Так что по поводу экстремизма, наверное, служителям культа Русской православной секты не стоило бы торопиться и не стоило бы вообще поднимать эту тему. Как известно, тот, кто живет в стеклянном доме, не должен кидаться камнями. Думаю, если будут проведены соответствующие экспертизы их текстов с последующим изъятием из богослужений целых фрагментов как экстремистских, им будет очень горько и обидно – ведь они привыкли к течению своей службы.

Что увидели в этой истории мы?

Все, о чем шла речь до данной секунды, нас, безбожников, честно говоря, не касается. Мы же в очередной раз увидели в этой истории прямые, документальные и очень интересные свидетельства о Христе. Ведь Евангелие, как и другие произведения раннего фэнтези типа Бхагавадгиты, «Сказания о Гильгамеше и Энкиду» или Бардо Тхёдол (последнее переводится как «Тибетская книга мертвых»), – это не документы. Рассматривать их всерьез нельзя и всерьез относиться к ним тоже нельзя. Но коль скоро нам пытаются внушить, что все то, о чем говорят христиане, вполне реально, давайте тогда посмотрим, что же является для нас документальными свидетельствами о Христе. Я уже говорил об этом, но не грех и напомнить.

Известно, что главный герой их мифологии, непосредственно Христос, говорил: *«Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»*, – тем самым задокументировав простой факт, что он ответственен за любое действие христиан и что любое действие христиан является свидетельством о нем. Мы, конечно, можем открыть замечательную книгу «Маллеус Малефикарум», или «Молот ведьм», – очень христианские наставления о том, как надо выслеживать, выявлять, отлавливать, пытаться различными способами и уничтожать женщин, заподозренных в связи с дьяволом. Данная книга долгое время была бестселлером, и многие поколения христиан много веков руководствовались ее наставлениями и положениями.

Мы можем сказать, что злоба и хамство телевизионных попов – это тоже прямое свидетельство о Христе. Это его ученики, его служители. Мы можем сказать, что для нас документальными свидетельствами о Христе являются доносы, которые любят писать христиане в прокуратуру, в милицию – везде, куда только можно написать донос, уже лежит что-нибудь от обиженных или оскорбленных христиан. Но зачем так далеко ходить? Эта история с молебном и девочками дала нам новое свидетельство о Христе. Для меня его специально распечатали из Интернета.

Ребята, это действительно что-то невероятное. Такое количество злобы, ненависти и агрессии наверняка и не снилось никаким атеистам, никаким, даже самым профессиональным и злобным хамам. Самое мягкое, что предлагается сделать с этими девочками, – обрить наголо, выкинуть на мороз, отрезать руки, затолкать им микрофоны в глотки, отдать на ночь охранникам храма, избить лопатами. Какой-то спятивший торговец кефиром впрямую, в открытую объявляет награду за телефоны и адреса гражданок Российской Федерации с тем, чтобы, вероятно, предать эти телефоны, адреса и прочие личные данные гласности.

Вот этот накал свирепости для нас – лучшее свидетельство о Христе. Тем паче стоит заметить, что главный герой этой истории, который по идее должен был быть оскорблен в наибольшей степени – то есть их бог, – помалкивает. По крайней мере мы ничего не слышали о том, чтобы какая-нибудь из участниц этого действия схлопотала параличок или хотя бы диарею. Бог помалкивает. За него почему-то выступает эта вся фантастически злобная и агрессивная публика, демонстрирующая нам подлинное лицо христианства и то, что может случиться, если этим людям дать чуть-чуть побольше воли и власти.

Кстати, возвращаясь к замечательной истории с основами православной культуры. Те родители, которые еще сомневаются, пускать ли своих детей на эти уроки, – задумайтесь. Если вам кажется, что вместе с основами православной культуры ваших детей не научат тому, что мы видели в отношении каких-то несчастных набузивших девчонок, вы сильно ошибаетесь – именно этому их и научат. Потому что те, кто писал эти наставления об избииении лопатами, отрезании рук и заталкиванию микрофонов в глотку, – верующие люди, христиане. Это их стиль, их почерк. И это, судя по всему, их суть.

Урок 15. Как строить и восстанавливать так называемые храмы?

А теперь поговорим о строительстве и восстановлении так называемых храмов.

Это очень интересная тема – особенно интересная сегодня, после всей истории с песнями и танцами каких-то девушек в каком-то очередном молитвенном собрании христиан. И в связи с тем, наконец, что мы вновь – даже те, кто этого не хотел, – увидели знакомый звериный оскал, увидели дикую злобу, увидели агрессию, увидели, что, по сути дела, религия в ее доминирующем состоянии совершенно несовместима ни с цивилизацией, ни с демократией. Что она является существенным препятствием для строительства и организации любого гражданского общества.

Именно в связи с этим стало понятно, что дни ее, пожалуй, сочтены.

Мы знаем, что, в частности, православие, если лишить его административного ресурса и возможности паразитировать, то есть заставить платить налоги и соучаствовать в финансовой жизни страны, мгновенно аннулируется, рассыпется и превратится в еще одну из множества маленьких сект. Понятно, что оно может держаться только на штыках, только на силе, только на административном принуждении, что никакого собственного стержня, никакой соблазнительной для публики сердцевины оно не имеет и может только тупо насаждаться в качестве некой идеологии. Но, как показывает опыт существования мира за последние века, подобное не продолжается долго. Более того, подобное заканчивается достаточно быстро.

Я уже говорил здесь о том, что Российской империи потребовалось, если не ошибаюсь, четырнадцать различных статей и уложений Уголовного кодекса, грозящих реальными наказаниями, для того чтобы удержать в православии народные массы. Понятно, что сейчас, в эпоху больших соблазнов, таких статей и уложений потребовалось бы гораздо больше, но об этом незачем говорить, потому что подобная тактика неэффективна. И понятно, что в любом случае церковь обречена на забвение и вымирание, так как

государственная дотация и государственный административный ресурс – дело не вечное, а организация, которая сделала ставку только на это, разумеется, еще менее вечна.

Я не забыл про строительство храмов. Это важная и интересная тема.

Меня часто упрекают в том, что в «Уроках атеизма» атеизма как такового нет. Что я не веду разговоров о боге и богах, о лепости или нелепости тех или иных культов. Но, видите ли, всерьез обсуждать особенности христианского вероучения, вопросы грехопадения, грехоподнимания, введения или выведения представляется мне делом столь же абсурдным, как и обсуждать обмен веществ у Буратино. Поэтому обсуждать здесь нечего. Мы говорим о социальной роли церкви и о том, какое будущее ее ждет.

Если бы я был такой один, проблемы бы не было. Достаточно было бы просто выбрать мне оптимальную модель клетки и повсюду меня в этой клетке возить и показывать. Но двадцать пять миллионов атеистов в России не засунешь в клетки, и они тоже потребуют уважения своих прав. Потому что разговор об оскорблении чувств верующих не может вестись в светской стране – нужно говорить об оскорблении чувств вообще. Но, скажем, меня как атеиста оскорбляет религиозная пропаганда, а какого-нибудь поклонника культа летающего макаронного монстра оскорбляет неупотребление дуршлага или неких иных кухонных аксессуаров. Кстати, упомянутое пастафарианство – тоже зарегистрированная религия, ничем, пожалуй, не хуже православия, культа вуду и всего остального.

Так вот, в связи с тем, что судьба православия, в общем, понятна, мы переходим к важной и интересной теме строительства и восстановления храмов.

Довольно часто мне задают умный, но достаточно провокационный вопрос о том, как следует относиться к восстановлению тех культовых сооружений, которые во множестве стоят в руинах по всей территории России. Следует ли их вообще восстанавливать, следует ли тратить на это наши с вами деньги? Особенно если учесть, что из этих зданий Православная церковь сделает свои торговые точки, где будет продавать магические услуги желающим.

Могу сказать, что храмы, конечно, восстанавливать стоит – потому что плохо, когда стоят руинированные здания. Да и строительство новых сейчас вряд ли возможно остановить. Но строить и восстанавливать их надо с умом – так чтобы в какой-то момент эти здания можно было легко и без проблем перепрофилировать. Чтобы в них спокойно могли бы разместиться катки, спортивные залы, книжные супермаркеты, овощные рынки, в конце концов.

И я ничуть не преувеличиваю. Мы видим пример Европы, в частности Швеции, где около 74 % культовых сооружений уже опустели и превратились в книжные супермаркеты или какие-то другие досуговые места.

Вероятно, то, что происходит сейчас по всей Европе, будет происходить и в России. Думать, что этот процесс каким-то образом обойдет нас стороной, по меньшей мере наивно и глупо. Не стоит уподобляться товарищу Суслову, который кричал: «Никогда советский человек даже под угрозой расстрела не наденет джинсов». Надел.

Примерно такая же история будет происходить и со всеми этими культовыми сооружениями. Поэтому уже сейчас в проектах реконструкции, конечно, нужно предусматривать возможность ввинчивания в нужных местах каких-нибудь анкеров, монтирования конструкций, которые выдержат батутные сетки, баскетбольные вышки или магазинные полки, нужно заранее укреплять фундаменты так, чтобы в здании мог безопасно расположиться бассейн, и т. д.

То есть уже сейчас есть смысл задумываться о том, какой будет вероятная судьба этих построек в ближайшие пятнадцать-двадцать лет.

Урок 16. О кощунстве

Давайте поговорим о кощунстве. О том, что это такое и чем это опасно для церкви.

История с девчонками, которые в ХХС исполнили какую-то молитву и какой-то танец, прояснила удивительные вещи. Я уже говорил о том, что мы оказались свидетелями совершенно невероятного припадка злобы христиан и обнаружили, что за пятьсот, шестьсот, тысячу лет они не изменились. Что это, по сути дела, такая же экстремистская, человеконенавистническая и свирепая секта, какой она была во времена инквизиции или в период истребления русских старообрядцев. Ничего не изменилось. Но дело не в этом. Эти люди имеют право на свои, скажем так, предпочтения и на ту манеру поведения, которая для них является наиболее комфортной. Однако всегда интересно, что называется, покопаться и разобраться в том, что послужило причиной.

Причина, как мне кажется, достаточно ясна.

Вы можете себе представить ситуацию, при которой эта непохвальная выходка девушек в ХХС доставила бы верующим если не удовольствие, то по крайней мере удовлетворение?

Представить ее несложно. Все то же самое: тот же танец, те же поворачивания к алтарю попами, те же задирания ног и непонятные тексты, – но в финале всей процедуры, соответственно, гром небесный, молнии и испепеление кощунниц до состояния либо пригоршни праха, либо просто кровавых кусков мяса вперемежку с обрывками вязаных шапочек. Но этого не произошло. В очередной раз ничего не произошло.

И, судя по реакции самих верующих, они понимают, что ничего подобного никогда не произойдет. При этом они в очередной раз оказались в дурацком положении, так как своего бога они позиционируют как крайне свирепое существо, молниеносно реагирующее на гораздо меньшие по своему трагизму и последствиям фокусы, нежели тот, что имел место в ХХС.

Простой пример. Как мы знаем, особенно бестрепетно их бог, что называется, работает с молодежью. Четвертая Книга Царств не без

удовольствия повествует о том, что достаточно было группке деревенских мальчишек просто подшутить над кем-то из святых этого бога, как немедленно из леса вышли две медведицы и сорок два ребенка были разорваны в клочья.

Мы помним, что для того, чтобы, скажем так, заявить о себе и прекратить тоже своего рода кощунство египтян в отношении избранного богом израильского народа, были убиты все первенцы в Израиле: *«Ибо не было дома, где не было бы мертвеца»*.

Мы помним, с каким азартом и увлеченностью этот бог сам, лично, кидался с небес камнями, поражая врагов израильского народа, поднявших руку на Израиль и его святыни, то есть тоже кощунствующих. Это, если я не ошибаюсь, Книга Иисуса Навина, глава десятая. То есть мы видим, что в своих книгах христиане декларируют немедленную реакцию бога.

Здесь же не было реакции никакой, ни медленной, ни немедленной. И понятно, что уже и не будет. И та ярость, то остервенение, то людоедство и кровожадность, которые продемонстрировали в истории с певичками христиане, – на самом деле трагедия. Потому что они прекрасно понимают, что в очередной раз получено доказательство несуществования бога. В очередной раз мы видим, что все эти угрозы, все эти проклятия, вся эта свирепость являются, в общем, литературным вымыслом, и более ничем. Конечно, это не может не разъярить. И тут уже христиане сами берут на себя, что называется, работу бога и желают покарать кощунниц лично – кроваво, кошмарно, но лично, полностью отдавая себе отчет в том, что никто за них этого не сделает. Что не будет не то что молний, но даже короткого замыкания.

В этом смысле то, что называют кощунством христиане, приносит им очень существенный вред.

Я предлагаю вам подумать над тем, что такое вообще кощунство. По своей природе это такая богословская вещь, теологическая.

Вспомним, как низвергались русские боги в годовщину крещения Руси. Разве их изваяния тихонько, укромно, тайно, под покровом ночи закопали, выволокли за околицу или сожгли? Нет. Это делалось прилюдно – «идолов» сообща заваливали, их секли ремнями, волокли через весь город, их палили, на них гадили, их сбрасывали в реку. Для чего это делалось? Также очень легко понять. Доказывалась слабость

этих богов, их неспособность постоять за себя и ответить опять-таки молниями, громами, землетрясениями, эпидемиями или чем-нибудь в таком духе.

То есть кощунство всегда приводит к тому, что определенные группы верующих начинают как-то сложно осматриваться по сторонам, понимая, что получено, к сожалению, еще одно доказательство небытия так называемого вероятного бога. Переносить это очень тяжело, и рождается уже увиденная нами яростная агрессия.

Возникает закономерный вопрос: как бы отнеслись к этим же самым девочкам в каком-нибудь другом храме какой-нибудь другой конфессии? Наверное, столь же плохо, потому что последствия были бы примерно такими же. Я имею в виду смысловые последствия их действий и отсутствие ответа от сверхъестественных сил.

Впрочем, есть святые, которые не боятся кощунства. В моей системе координат тоже есть достаточно симпатичные и много значащие для меня символы и изображения. При этом можно взять дорогой для меня портрет Хаксли, или Дарвина, или Павлова и нарисовать на нем хоть пятьдесят рожек, фингал, усики – у меня не возникнет желания никого топить, жечь или наказывать. Я прекрасно знаю, что от того, кто изображен на этом портрете, ничего не убудет, что его вклад в человечество работает и никуда не денется, что этот великий вклад не может быть минимизирован ни рожками, ни фингалом, ни матерным словом, написанным на лбу, – ничем. И точно так же это, вероятно, не взволнует и даже не удивит ни одного атеиста.

Возвращаясь к истории с кощунством, мы должны честно сказать себе, что все время наблюдаем подмену понятий. В чем она заключается? В том, что человек, который заявляет, что верит в бога, на самом деле говорит абсолютную ахинею. Почему? Видите ли, я понимаю, если бы в какой-то момент, в определенный день, в определенный час, в определенном месте материализовывались бы некие сверхъестественные существа, которые охотно рассказывали бы всем желающим о боге, о своей роли в возникновении вселенной, о том, как они провоцировали Большой взрыв, как влияли на ход эволюции, как одевали первых трилобитов панцирем, а вокруг стояли бы люди и внимали... Вот тогда можно было бы говорить о том, верим мы в этого бога или не верим.

Но мы имеем дело не с этим. Мы, говоря о вере в бога, вынуждены говорить о доверии Гундяеву, Чаплину или их предшественникам. А судя по поведению, которое демонстрируют христиане сегодня, их предшественники не сильно от них отличались. У меня нет оснований предполагать, что какой-нибудь Чаплин хуже, чем тот же самый Чаплин, только живший в V или в XV веке нашей эры.

И мы видим, что основная причина всех этих телодвижений – материальное благополучие, дачи в Геленджике, часики с бриллиантами, толстые попы на «Мерседесах». И, в общем, никаких других причин для существования у этой организации нет.

Урок 17. Миф о гонениях на церковь

Сейчас в России, ввиду откровенной и очевидной дискриминации людей, свободно и критически мыслящих, атеистически мыслящих, агностиков или чистых атеистов, практически невозможно развенчать те мифы о несчастной судьбе служителей культа в начале XX века, которые усиленно создают церковники. Отдельно подчеркну, что тема эта болезненная, скользкая и не все надо воспринимать абсолютно буквально. Хотя есть прекрасная книга Андрея Георгиевича Купцова – кстати, верующего, – «Миф о гонениях на церковь», которая бесконечно ценна тем, что в ней собрана огромная масса документов, касающихся той кровавой, страшной и беспокойной поры 1920-х – 1930-х годов.

Начнем с вопроса о том, действительно ли большевики закрывали, громили и рушили церкви.

Конечно, не исключено, что в частных, отдельных случаях, в удаленных губерниях мы в то время могли иметь дело и с маньяками, и с шизофрениками, и с террористами, которые пользовались своей властью и совершали какие-то чудовищные, абсолютно противоправные действия. Но в целом – как принцип, как система – массового разгрома церквей, безусловно, не было и быть не могло.

Что вообще тогда произошло? Произошла Октябрьская революция, которой предшествовало еще много всяких революционных событий, произошли разные послереволюционные события, и церковь была отделена от государства.

Что это означало? Это означало, что с данного момента организации как таковой не существует. Не существует этого государственного департамента, на который в одном лишь 1911 году Россия потратила 37 535 478 золотых рублей, причем 14 220 192 рубля из этой суммы ушло на зарплату духовенству. Я подчеркну – церковь была абсолютно государственной структурой, и в «Своде уставов государственного благоустройства», в разделе «О производстве церковных построений», в статье 196 мы читаем: «Церкви сооружаются и содержатся за счет казны», – и рядом в скобках: «за счет прихожан». И приводится примерная процентовка, из которой мы

видим, что расходы частных лиц здесь составляют совершенный мизер, и то имеется в виду не содержание, а постройка церквей, когда какой-нибудь воодушевившийся купец действительно решался на воздвижение небольшой церквушки. Это ничтожный процент.

Итак, повторю: вся эта церковная инфраструктура была государственной и содержалась на государственные деньги. Как вы уже поняли по приведенным суммам, содержание такого количества церквей обходилось весьма недешево. Но и содержание одной церкви – тоже очень затратное дело. Церковь, как любое здание, постоянно нуждается в ремонтах, в реставрациях, в уборке, в очистке; чтобы отапливать такое большое помещение, требуются значительные суммы на уголь или дрова, а не топить нельзя, иначе все начинает сыреть, осыпаться, плесневеть. Я уже не говорю про зарплату причту – а это же не только поп, это, как правило, еще как минимум дьякон, параекклисиарх, хор, всяческие алтарницы и т. д.

И вот в какой-то момент церкви было сказано: ребята, хотите – верьте, хотите – не верьте, но вот вам абсолютная свобода. И согласно инструкции Народного комиссариата юстиции от 24 августа 1918 года храмы были переданы верующим – государство отсеклось от необходимости их содержать. Больше ни единой копейки на храмы, на попов, на верующих государство не давало.

А затем произошло то, что должно было произойти. Я не знаю, что там у них было с мучениками и прочими страдальцами за веру, но примерно 96 % всего личного состава духовенства кинулось искать себе другую работу: счетоводами, бухгалтерами, литераторами, завхозами, кем угодно. Просто им надо было кормить семьи, а никто больше их труд не оплачивал, за исключением разве что тех немногочисленных прихожан, которые остались при них.

Мы знаем, что как только было аннулировано действие всей огромной массы уголовных статей и уложений, предусматривающих наказание за отступление от веры, примерно 80 % жителей России прекратили вообще всякие отношения с церковью – включая, естественно, и финансовые. А маленькие приходики, состоящие в основном из старушек, которые остались при церквях, разумеется, были не в силах содержать попов и прочий причт и не в силах оплатить даже сотой части того, что требовали эти огромные и сложные архитектурные сооружения. Потому что как только церковное

имущество передали в пользование верующим, той же инструкцией Наркомюста им было вменено в обязанность *«хранить и беречь его как доверенное им народное достояние; производить ремонт означенного имущества и расходы, связанные с обладанием имуществом, как то: по отоплению, страхованию, охранению, оплате долгов, местных сборов и проч.»*.

И церкви, разумеется, начали пустеть. Поэтому и появились по всей России сперва десятки, потом сотни, а потом и тысячи бесхозных храмов, которые со временем, естественно, как все бесхозное, стали разоряться, громиться, населяться беспризорниками, жители окрестных деревень стали выкорчевывать из них двери, оконные рамы, все деревянное, все относительно полезное в быту. Но сознательного, являющегося элементом государственной политики разгрома или закрытия церквей никто никогда не производил.

Читайте замечательную книгу Андрея Купцова «Миф о гонениях на церковь». Она написана не очень академическим языком, и автор минутами не скрывает эмоций, однако работает он с хорошими документами. Автор – вполне почтенный человек, кстати, как я уже сказал, верующий, причем такой воцерковленный, бородатый. Книга не входит в список экстремистских материалов, поэтому, полагаю, раздобыть ее несложно.

Урок 18. Об оскорблении чувств верующих

Есть еще такая замечательная, деликатная тема, как оскорбление чувств верующих.

Конечно, чувства верующих должны быть оберегаемы от всяких оскорблений, и нам следует очень тщательно за этим следить. Важно понимать, что верующие – это особые люди, они суют свой нос повсюду и всюду высматривают возможность оскорбиться. Они шныряют по послесловиям и предисловиям книг, по сайтам, по журналам, по выставкам и везде жадно ищут повод устроить очередную истерику. Впрочем, они имеют право на эти истерики, и мы, конечно, должны эти чувства беречь.

Однако такое трепетное отношение к чувствам верующих абсолютно не мешает нам поковыряться в мировой истории на предмет того, что же на протяжении веков оскорбляло христиан. Какие факторы были для них самыми раздражающими и что вызывало у них наиболее массовые, продолжительные и шумные истерики?

Посмотрим сразу же на первые столетия новой эры. Христиане пока еще чувствовали себя не очень привольно, но уже довольно быстро начали оскорбляться. В первую очередь их оскорбляли, конечно, Гомер, Софокл, Еврипид, Эсхил и другие классики античной литературы. Почему? Потому что в их произведениях упоминались другие боги. Соответственно, преподавание Гомера было запрещено в школах того времени, книги по возможности изымались или как-то портились.

Затем верующие начали входить во вкус и поняли, что на самом деле оскорбляться можно по любому поводу. Их, конечно, тут же стали оскорблять античные статуи и античные храмы, храмовая культура, храмовое искусство, фрески, росписи, мозаики, различная мелкая пластика. И тут оскорбленные христиане, воспользовавшись тем, что они приобрели вес в обществе и возможность свободно действовать, начали зачищать все под корень.

Античные статуи уничтожались тысячами, античные храмы сносились и разбивались в мелкий щебень, как это, например, произошло с храмом Сераписа. Оскорбляло все. Сбивались мозаики,

смывались фрески, любые мелкие проявления так называемого языческого культа вроде пустяковых веночков или лампадочек домашним богам служили поводом для страшно оскорбленной реакции, сопровождаемой написанием доносов, приходом солдат и репрессиями в отношении тех, кто позволил себе эти вещи.

Уничтожив практически всю материальную базу античной культуры (как вы понимаете, то, что хранится сейчас в наших музеях, – это жалкие, ничтожные крохи того огромного наследия, которое могло бы остаться на самом деле), верующие стали искать, чему бы еще пооскорбляться. Что же еще могло затронуть их религиозные чувства, да так сильно, чтобы у них появилась возможность очень пылко и истерично, по своему обыкновению, ответить на оскорбление?

Ответ очень прост: конечно же, книги. До этого уже были разгромлены философские школы, существование которых тоже оскорбляло верующих, потому что не все там были их сторонниками. Но вот наконец руки у них дошли до книг. Практически все античные библиотеки, содержащие книги, в которых упоминались имена Зевса, Осириса, Изиды, Геры, Деметры, то есть богов, конкурирующих с богом христиан, были уничтожены. Как вы помните, еще в 391 году епископ Феофил дожег наконец Александрийскую библиотеку – там оставалось порядка четырнадцати тысяч различных драгоценных томов; а благочестивейший император Валент призвал собрать по всей Антиохии книги дохристианского периода и сжечь, а ежели сжечь их будет невозможно, то закопать в землю. Все это лишний раз свидетельствует о том, как легко и бурно оскорблялись христиане.

Замечательный греческий грамматик Афиней Навкратийский около 228 года нашей эры пишет книгу «Пир мудрецов», где упоминает почти восемьсот имен авторов и полторы тысячи названий литературных произведений, которые до нас вообще не дошли. Это были как раз плоды оскорбленности христиан. Точку в этом вопросе поставил папа Григорий, занявший римский престол в 590 году, – он приказал уничтожить все книги дохристианского периода.

Надо сказать, никогда не возможно предугадать, что на самом деле может оскорбить чувства верующих и до какой степени это оскорбление будет сильным и неожиданным. К примеру, на протяжении почти ста лет их оскорбляла иконопись. Они жгли иконы,

закапывали их в землю, сбрасывали в пропасть, дырявили, выкалывали изображенным там фигурам глаза, разбивали иконы о головы иконописцев, жгли руки иконописцев каленым железом. Все это происходило в Византии, и делали это благочестивые христиане, православные, которых оскорблял факт иконописи. Потом, правда, ситуация поменялась и христиан стали оскорблять уже те, кого оскорблял факт иконописи, но это вопрос совершенно другой.

Точно так же и в Новейшее время верующие легко нашли массу поводов пооскорбляться. В частности, как вы помните, их страшно оскорбило книгопечатание. Первопечатник Иван Федоров подвергся в Москве диким репрессиям со стороны православной христианской толпы, которую оскорблял факт печатания (а не переписывания от руки) так называемых священных книг. Типография была разгромлена, ее работники избиты, а самому Ивану Федорову удалось бежать.

Был еще такой замечательный, очень благодушный, очень верящий в просвещение человек по имени Квилен фон Бромберг, который решил открыть в Москве аптеку и познакомить русских с тем, что такое фармакология. Сам факт наличия аптеки, некоего подобия скелета в ее витрине и каких-то зелий в продаже, оскорбил, по утверждению верующих, православную толпу настолько, что аптека, естественно, была тут же закрыта, фактически снесена, несмотря на то что у Бромберга были все необходимые официальные разрешения.

Постепенно верующих в России и Европе стало оскорблять буквально все. Их оскорбляли астрономические открытия, оскорбляли Джордано Бруно и Галилео Галилей. Их оскорбляла анатомия и сам факт занятия ею – так, лаборатория Андреаса Везалия, жившего в XVI веке, была разгромлена, а самому ему пришлось уехать в некое «паломничество», чтобы избежать смерти. Их до такой степени оскорбило открытие малого круга кровообращения у человека, сделанное Мигелем Серветом, что они сожгли Мигеля Сервета.

Дальше все, естественно, шло по нарастающей. Их оскорбляло изобретение электричества и электрические лампочки – стоит почитать истерики попов, что наших, что западных, по этому поводу. Их оскорбляло изобретение автомобиля и железной дороги. Чрезвычайно оскорбило их изобретение рентгена – все дело в том, что первые же полноростовые рентгеновские снимки не показали место базирования души в человеке. Их оскорбил Иван Михайлович Сеченов

фактом выхода его книги «Рефлексы головного мозга». И даже в XIX веке, в 1824 году, оскорбленные казанские семинаристы громили анатомические коллекции Казанского университета.

То есть их оскорбляет все. Об этом всегда надо помнить. Естественно, следует щадить чувства других людей, но не забывайте: если бы все то, что оскорбляет верующих, не получило в конечном итоге права на существование, вероятно, человеческая цивилизация просто прекратилась бы.

В качестве постскриптума хочу добавить несколько слов к предыдущему уроку «Миф о гонениях на – церковь».

Я внимательно просмотрел множество материалов, касающихся так называемого преследования верующих. И, знаете, – ни одного дела, которое было бы полностью чистым от политики, от участия в какой-то контрреволюционной, подрывной деятельности или от дележа «хлебных» приходов. Потому что попы весьма активно писали друг на друга доносы, обвиняя друг друга то в недообновленчестве, то в обновленчестве, то в хищении церковных ценностей, то еще в чем-то. Очень трудно найти хоть одно дело, где человек был бы осужден реально за веру.

А вот что показывает нам история действительно верующего человека. В 1923 году состоялся арест Алексея Алексеевича Ухтомского, блистательного русского физиолога, который был не просто верующим человеком, но и тайным монахом. Другое дело, что Ухтомский был не совсем православный – он был старообрядец, причем из таких крутых старообрядцев, которые ничего не забыли и ничего не простили патриархии. Тем не менее, будучи профессором физиологии, Алексей Алексеевич никогда не стеснялся демонстрировать свои религиозные взгляды и даже служил в Единоверческой церкви.

Так вот, когда Ухтомского арестовали, все дело закончилось очень занятным постановлением ОГПУ: ему предписывалось держать свои религиозные воззрения при себе, а второй важный пункт постановления обязывал профессора привести занимаемую им квартиру в соответствие с санитарными правилами содержания помещения. Дело в том, что Алексей Алексеевич, как многие талантливые люди, был не слишком аккуратен. Получая от большевиков профессорский паек, включавший и скоропортящиеся

продукты, он складывал все на полочку у себя в квартире. Пришли вечно голодные ученики, съели – тогда все в порядке; не пришли – профессорский набор оставался пахнуть.

Как бы то ни было, на этом простом примере очень яркого и откровенно верующего человека мы видим, что для него все репрессии закончились, по-моему, четырьмя или пятью днями разбирательства в ОГПУ, и с тех пор никто и никогда его за веру не преследовал.

Урок 19. Об уроках религиоведения в начальной школе: ответы на вопросы Челябинской областной школы кино и телевидения

Если говорить честно, вообще никаких причин изучать религию или религиоведение в школе нет. Конечно, то, что предлагается сейчас для изучения детям, – это плод долгих баталий, сложных и страшных компромиссов, это следствие войны попов с нормальными людьми, которые очень хотели оградиться от поповской пропаганды, а попы очень хотели протолкнуть свою православную дисциплину. И вот получился какой-то кривой, перекошенный, ни нашим ни вашим вариант.

Естественно, изучать это не надо по одной простой причине: религия и религиоведение – это слишком сложные вопросы, очень жестко увязанные со всей мировой культурой. И для ребенка они, во-первых, непонятны, а во-вторых, предлагаются к изучению в абсолютно некритическом виде, и неважно, о какой религии идет речь. Притом что религию можно изучать только с критических позиций, здраво, трезво и взросло оценивая ее и привлекая для этой оценки различные научные, популярные, художественные источники, что позволяет принять самостоятельное решение. В том виде, в каком религиоведение преподается в школах, это просто бессмысленная общерелигиозная пропаганда.

Кроме того, как мы видим, из этих учебников изъят атеизм как таковой, вообще изъята мысль о том, что возможна другая, научная, здравая и светлая точка зрения, – оставлена только религия. То есть это все равно что кто-то к вам приходит и говорит: мол, верблюды – это существа, которые какают изумрудами. Но никто не позволяет сказать: стоп, давайте-ка мы посомневаемся в том, что действительно изумрудами, и в том, что действительно верблюды. А следовательно – нужно, конечно, бойкотировать эту дисциплину всеми возможными способами.

Почему для этого эксперимента с преподаванием религии взяты, скажем так, достаточно маленькие люди – младшее школьное звено? Вероятно, по той же причине, по которой педофилы избирают детей, еще не способных всерьез сопротивляться. Здесь то же самое: четвертый класс – это еще школьная эйфория, абсолютное доверие, еще нет подросткового протеста в душе. Это очень благодатная почва для того, чтобы внедрить в нее любую антинаучную, глупую и вздорную чепуху. В этом возрасте человек крайне внушаем – поэтому, вероятно, и был взят четвертый класс.

Я уже ответил отчасти на вопрос, кому был нужен этот предмет. Конечно, его преподавание продавливалось церковью. Для чего? Да чтобы всего-навсего обеспечить себя еще несколькими поколениями покупателей свечек. Потому что если вы думаете, что у церкви есть какие-то другие задачи в этой жизни вроде спасения людей, улучшения их природы, кормления их мясом бога или чего-то еще в этом же духе, то вы ошибаетесь. Все дело в торговле свечками и различными магическими услугами. Это бизнес-корпорация, которая зарабатывает на страхе человека перед смертью, перед неизвестным, перед сложным, перед депрессиями и проблемами. Таким образом они ловко паразитируют в течение многих веков, присасываясь к самым слабым и самым глупым. Поэтому в свое время было принято решение: а давайте мы и маленьких детишек в это дело сразу вовлечем, по крайней мере покупателей свечек будет больше.

Я думаю, что родитель, который понимает свою ответственность перед ребенком, должен понимать и то, что некритичное изучение религии – неважно какой: культа вуду, православия, ацтекской религии с почитанием Кетцалькоатля или скандинавской религии с молитвами Одину и Тору, – в любом случае отрежет ребенка от естественного, нормального понимания мира, отрежет его от биологии, от эволюционистики, от знания, из чего на самом деле сделан мир и как он развивался.

Вам будут говорить, что наука – это одно, а церковь – это совершенно другое. Это глупости. В основе науки лежит критичность, критичность в отношении всего, постоянный и беспощадный анализ. Наука не останавливается перед изучением что природных явлений, что исторических процессов, что мифов о различных божествах и делает это критично и смело, пользуясь своими методами анализа. Это,

естественно, вызывает вопли религиозников. Поэтому не стоит прислушиваться к уверениям, что есть некий консенсус, примирение науки и религии, – это чистая пропаганда. А тех ученых, которые пытаются обслуживать интересы религии, можно уподобить власовцам – тем самым советским солдатам, которые в период Великой Отечественной войны переходили на сторону фашистов, помогали жечь наши села и стрелять в спину нашим партизанам.

И в заключение я хочу рассмотреть наиболее масштабный и сложный вопрос. Зачем вообще людям религия? В двух словах на него не ответишь. Тем не менее вы должны понимать, что такое вера. Вера – это всего-навсего отсутствие знаний.

Человек, который знает, что такое керосин, не будет верить в него и в его волшебные свойства. Дикарь, увидев, что прозрачная лужа, напоминающая ему воду, внезапно загорается, действительно поверит в волшебные свойства керосина. А мы знаем, откуда эти свойства берутся, поэтому нам не требуется верить. Вера – это вообще достаточно искусственное понятие. Думаю, сегодня верить в говорящих ослиц и говорящие кусты, в вертикально взлетающих трехдневных покойников или в то, что достаточно над куском булки спеть пару песенок, и этот кусок булки превратится в кусок мяса умершего две тысячи лет назад еврейского раввина, – это, конечно, полный абсурд.

На мой взгляд, то, что сейчас обозначается словом «вера», давно уже является не собственно верой, а скорее сопричастностью к некой идеологии. Причем, как известно, чем идеология тоталитарней, жестче и примитивней, тем больше у нее сторонников. Вспомните, какой идеологический восторг испытывали в 1936 или в 1939 году немцы, с готовностью стоявшие сутками на морозе, только бы увидеть отпечатки протекторов колес машины, где ехал фюрер, и как они плакали от счастья. Или как вели себя несколько лет назад граждане Северной Кореи, когда хоронили своего лидера.

То, что мы привыкли называть верой – то есть вся эта обрядность, готовность бежать к попам по любому поводу, – это для очень слабых и примитивных людей. Для тех, которые не хотят мыслить самостоятельно, а хотят пользоваться рецептами: как жить, как думать, как чувствовать.

Человек самостоятельный, сильный и стремящийся к успешности в этой жизни, конечно, будет критичен. Он все будет продумывать. Он, может быть, и станет в конечном итоге верующим, но это будет его собственное, личное, выстраданное решение зрелого человека. Хотя чаще всего люди интеллектуально развитые и критично мыслящие все-таки не становятся верующими.

И все-таки вернемся к рекомендациям для родителей.

Если вы понимаете, в какую пучину религиозной грязи, невежества, глупости, предрассудков и того, что классики антропологии называют первобытным мышлением, вам предлагают окунуть собственного ребенка, если вы не хотите допустить подобного издевательства над его только еще созревающим мировоззрением, то вам, вероятно, нужно, ознакомившись с этим учебником, сразу написать директору школы, что здесь вам предлагается, по сути дела, религиозная пропаганда без какой-либо альтернативы и критического анализа. Это является нарушением главы 14 Конституции Российской Федерации, поэтому вы просите освободить вашего ребенка от любого соприкосновения с данным предметом.

Урок 20. Будущее РПЦ

Итак, намеченное на 22 апреля 2012 года стояние, прошу прощения за выражение, произошло. То самое стояние, которое должно было изумить Россию и повергнуть в трепет всех врагов бизнес-корпорации под названием РПЦ.

Сказать, что оно было особо впечатляющим, нельзя. В целом оно было в высшей степени жиденьким; и специалисты, в том числе из абсолютно религиозных организаций и вполне авторитетных СМИ типа христианского портала Credo.Ru, насчитали примерно пятнадцать тысяч участников. Причем понятно, что из этих пятнадцати тысяч 90 % – это наиболее боевые и ответственные бабули-активистки, свезенные со всей России огромным количеством автобусов, которые потом таились где-то в переулочках. По сусекам поскребли так основательно, что, например, в Петербурге для демонстрации монолитности, стояния и множественности осталось примерно сто человек, выглядевших в монументальных объемах бывшего Музея религии и атеизма предельно сиротливо. Так или иначе, стояние произошло. Его участникам даже повезло с погодой. Но сам факт стояния был в общем-то ошибкой. Стратегической, тактической и всеми прочими разновидностями ошибок.

Дело в том, что РПЦ продемонстрировала этими стояниями совсем не то, что ей сейчас надо было бы показывать. Объясню, что я имею в виду. Как вы знаете, незадолго до указанных событий из шкафа РПЦ густо посыпались скелеты, а вдобавок к ним еще всякие мелочи типа «брегетиков» и глупостей с их затушевками, какие-то квартирники, какие-то троюродные смазливцы-сожигательницы и т. д. Ничего неожиданного или удивительного в этом по большому счету нет. Подобные секреты должны быть у всякой бизнес-корпорации, и РПЦ совершенно не обязана секретов не иметь. Так что, повторю, в их наличии нет ничего удивительного. Это всего-навсего демонстрация истинных целей, истинных мотивов так называемого служения этой корпорации.

Удивительной была истерика, возникающая, когда все эти вполне естественные и понятные факты всплыли на поверхность. Причем в

роли наиболее громогласно истерящей стороны выступила как раз РПЦ, а виноватыми оказались все, кому ее секреты вольно или невольно стали известны. Хотя нетрудно догадаться, что все тайное рано или поздно становится явным и к этому надо быть по крайней мере готовым.

Никто ведь на самом деле не думает, что пафос древнееврейских сказок имеет какое-то непосредственное отношение к деятельности РПЦ. Все понимают, что это в лучшем случае бизнес, причем достаточно масштабный и довольно завидный, а в худшем – попросту мрачное, глухое, мракобесное сектантство.

Дело не в этом. Истерика, кстати сказать, не отличалась какой-то особой экзотикой – относительно своеобразной ее чертой стала средневековая злоба, немножко уже непривычная, а все остальное было весьма традиционным: и исполнение, и сценография ничем не отличалась от любой другой истерики.

Истерика, впрочем, была не очень объяснима, потому что вина за произошедшее лежала прежде всего на самой РПЦ. Это все очень мило, но пастухи РПЦ все-таки, как мне кажется, обязаны гораздо тщательнее скрывать от глаз стада свои мотиваторы.

Наконец, истерика подтвердила тот любопытный факт, что Русская православная церковь не может чувствовать себя в безопасности в любом общественном пространстве, если она не защищена как минимум четырнадцатью статьями Уголовного кодекса, жандармами, батогами и штыками. Мы прекрасно понимаем, что в царской России эти статьи существовали тоже не от любви к батогам, каторгам, ссылкам и лишениям прав состояния. Это была единственная возможность обезопасить РПЦ как главную идеологическую силу.

Но что самое главное во всем произошедшем? Почему я сказал, что это была ошибка? Исключительно по той причине, что стало возможно спрогнозировать будущее Русской православной церкви. Пока попам везет: их основными, наиболее серьезными оппонентами выступают – кто? Правильно, атеисты. То есть те, кто не посягает на самое святое – на их бизнес. И вроде бы эта структура со своей продажей свечек, торговлей золотом и свободой от налогообложения может чувствовать себя относительно спокойно. Но здесь как раз все не так благополучно.

Дело в том, что за счет тех дырок, которые проделал этот скандал в репутации РПЦ, конструкция РПЦ существенно ослабела. Могу сказать абсолютно точно, что репутация главного попа страны получила пробоины, несовместимые с жизнью репутации. Это репортерам-наемникам хорошо – их репутации пробоины, дырки и пятна только украшают, а вот что касается главного жреца, то ему произошедшее прямо противопоказано. И действительно, репутацию Гундяева уже не восстановить.

Что это означает для РПЦ? Это означает, что в скором времени, судя по всему, учитывая цветущее состояние этого бизнеса и большую покупательную способность тех, кто приходит и платит за магические услуги, где-то на ближней орбите образуется один или несколько волосатых харизматиков. Которые подойдут к вопросу уже не с позиции чистого и честного атеизма, а будут настолько актерски одарены, что окажутся способными поизображать веру в каких-нибудь телевизионных шоу и перед широкими народными массами. Они будут хорошо владеть поповской терминологией и, пользуясь теми проблемами, которые неизбежно возникнут теперь у РПЦ в связи с чередой скандалов, вероятно, устроят веселенький раскольник и уведут за собой как минимум треть жрецов и треть паствы вместе с ее финансовыми возможностями и покупательной способностью. Почему я и говорю, что предельной глупостью было показывать покупательскую массу – ибо все, кто давно, жадно и с интересом рассматривал сказочный безналоговый бизнес РПЦ по торговле мистическими услугами и свечками, получили возможность подсчитать, скажем так, определенную процентовку покупателей. Что только подогрело их интерес к этому бизнесу.

Полагаю, что точка невозврата пройдена. Отсидеться уже никому не удастся, и этот гигантский нежизнеспособный концерн будет распилен на множество религиозных фирм и фирмочек, которые начнут драться между собой за привилегии, безналоговый антиквариат и за ту единственную на всех мигалку, которая будет им полагаться. Понятно, что этот раскол полностью уничтожит так называемое монолитное тело церкви и избавит нас от излишних посягательств церковников на нашу светскую жизнь и на наше свободомыслие. Вероятно, сопротивляться этой ситуации уже невозможно. Мне, честно говоря, обидно, что существенный удар по мракобесию нанесут не

научные идеи Жюльена Ламетри или Поля Анри Гольбаха, а какие-то тупые рыночные механизмы. Но это произойдет непременно.

Урок 21. Ответы на вопросы славянского интернет-радио «Голоса Мидгарда»

В этом разделе «Уроков атеизма» я буду отвечать на вопросы славянского интернет-радио «Голоса Мидгарда». Очень сложные и очень многочисленные вопросы, из которых я выбрал наиболее форматные для освещения в рамках данной книги.

Первый вопрос довольно естественный – странно, что он не возникал раньше ни у кого. Зачем вообще потребовался настолько массивный и истеричный миф о гонениях на церковь в советское время, хотя имеющиеся у нас факты и документы свидетельствуют о том, что все было, мягко говоря, не так?

Ответ прост. Дело в том, что время, когда произошла возгонка этого мифа, его распухание, доведение до почти вселенских масштабов, – это 1980—1990-е годы. Церковь уже тогда стремилась к владычеству в общественно-политической жизни и понимала, что ей это владычество необходимо просто для того, чтобы уцелеть и каким-то образом сохраниться. Пришло понимание, что придется отвечать за ситуацию, имевшую место во время Великой Отечественной войны, когда огромное количество приходов – порядка двух тысяч, – находившихся в составе так называемой Псковской миссии, полностью и безраздельно перешло на сторону фашистов и фашизма, поддерживало германские войска и осуществляло и идеологическую, и, как бы смешно это ни звучало, так называемую духовную поддержку тех, кто шел во власовскую армию и казачьи подразделения, тоже воевавшие в составе частей СС и в других германских структурах. Это было массовое, безусловное предательство – когда пелось «многая лета» Гитлеру, когда кожаные эсэсовские генералы встречались крестными ходами, во главе которых шли монахи с хлебом-солью и иконами.

Для того чтобы объяснить это предательство, потребовалось соорудить миф о какой-то чрезвычайно жестокой обиде, нанесенной попам в раннее советское время. Надо сказать, что большевики были еще те негодяи, однако вели себя в основном довольно неизобретательно, если не сказать неразумно. Дело в том, что вполне

возможно было – и такие предложения поступали – привлечь церковников к уголовной ответственности по факту обнаружения в мощевиках откровенных фальшивок. Известно, что вскрытие мощей тогда, в период 1917–1920 годов, производилось в присутствии духовенства, западных корреспондентов, бесконечных понятых, и все, что при этом находили, явно нельзя было списать на большевистские выходки и натяжки, скажем так, ранней антирелигиозной пропаганды.

Это было правдой. Когда вместо мощей Саввы Сторожевского была обнаружена кукла из ваты, а вместо мощей Павла Обнорского – кусочки досок, старые монеты, банка фиксатуара «Брокар», стружки, кирпичи. Вместо мощей Ефрема Новоторжского – череп кирпичного цвета, много ваты и шесть лишних костей. Или, как, например, свидетельствует протокол вскрытия мощей Сергия Радонежского: *«Изъеденные молью тряпки, вата, полуразвалившиеся человеческие кости, масса мертвой моли, бабочек, личинок. В черепной коробке в провощенной бумаге недавнего происхождения русо-рыжеватые волосы»*. Все было задокументировано и даже снято на киноплёнку.

А ведь мы помним, сколько денег – элементарно кружечного сбора, свечного сбора и т. п. – заработала на этих мощах Русская церковь. И тем не менее, даже несмотря на то что вскрытие мощей показало массовость и обязательность обмана, уголовные дела за откровенное мошенничество возбуждены не были. То есть можно говорить о том, что советская власть была и не особо изобретательна, и не очень заинтересована, и не так уж кровожадна. Тем более что так называемое распоряжение Ленина о том, что попов надо убивать, как показали четыре недавние экспертизы, является абсолютной фальшивкой.

Но, повторяю, необходимо было заранее заготовить оправдание тому, в общем, дикому факту, что церковь, позиционирующая себя как некая патриотическая организация, в Великую Отечественную войну безоговорочно, более того, что называется, с огоньком и воодушевлением переходила на сторону неприятеля Советского Союза там, где появлялась такая возможность.

Второй чудесный вопрос касается разгадки сегодняшнего влияния церкви, когда мы все равно видим, что довольно большое количество людей охотно несет свои сотенные и тысячные бумажки в обмен на те магические услуги, которые им продают в храмах. Могу сказать, что

здесь работает фактор под названием «сила сценизма». Сценизм – это как раз воздействие на человека всех этих атрибутов – пафосных бород, бижутерии, золотых и серебряных парчовых нарядов и прочего в таком духе.

Рекомендую вам произвести такой очаровательный мысленный эксперимент. Не поленитесь посмотреть какую-нибудь религиозно-пропагандистскую передачу с участием Гундяева, Смирнова или любого из нынешних пропагандистов идеологии РПЦ и мысленно постригите их коротко, сбейте пафосные бороды и переоденьте этих персонажей в маечки или футболочки. Еще и пафосный фон можно заменить на что-нибудь попроще. И тогда сразу станет очевидна анекдотичность того, о чем они говорят. Если у вас получится такой эксперимент, гарантирую вам незабываемые по веселости ощущения.

И еще один очень разумный, жесткий и вроде бы неудобный, но тем не менее очень хороший вопрос. Он касается суворовских и кутузовских солдат, которые шли в бой как бы с именем неких православных богов либо неких святых и, в общем, демонстрировали преданность образу этих богов или святых. Вопрос разумный, не вполне корректный. Ведь когда мы говорим, например, о кутузовских солдатах, которые накануне Бородинской битвы целовали образ так называемой Смоленской иконы Божией Матери, то возникает вопрос: а у этих солдат был какой-нибудь выбор, что целовать? И с чьим именем на устах идти в бой? И был ли выбор этих солдат свободным? Вся история репрессивного аппарата, знание того, каким образом – кровью, побоями, казнями, пытками – насаждалось и поддерживалось православие на протяжении семисот лет, знание того, что малейшее отклонение от господствующей примитивной православной идеологии немедленно пресекалось, наказывалось и вытравливалось, позволяют нам сомневаться в искренности тех чувств, которые должны были, по логике авторов вопроса, испытывать солдаты.

Может быть, если бы у них была свобода выбора, они захотели бы идти в бой за Перуна или Осириса, за Фрейю, за Тора или вообще ни за кого из богов, а просто за себя и за своих детей или за некую патриотическую идею. Но не надо забывать об этой репрессивной составляющей, когда пресекалось любое инакомыслие и когда на протяжении почти семисот лет человеку не предоставлялось никакого выбора собственного мировоззрения. За него всегда решали, в кого он

будет верить. И это решение со всех сторон обставлялось кнутами, палками, штыками, угрозами, каторгами, кандалами и другими атрибутами, скажем так, Святой Руси. Совершенно непонятно, какой бы выбор сделали эти все люди, если бы у них была свобода.

Я думаю, эти выборы были бы разнообразными и весьма далекими от тех православных идеалов, которые сейчас рисуются в лубочных книжечках. Дело в том, что этому есть подтверждение. Мы видим, что, как только рухнула репрессивная церковная система, церкви мгновенно потеряли своих прихожан, православные идеалы девальвировались и обесценились, и если бы не, скажем так, периодически возникающая подмога государства, то, вероятно, к сегодняшнему дню Православной церкви как таковой уже бы не существовало. Потому что выбор всегда был несвободен. И не только потребность в тех уголовных законах и уложениях, о которых я уже говорил, но и средневековая реальность, предлагавшая в качестве факта огромное количество именно строго репрессивных рамок для мировоззрения русского человека, в общем, доказывает, что выбор православия добровольным не был.

Еще один замечательный вопрос – о моем отношении к язычеству. К язычеству в данном случае русскому, славянскому.

Что касается религиозной составляющей, то она мне непонятна. Как атеист, я не могу воспринимать ее всерьез. Что же касается составляющей, скажем так, исторической и нравственной, то здесь у меня мнение есть. Конечно, можно говорить о том, что в отличие, например, от православия языческий выбор, сделанный в свое время, был свободным. Создание языческого пантеона было не навязанным, оно не держалось на жестоких и безостановочных репрессиях. К тому же мы видим глубокую укорененность славянской языческой религии, укорененность, которую попы не могли победить в течение многих сотен лет.

Я уже говорил, что, пожалуй, не существовало в Европе другого народа, у которого были бы змеевики. Вы знаете, что такое змеевики? Это своего рода образки, которые носились на груди, и на одной стороне образка был языческий славянский символ, а на другой изображался один из персонажей древнееврейского фольклора, то есть символ православный. Это был такой как бы компромиссный образок, и власти вынуждены были мириться с такой поразительной

живучестью русского язычества, хотя оно не поддерживалось никакими усилиями государственного, пропагандистского, карательного или иных аппаратов. В этом смысле можно говорить о том, что да, действительно, русское язычество – гораздо более свободный и чистый выбор, скажем так, в историческом смысле слова. О религиозной же составляющей, повторю, я ничего сказать не могу, поскольку совершенно и категорически ее не понимаю.

Следующий прекрасный вопрос – про наполненность семинарий и про то, чем руководствуются люди, которые туда идут.

В свое время, когда все было очень строго регламентировано и целиком находилось в ведении Комитета государственной безопасности, ситуация была несколько понятнее. Но не надо забывать, чем хороша церковь. Она хороша прежде всего тем, что дает приют и возможность очень хорошо зарабатывать людям, которые не наделены вообще никакими способностями. Ведь от них требуется всего лишь обрасти пафосными бородами, как следует костюмироваться, выучить несколько заклинаний – и это позволяет им в дальнейшем жить, в общем-то, на зависть многим россиянам, вполне бездельной и сытной жизнью.

Надо понимать, что я не голословлю, говоря, что основная масса священнослужителей, попов – собственно, 99 % – это люди, лишенные какой бы то ни было одаренности и образованности. Я говорю со знанием дела и опираюсь в данном случае на исторические факты. Обратимся к 1918–1920 годам, когда церковь перестала получать дотации государства и попы вынуждены были бросить свои приходы и разбрестись по миру с тем, чтобы зарабатывать какие-то деньги для прокорма себя и своих семей. И несмотря на то что бросивший приход поп, отказавшийся от религиозной деятельности, всегда был в достаточной степени обласкан властью, мы видим, что в основном бывшие попы оказались способными только к профессиям возчиков, ломовых извозчиков, водовозов. В некоторых случаях им удавалось сделать неплохую по тем временам карьеру торговцев керосином – притом что в силу эмиграции, в силу огромных людских потерь потребность в кадрах у молодой Советской республики в тот момент была огромна и все граждане хотя бы с минимальными способностями мобилизовывались, призывались и находили свое место в общественной жизни. Тем не менее огромная масса бывшего

духовенства так и не стала востребованной – именно по причине того, что эти люди не способны были ни к какому труду, не обладали никакими знаниями и никакими умениями.

Поэтому мы с уверенностью говорим о том, что эта профессия действительно не требует практически ничего, а взамен этого ничего предоставляет и статус, и возможность демонстрировать себя на телевидении, и возможность позиционировать себя как некое интеллектуальное или обладающее тайными знаниями существо. Однако вся очень простая подноготная этого явления нам известна.

И последний вопрос, на который я здесь отвечу, – вопрос о природе атеизма и о моем понимании – атеизма.

Атеизм – штука замечательная. Для меня это просто синоним свободы и синоним права думать так, как я хочу. И, естественно, атеизм накладывает на меня очень большие и серьезные обязательства, гораздо бóльшие, чем религия. Потому что, если я требую свободы для себя, я должен признавать право на эту свободу за всеми остальными – в том числе и право исповедовать то, что мне представляется глупостью, нелепостью и дикостью. Но исповедовать и иметь возможность отправлять свои религиозные культы, иметь возможность носить на голове кастрюлю любого цвета или есть мясо своего бога под коллективное пение – это свободный выбор каждого. В этом смысле атеизм уязвим, и он не имеет ничего общего с тем атеизмом, который демонстрировался «Союзом воинствующих безбожников», потому что это атеизм интеллекта, атеизм свободы.

Урок 22. Ответы на вопросы подпольного атеистического кружка

В этом разделе я постараюсь ответить на крайне любопытные вопросы, которые мне предложил, как это ни парадоксально звучит, подпольный атеистический кружок одного из Санкт-Петербургских вузов. Там действительно дело доходит до маразма, причем до такого маразма, что в библиотеках запрещают выдавать книги Ярослава Голованова, Лео Таксиля, Жюльена Ламетри и сочинения Жан-Жака Руссо. И вот наиболее интеллектуальные, наиболее самостоятельные и разумные студенты стали объединяться в какие-то атеистические кружки, от которых и пришли вопросы. Надо сказать, что эти вопросы действительно отличаются некоторым знанием предмета и определенного рода остротой.

Первый вопрос можно, пожалуй, назвать поповско-половым. Я не рекомендовал бы читать эту главу детишкам, а лучше еще и дамам, а лучше еще и мужчинам тоже, потому что такова тема. Но вопрос поставлен достаточно любопытно, и на него надо отвечать. Итак, откуда, в частности, у Русской православной церкви такая патологическая страсть залезать к людям в постель или в различные срамные места, держаться как можно ближе к гениталиям, постоянно муссировать эти вопросы, акцентироваться на гомосексуализме, лесбиянстве, абортах и т. п.?

Надо понимать, что это не сегодня произошло, и этот интерес у Русской православной церкви зародился не сейчас, современность тут ни при чем. Это глубокая, выношенная и, я бы сказал, существеннейшая традиция православия: постоянный контроль над половой сферой.

Началось все это достаточно давно. Почему мы можем говорить об этом с уверенностью? Потому что у нас есть то, что называется епитимийники, от слова «епитимия» – это монастырские чины исповеди. Причем, естественно, составляли их люди, которые великолепно знали, как говорится, фактуру, то есть жизнь монастыря и то, что именно является предметом исповеди. Знали, о чем надо спрашивать, что является наиболее типичным, наиболее острым и

наиболее значимым в этой монастырской – и не только в монастырской – жизни. Надо сказать, что вся отечественная литература по данному вопросу – а это и замечательные исследования Евы Левиной «Секс и общество в мире православных славян», и исследования Евгения Мороза «Секс и любовь в мире русского Средневековья», я уж не говорю про различные первоисточники, – показывает нам, что церковь действительно всегда патологически интересовалась этой темой и эта тема была одной из основных.

Почему я говорю, что это не очень прилично читать детям? Потому что самые традиционные вопросы, которые поп задавал исповедующейся, например, монахине, звучали так: «Не держала ли кого за срамное место?» А вопросы мирянину звучали так: «Не тыкивал ли жене рукою, ногою или иным чем? Языка своего жене не давал ли? За сосцы жену не хватал ли?» И дальше все в таком духе. Честно говоря, мне самому очень трудно прочесть это, не покраснев.

Надо сказать, что в этих чинах исповеди церковь доходила до какого-то сексуального фантасмагоризма. Как вы думаете, что является самым страшным грехом с точки зрения православного попа, принимающего исповедь? Вы, наверное, удивитесь, но за мужеложество полагалось четыре года «сухо есть», то есть поститься; за скотоложество – один год; за блуд с монашенками – два года, но самым страшным грехом считалось следующее: *«Всякая жена, восседающая на муже, шесть лет да покается, и поклонов двенадцать утром и двенадцать вечером и комкает»* (последнее слово тоже обозначает пост). То есть по совершенно необъяснимой причине поза, когда женщина находится сверху, приводила духовенство в неистовство и считалась наихудшим из грехов.

Иными словами, мы можем видеть очень жесткий, сильный интерес к сексуальной сфере. И традиция прослеживается далеко. Можно посмотреть в епитимийнике XVIII века, в чем обязаны были исповедоваться инок или монахиня: *«И согрешив со всякими блудскотскими, и содомскими, и кровосмешением, и рукоблудием, и прочим любодеянием и прелюбодеянием, и всяким блудодеянием естественным и чрез-естественными. И с женами, и девицами, и отроки, и со иноки, и со священноиноки, и даже до скотов и птиц»*. Это традиционный монастырский чин исповеди.

Интересный момент – исповедоваться полагалось, например, и в фактах онанизма. Причем в фактах онанизма, которые имели место во время церковной службы. «В церкви во время пения и чтения божественного и в трапезе рукою своею за срамной уд держал ли, и истекание совершал ли?» Именно это я имею в виду, говоря, что, прежде чем поцеловать попу руку, задумайтесь, что он делал ею десять минут тому назад.

Сейчас эта болезненная направленность на сексуальную сторону жизни реализуется в полной мере. Церковь начинает демонстрировать все то, чем она богата. И это патологическое желание определять длину юбок, решать вопросы допустимости или недопустимости аборт – примета отнюдь не сегодняшнего дня. Причем мы прекрасно знаем, что распущенность самого духовенства всегда превосходила так называемую мирскую распущенность. Это в равной степени справедливо что для русских попов, нравы которых прекрасно описывает Ефим Федорович Грекулов, что для католиков или протестантов. Жак де Коффен без всякой задней мысли, просто как медицинский случай описывает аббатов, которые приезжали в Париж и там сразу же *«наедались конфетами, в которых были заключены так называемые шпанские мушки»*. Шпанские мушки – это, поясну, очень сильнодействующий афродизиак. Прочитую еще немного: *«Аббата охватил страшный припадок сатириаса... Кончил он тем, что через несколько дней умер от гангрены ствола»*. Этот стиль поведения духовенства был совершенно одинаков что там, что здесь. И, соответственно, ханжество возростало по мере распущенности.

Второй вопрос звучит так: стоит ли вникать в богослужебные тексты и пытаться понять их смысл?

Я думаю, что не надо этого делать. Я думаю, что тем, кто сделал свой выбор в пользу свободомыслия, в пользу разума, в пользу науки и попыток честного понимания этого мира, лучше не пытаться в это вникать. Потому что никакой принципиальной разницы, как мы уже говорили, между этим верованием и любой другой религией, включая культ вуду, не существует. К тому же надо понимать: что бы ни говорил поп, о чем бы он ни говорил, какие бы слова ни произносил – о грехе, о покаянии, об искуплении, о любви, о милосердии, – все эти слова с непонятного церковнославянского языка переводятся одним и тем же образом: дай сто рублей. Или дай тысячу рублей. Надо понимать, что

вся эта фразеология – не более чем товар, которым торгуют церковники и который действительно приносит им очень хорошие барыши.

Следующий вопрос возвращает нас к теме предыдущего урока – к теме мощей. В частности, он касается того, что во время вскрытия мощей Сергия Радонежского в 1919 году в Троице-Сергиевой лавре были даже некие волнения, имели место попытки верующих воспрепятствовать процедуре. На самом деле таких попыток не было, потому что большевики ввели курсантов на территорию монастыря. Но в тот момент, когда во двор въехала машина с осветительными приборами – потому что предполагалось вести кино-съемку, – верующие решили, что большевики завезли какие-то фантастические пушки, которыми будут сжигать мощи или самих верующих, и пытались заблокировать подъезд этого автомобиля.

Однако почему мы заговорили о мощах? Потому что, к сожалению, все, что мы можем понять из этого вопроса, – это простое и очень отчетливое осознание: нельзя верить ни одному слову, просто ни одному слову церковных работников. И, кстати, история с мощами Сергия Радонежского тому прекрасное доказательство. Известно, что архимандрит Кронид и иеромонах Иона, которые непосредственно должны были производить вскрытие, запугивали красноармейцев и членов комиссии. И архимандрит Кронид, который был на тот момент наместником лавры, бил себя в грудь и кричал, что он совсем недавно распаковывал мощи и ножки у Сергия Радонежского были как у живого. Однако вы все прекрасно знаете, что, когда мощи наконец были открыты, там не было ничего, кроме некомплектного трухлявого скелета с какими-то непонятными, явно недавними вложениями.

Это лишний раз подтверждает – как, кстати говоря, и во всех других случаях вскрытия мощей, – что, коль скоро мы наблюдаем такую доказанную, отчетливую ложь в этом вопросе, скорее всего, попы нам лгут и во всех остальных затрагиваемых ими темах.

Возвращаясь к вскрытию мощей, замечу, что там, среди шестидесяти трех мощевиков и рак – так называются ларцы и сосуды, в которых хранятся мощи, – действительно были обнаружены несколько тел, которые подверглись частичной мумификации. Однако это вовсе не редкость, если мертвое тело оказывается в месте с особыми климатическими показателями – достаточно сухом или

достаточно жарком. Я хорошо помню свою «секундовскую» молодость. Когда мы ездили снимать криминальную хронику, то очень часто на чердаках, в подвалах, на трубах отопления можно было обнаружить пролежавшие несколько лет трупы бомжей, опившихся какой-то дрянью, которые полностью мумифицировались. Тоже по идее могли быть выданы за мощи.

Кстати говоря, когда большевики в свое время изъяли мощи святых и поместили их в одном из музеев, рядом для сравнения положили примерно такого же типа останки каких-то асоциальных типов того времени, которые успели в теплых московских подвалах не сгнить, а мумифицироваться. Позже, когда все это обратно передавалось церкви, естественно, была допущена путаница. Так что теперь, возможно, в какой-нибудь из так называемых священных рак находится тело какого-нибудь святого и праведного бродяги или беспризорника.

Урок 23. О защите от христианских ценностей

Пришло время поговорить о христианских ценностях. Сейчас мы наблюдаем, с какой страстью пытаются увести из правового поля Библию – священную книгу христиан, избавить ее от какой-либо экспертизы на предмет экстремизма, на предмет пропаганды ненависти, пропаганды убийства, религиозной или расовой нетерпимости. Вместе с тем следует понимать, что эта книжка является для верующих фундаментом, главным учителем, она закладывает основы их мировоззрения, и, действительно, изъятие ее из общечеловеческого обихода, наверное, стало бы чрезвычайно болезненным. К тому же нам все время объясняют, что Библия учит добру, терпимости, снисходительности, нежности друг к другу. Но все это на поверку оказывается ложью. Я обещал когда-то устроить небольшие библейские чтения. Сейчас, в связи с сегодняшней ажитацией по поводу Библии, для этого есть все основания. Давайте посмотрим, чему на самом деле учит Библия, какие основы в верующего человека она закладывает.

Обратимся к Ветхому Завету – к Книге Чисел.

Надо понимать, что главное действующее лицо Книги Чисел, Моисей, – один из величайших христианских святых и подвижников, основателей, первооснователей. Не случайно его слова считаются трансляцией воли бога и должны восприниматься исключительно как эталон, как образец, как фундамент той самой морали, о которой так любят говорить христиане. Давайте поинтересуемся, что предлагает – Моисей.

После одного из походов войска израильского в землю царей Мадиямских иудеи приводят к Моисею толпу пленников. Как написано в главе 31: *«И взяли все захваченное и всю добычу, от человека до скота; и доставили пленных и добычу к Моисею и к Елеазару священнику. И вышли Моисей и Елеазар священник и все князья общества навстречу им из стана. И прогневался Моисей на военачальников, тысяченачальников и стона начальников, пришедших с войны».*

Знаете, о чем спросил Моисей, посмотрев на эту толпу пленных? *«И сказал им Моисей: [для чего] вы оставили в живых всех женщин? [...] Итак, убейте всех детей мужского пола, и всех женщин, познавших мужа на супружеском ложе, убейте, а всех детей женского пола, которые не познали мужского ложа, оставьте в живых для себя».* Не увидеть здесь прямой пропаганды педофилии довольно сложно при всем желании. Но, может, это некое единичное место?

Давайте посмотрим не менее священную и популярную книгу Ветхого Завета – так называемый – Исход.

Вот, опять-таки, то, что транслирует бог через Моисея: *«И сказал им: так говорит Господь Бог Израилев: возложите каждый свой меч на бедро свое; пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего».*

Делается это в отместку за некоторые колебания в религиозных вопросах. Но это тоже фундамент. Призывы к убийствам, призывы к ненависти, призывы к нетерпимости по малейшему религиозному вопросу – на каждой странице. Но как же библейские герои предпочитают убивать? Какой именно способ наиболее угоден их богу? Это хорошо видно на примере пророка Давида, который взял в плен жителей города Равы: *«Народ, бывший в нем, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими. И возвратился после того Давид и весь народ в Иерусалим».* Подобных фрагментов слишком много. Вот Книга пророка Иезекииля: *«Старика, юношу и девицу, и младенца и жен бейте до смерти [...] И начали они с тех старейшин, которые были перед домом. И сказал им: оскверните дом, и наполните дворы убитыми, и выйдите. И вышли, и стали убивать в городе».*

Это как раз тот самый фундамент, та основа христианства, где ненависть по религиозному признаку является высочайшей добродетелью и строго культивируемым качеством. С пониманием этих основ и действия инквизиции, и действия Русской церкви по уничтожению старообрядцев, молокан, атеистов или каких-то иных инакомыслящих уже не кажутся самодеятельностью. Понятно, что это не что-то надуманное, не примета порочности конкретных людей, –

это следование вероучению. И эта свирепость, эта пропаганда ненависти, религиозной нетерпимости, пропаганда убийства по религиозному признаку в Библии повсюду. Поверьте, то, что я здесь процитировал, – ничтожная часть. На каждой странице призывы уничтожать чужие храмы, опрокидывать чужие изваяния, вырубать чужие священные рощи. Да, конечно, религия тут возведена в абсолют, и этому абсолюту требуется принести в жертву все.

Из этого становится понятно, что на самом деле христианство и не может быть иным. Что вам опять лгут, рассказывая, что бог – это любовь, бог – это терпимость, бог – это милосердие. Возьмите в руки Библию, она сейчас продается достаточно широко, и убедитесь, что все приведенные мною примеры – это не моя фантазия.

Вообще больше всего удручает вранье на каждом шагу. Не так давно лауреат премии «Серебряная калоша» Владимир Гундяев очень проникновенно, в духе хорошего актера старой каратыгинской школы объяснял, что никогда, никогда Русская церковь не прибегала к насилию в духовных вопросах, никогда не было насильственных крещений или насильственных обращений. Однако материалы замечательного исследования Карлхайнца Дешнера «Криминальная история христианства» показывают нам, с какой степенью страсти христиане всегда распространяли свою веру именно насилием, огнем и мечом, пытками и убийствами.

Впрочем, Дешнер приводит в основном несколько отдаленные во времени примеры. Давайте откроем академическое исследование Пола Верта «Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи» и посмотрим, что ожидало народы царской России, которые в силу своей малочисленности и незащитности перед карательной машиной казенной духовности были вынуждены принимать на себя основной удар этой духовности и этих идеалов. К примеру, Верт приводит совершенно конкретный случай, один из многих сотен, насильственного крещения марийцев – документальной основой послужили именно жалобы этих людей.

Первая жалоба начиналась с заявления о том, что в деревню, называемую Вереск-алмаш, прибыл для расправы окружной начальник. Несколько семей согласились на крещение под угрозой отдачи в рекруты или ссылки, но другая группа отказалась сменить веру. Тогда, по словам просителей, люди Блударова – это окружной

начальник – начали жестоко избивать и истязать старших в семьях, так что одного из авторов этой жалобы крестили уже в бесчувственном состоянии, в обмороке от побоев. Так было крещено почти пятьсот человек в одной купели, причем с людьми даже не снимали одежду. Более того, часть марийцев были заключены под стражу в собственных избах и банях без еды, где они сидели по двое-трое суток, пока не соглашались на крещение.

В своих показаниях временному губернатору Македонскому марийцы живописали, как их били руками, плетью, палками, как топтали ногами до беспамятства и как держали в колодках и кандалах. Одним словом, просители подчеркивали исключительную жестокость окружного начальства. И свой собственный страх живописали, объясняя, что им ничего не оставалось делать, кроме как принять крещение.

Опять ложь. Ложь про Библию, ложь в мелочах про часики и дачки, ложь про собственную благостность, лицемерная ложь про духовность, нежность и аккуратность к чувствам других людей. На самом деле ничего этого нет. Мы видим сектантское свирепое мышление, которое пока только показывает свой нрав, которое пока не выпущено на свободу полностью и окончательно. А что оно может делать, получив свободу, получив все преференции и возможность распоряжаться человеческими судьбами, мы очень хорошо видим на основании тех примеров, которые я здесь привел.

Урок 24. О сиянии «Серебряной калоши»

Поговорим о калошах. В особенности о калошах серебряных и об их нестерпимом и чрезвычайно многозначительном блеске.

Недавнее вручение очень престижной премии «Серебряная калоша» Владимиру Гундяеву, больше известному под сценическим псевдонимом Кирилл, очень многое расставило на свои места и позволило, вероятно, случайно, но вместе с тем очень метко и очень четко обозначить сегодняшнюю роль церкви как некоего подразделения шоу-бизнеса. И действительно – пусть это не так пафосно, как хотелось бы поклонникам и сторонникам церкви, – ее сегодняшнее место находится именно в этой сфере. Люди переодеваются, поют, собирают деньги, немножечко работают в разговорном жанре, как чтецы-декламаторы, немножечко работают в качестве иллюзионистов-фокусников на доверии – тут, правда, немножко другой вариант: мы видим как бы производящийся фокус, никогда не видим его результатов, но обязаны предполагать, что эти результаты есть. То есть это в самом деле некий шоу-бизнес, и «Серебряная калоша» в этом смысле абсолютно заслуженная и, я бы сказал, очень мудрая премия, которая позволила поставить точку в очень долгих и страстных религиозно-философских исканиях и различных пафосных и сложных попытках определить место церкви в обществе.

Но давайте посмотрим чуть-чуть с другой стороны. Мы увидим, что даже идеологическое обеспечение, несмотря на весь фанатизм, несмотря на все свинства и зверства, на крайне непристойную историю этой организации, в общем, не тянет ни на что большее, чем подразделение шоу-бизнеса. К примеру, все время церковь вытаскивает из своих сундуков разнообразные аргументы, пытаясь убедить нас в том, что когда-то в древности именно благодаря ей были достигнуты необыкновенные высоты в сфере культуры и искусства. Приводит, в частности, пример Андрея Рублёва.

Однако использование в качестве аргумента имени Андрея Рублёва – это маленькая хитрость РПЦ. Расчет тут делается на абсолютную серость и невежественность аудитории, которая понятия

не имеет о том, что никогда в жизни ни одной иконы Андрей Рублёв сам не написал. Андрей Рублёв, как и все прочие иконописцы в России, пользовался исключительно трафаретами, так называемыми прорисьями – еще их называют иконописными лицевыми подлинниками, – где все было регламентировано до последней завитушки. И ни один иконописец в здравом уме не мог бы добавить ни складочку на одежде, ни точку в глазах, ни сменить позу, ни изменить движение пальчиков, ни поменять антураж или интерьер. Все было исключительно строго.

Более того, как делалась икона? На доску, покрытую левкасом – это такой гипсово-клеевой слой, – накладывался бумажный трафарет, а затем иконописец иглочкой прокалывал этот трафарет, оставляя точки на левкасе. Затем брался мешочек с угольной пылью, и эта угольная пыль вбивалась в эти точки, так что уже непосредственно на доске – на будущей иконе – образовывался контур того, что на ней должно быть изображено. Контур очень строгий и очень четкий. А затем иконописцу предстояло только раскрасить изображение, и ничего более.

В зависимости от его дизайнерской одаренности он мог раскрасить хуже, мог раскрасить лучше, мог раскрасить более или менее прилежно. Но на самом деле никому никогда не позволялось ничего рисовать, потому что не было никаких школ рисования, никаких школ живописи, не было вообще ничего. И когда мы умиляемся иконописью, мы должны, в общем, отдавать себе отчет, что мы говорим о предельно примитивном плоскостном изображении, о самом начальном этапе развития декоративно-изобразительного искусства, которое именно в этой точке и было заморожено.

Можно приписывать этому какой угодно мистический смысл. Но, увы, придется согласиться с тем, что это именно первоначальное, первобытное состояние, которое позже в Европе было развито и предложило удивительные по своей силе образцы живописи, графики и т. п., а иконопись так и осталась на уровне довольно примитивного декоративно-прикладного искусства. Почему я говорю «декоративно-прикладного»? Потому что смысл искусства в его неповторимости, в его абсолютной уникальности и индивидуальности. Это определение вы можете найти хоть в Большой советской энциклопедии. А здесь необходимо было четкое следование трафарету.

В этом, в общем, была определенная мудрость, потому что Россия – огромная страна с очень большим в то время количеством иконописцев. Сказать, что все они всегда были трезвы, довольно сложно, посему если бы задачу изобразить того или иного святого просто оставили на откуп какому-нибудь архангело-городскому или вятскому иконописцу, он изобразил бы его в соответствии с собственными представлениями о прекрасном. Естественно, такая икона никогда не могла бы быть допущена к церковному употреблению. Поэтому разговор об Андрее Рублёве как о художнике – это, по сути, огромная и безграмотная натяжка.

Но эти натяжки, эти смешные проколы, ориентированные на предельную серость аудитории, буквально повсюду. Я не раз говорил о Петре и Февронии Муромских и о том, что эта пара почему-то сделана в России символом любви, семьи и верности. Тут очень сложно говорить серьезно, потому что, опять-таки, расчет делается на дикую серость, на то, что никто никогда не прочтет, хотя бы формально, даже церковного жития, не говоря уже о каких-то более основательных источниках. Например, у меня сейчас в руках книжка 1979 года, выпущенная издательством «Наука», – это академическое издание «Повести о Петре и Февронии» под редакцией академика Александра Михайловича Панченко, и здесь есть и прилукская, и причудская, и муромская версии, которые считаются наиболее полными. Давайте вспомним, о чем идет речь в истории Петра и Февронии.

Речь идет о том, что девушка грубым шантажом заставляет князя на себе жениться. Причем шантаж основан на самом болезненном, самом страшном: Петр, пораженный, судя по всему, либо каким-то очень тяжелым дерматитом, либо экземой, прибывает к ней в лес. Девушка – простолюдинка, она волхвует, она – лекарщица, как это называлось в то время. Петр умоляет его вылечить. Феврония его лечит, но ставит условие: я тебя вылечу, но ты берешь меня в жены. Петр соглашается и обещает это сделать. Феврония, будучи девочкой неглупой, судя по всему, понимает, что ее могут надуть, поэтому, совершая манипуляции по излечению струпьев, *«един струп остави непомазан»*. То есть она оставляет одну язву, как говорится, на развод.

Ее план оправдывается. Петр, естественно, отказавшийся после излечения жениться, уезжает, но не успевает доехать он до своего Мурома, как *«от того струпа начаша многи струпы расходитися на*

теле его [...] весь оструплен многими струпы и язвами яко же и первие». Он снова возвращается к Февронии, и она снова ставит ему условие: либо ты берешь меня в жены, либо я тебя лечить не буду. Он соглашается, понимая, что другого выхода нет. И действительно, после второго случая излечения он, опасаясь, вероятно, что где-то что-то еще осталось незалеченным и третьего раза уже не будет, женится на ней. То есть ни о какой любви, ни о каких чувствах, ни о каких отношениях речь не идет – чистый шантаж, жертвой которого является Петр, причем объектом шантажа является здоровье и жизнь. Феврония таким образом резко улучшает свое социальное и материальное положение.

Пара в течение некоторого времени живет в Муроме, затем разводится. Причем, судя по всему, супруги были еще и бездетны, потому что ни причудская редакция, ни муромская редакция никаких сведений о детях не предоставляют. Разводятся почему? Потому что оба решают постричься в монахи: и Петр становится монахом, и Феврония становится монахиней. Надо понимать, что монашество – это полный отказ не только от собственного мирского имени, не только от мирских привычек, не только давание определенных обетов, но и в обязательном порядке полное прекращение всего, что связано с личной, семейной жизнью, в частности обязательный развод.

Итак, бездетная, сошедшаяся на почве шантажа пара разводится, а затем наступает некий мифологический цирк, потому что Петр собирается умирать – вероятно, по старости или по каким-то болезням – и постоянно посылает к Февронии гонцов, с тем чтобы и ее тоже вынудить умереть примерно в один день с ним. После настоятельных увещаний Феврония тоже умирает, и этих людей, уже совершенно чужих друг другу, разделенных монашескими обетами и разводом, хоронят в разных местах и, естественно, в разных гробах – потому что светлая мысль положить в один гроб инока и инокиню даже в наше время пока еще никому не пришла в голову. Наутро же после захоронения муромчане внезапно обнаруживают инока и инокиню в одном гробу, совершенно в другом месте. Каким образом и как они сползлись, чтобы улечься в один гроб, и история, и житие умалчивают. И так происходит несколько раз.

То есть российским символом любви, семьи и верности становится эта бездетная, разведенная, сошедшаяся из-за шантажа пара, которая после смерти зачем-то по муромской грязи собирается в

одном гробу. Ничего более дикого представить невозможно. Опять-таки – расчет на серость.

Такой же расчет на серость, кстати говоря, виден в аргументе, которым очень часто оперируют православные. Я имею в виду их постоянное поднимание на щит хирурга Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого, лауреата Сталинской премии, который получил ее за определенные, действительно интересные и серьезные наработки в гнойной хирургии и который при этом был священником, известным под именем епископ Лука. Но опять-таки этот пример ничего не доказывает, потому что мы видим сонм блестящих хирургов, которые гораздо больше дали медицине. Это Гавриил Абрамович Илизаров, Николай Васильевич Склифосовский, Николай Михайлович Амосов, Сергей Сергеевич Юдин, да и множество других, которые не только не были епископами, но не были даже верующими. Надо сказать, что в истории с Войно-Ясенецким его религиозность оказалась «ружьём, висящим на стене», которое все-таки под конец неприятно стрельнуло. Со временем Валентин Феликсович ушел в совершенно, я бы сказал, анекдотическую и антинаучную область, создав теорию кардиоцентризма, по которой именно сердце является центром нервной системы. Ничего более абсурдного предположить нельзя, но вместе с тем понятно, что это ружье должно было выстрелить. Он был, вероятно, очень симпатичным человеком и очень неплохим хирургом, но его пример опять-таки ничего не доказывает.

В качестве еще одного доказательства нам говорят о том, что только очень высокая, сильная и значительная идеология способна породить мучеников. И здесь тоже делается расчет на невежество и серость. Не будем касаться вопросов раннего христианского мученичества – там столько наплетено вранья, столько предложено абсолютно мифологических конструкций, что верить этому нельзя. То же касается и всего средневекового материала, и, кстати говоря, материалов времен так называемых репрессий. Но дело не в этом. Предположим, что какие-то мученики реально были и действительно сознательно меняли свою жизнь на свои убеждения. По моему мнению, акт мученичества – это один из самых извращенных видов контракта, когда человек меняет свою жизнь на какие-то невероятные блага на том свете, в существовании которых его убедила его религиозная среда, однако предположим, что эти факты мученичества

и вправду где-то когда-то имели место. И доказывают ли они что-нибудь?

Вряд ли кому-нибудь из вас придет в голову считать Ким Чен Ира или Ким Ир Сена персонажами возвышенными и достойными того, чтобы войти в историю человечества как лидеры, герои, пророки или что-то в этом духе. Тем не менее давайте вспомним случай, о котором писала пресса несколько лет назад: в провинции Хамгён-Намдо тринадцатилетняя школьница Хан Хен-Ген погибла, спасая портреты Ким Чен Ира и Ким Ир Сена во время наводнения. В школе она осталась одна и могла бы спастись, но тогда портреты вождей намокли бы и пришли в негодность. И эта тринадцатилетняя девочка до конца стояла, подняв над головой портреты и не решаясь пуститься вплавь, чтобы не погубить их.

Конечно же, в северокорейском политическом пантеоне она канонизирована, ее именем названа школа. Но это очень хороший пример того, что любая свирепая, тоталитарная идеология воспитывает зомби, которые готовы за возможность страстного проявления собственной идеологизированности расплатиться чем угодно.

Урок 25. Аборты и тайные знания попов

Итак, поговорим об абортах. Сегодня мы можем наблюдать усугубляющуюся истерию вокруг этой простой жизненной реалии, которая была, есть и будет, вероятно, одной из самых важных примет свободы человека в вопросах решения как своей судьбы, так и судьбы производных своего организма. Право на это решение относится, пожалуй, к числу фундаментальных свобод человека. Это очень важно знать и понимать.

Точно так же важно знать и понимать, что наука в этом вопросе давным-давно сказала свое слово, определив, причем с большим подстраховочным запасом, безопасные для организма женщины сроки прерывания беременности, а также место и статус эмбриона. Самые выдающиеся эмбриологи, включая Карла Максимовича Бэра, Вильгельма Гиса, Вильгельма Роу, Ханса Шпемана и Жака Коэна, были едины в своем мнении и не видели никакой проблемы в аборте. Фактуры всех открытий, удостоенных Нобелевской премии начиная с 1901 года, когда она была основана, не содержат никаких указаний на особые свойства эмбриона человека, которые хоть как-то отличали бы его от эмбрионов всех остальных млекопитающих. Следует понимать, что истерия по поводу аборт не имеет иных корней и причин, кроме чисто религиозных. Более того, эта истерия не имеет и никакой аргументации, кроме той, что содержится либо в религиозном фольклоре, либо в так называемых преданиях – опять-таки религиозных. С последними все очень забавно.

Напомню, что антиабортная истерия началась с Шестого Вселенского собора и ряда папских энциклик по данному поводу. Авторами этой истерики были монахи, которые в соответствии с их обетами не должны даже точно знать, сколько грудей у женщины, не говоря уже о том, что они ничего не могут, не должны и не имеют права понимать ни в особенностях строения матки, ни в особенностях эмбриологии. Тем не менее истерика по поводу прерывания беременности стала фактом.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Как мы знаем, все религии очень страстно лезут в физиологию. Причем с особенной

страстью они лезут в место, которое по-латыни называется *pīna pudenda*, то есть непосредственно в срамную щель, и придают огромное значение сексуальному контексту всего этого дела. Не буду напоминать об особой ярости, которую вызывает у православия поза «женщина сверху», зато напомним о том, что некоторые верования категорически требуют циркумцизии – отрезания куска пениса у мужчины или у ребенка. Некоторые столь же страстно требуют инфибуляции – то есть зашивания в младенческом возрасте больших половых губ у девочки с оставлением лишь небольшого отверстия. Некоторые настаивают на вырезании клитора, некоторые запрещают переливать кровь, некоторые запрещают пересаживать органы, делать аборты, наносить множественные рубцы на кожу и т. д. Всего не перечислишь. Религий очень много, и в каждой есть, как говорится, свои изыски.

По идее в этом нет никакой проблемы. Никто, собственно, не мешает самим верующим вести себя в соответствии со своими верованиями: можно циркумцизироваться, можно инфibuлироваться, можно зашивать свисток в анальное отверстие. Дело вкуса, дело хозяйское. Но в последнее время поклонники сверхъестественных существ пытаются навязать свои взгляды на физиологию и тем миллионам людей, которые этим взглядам либо не сочувствуют, либо считают их дикостью. Внутренние правила своей секты или своей конфессии поклонники сверхъестественных существ пытаются сделать общеобязательными для всего общества. В России поводом для религиозной истерии опять стали аборты. По данному вопросу, как я уже отметил, академическая наука давно сказала свое слово, но церковь осталась при собственном мнении и считает прерывание беременности на любом сроке чем-то недопустимым.

Может быть, у церкви есть какое-то особое тайное знание? Может, ей известны какие-нибудь тайны онтогенеза и тайны мироздания?

Но давайте не будем трогать «строго специфические» знания церковников. Известно, что, к примеру, невозможно найти религию, в которой убитый или умерший бог не воскресал бы и не возносился. Как именно осуществлялось это вознесение: путем вертикального взлета или все-таки требовалась какая-то разбежка? Это абсолютно не наше дело, такими вопросами как раз и должна заниматься теология.

Мы никак не можем подтвердить или опровергнуть данные утверждения, они и непроверяемы, и совершенно недоказуемы. Давайте же на проверяемых и доказуемых фактах вкратце протестируем способности церкви получать достоверную информацию вообще о чем бы то ни было существенном, важном, значительном. Быть может, те сверхъестественные существа, которые управляют сознанием верующих, раскрыли и поведали им какие-то неведомые нам секреты природы?

Посмотрим, можно ли хоть какие-то знания или убеждения церкви воспринимать всерьез. Сделаем это строго, но предельно доброжелательно. К примеру, возьмем геологию. Эта наука атаковалась христианами с самого момента своего возникновения. Наиболее весомые труды, основанные на классической теологии и святоотеческих традициях, – это «Священная история Земли» Томаса Бёрнета, «Естественная история Земли» Джона Уорда, «Происхождение человеческого рода» Мэтью Хела.

Там все достаточно забавно. Согласно взглядам теологов, любые ископаемые останки загадочных огромных существ объясняются, например, так – цитирую: *«Продукт жирной материи, начинающий бродить под воздействием жара или бурного движения земных испарений»*. Томас Бёрнет, выдающийся, между прочим, теолог, в своей «Священной истории Земли» обосновывает библейскую версию мироздания и потопа. По Бёрнету, Земля изначально была идеально гладкой и подобной яйцу, более того, она была наполнена жидкостью, ущельями, скалами, холмами, каньонами, кратерами, морями. Ее изборозило лишь грехопадение человека.

Профессор Кембриджского университета, тоже теолог Уильям Уистон в капитальном труде «Новая теория Земли от ее сотворения» объяснил возникновение всех земных рельефов кометой, которая вскрыла фонтаны большой глубины. Профессор-теолог Кембриджского, опять же, университета Джон Уорд в «Естественной истории Земли» развил теорию происхождения различных ископаемых останков от Ноева потопа. Любопытно, что различные случайно обнаруженные фоссилии – возможно, это были останки дицинодонов, паразауролюфов или мегалозавров – всегда приводились церковью как доказательство существования библейских исполинов. Тех самых исполинов, которые, согласно Шестой Книге Бытия и Тринадцатой

Книге Чисел Библии населяли землю параллельно с людьми во времена Моисея и Ноя.

Разумеется, тогда никто не вел специальных раскопок, но очень часто размывы, оползни, обрушения отвесных берегов рек обнажали гигантские загадочные кости, и эти кости вывешивали в церквях именно в качестве костей исполинов, погибших при потопе. Следует отметить, что палеонтологические находки трактовались именно так не какими-то случайными любителями или попами-одиночками, а самыми известными и авторитетными профессорами богословия – Тарубием, Инкризом, Мадзером, Шейцхером. Шейцхер прославился тем, что в 1726 году обнаружил в подобном оползне набор очень больших костей и торжественно провозгласил их останками допотопного человека. Кости сохранились до конца XIX века, когда уже наукой были идентифицированы как принадлежавшие мегалозавру.

Примерно такой же конфуз имеет место и в религиозной датировке возраста Земли. Знаковой фигурой в этом вопросе является теолог Джон Лайтфут. Он сделал теологической догмой предположение, что Земля была сотворена 23 октября 4004 года до нашей эры в девять часов утра. Но Лайтфут ничего не придумал. Он основывался на собственных расчетах, хронологиях библейских событий и на труде епископа Ашшера (Уссерия) «Летописи Ветхого и Нового Завета», а также, вероятно, на труде Винсента из Бове «Зеркало истории». Тот первым определил возраст Земли в четыре тысячи лет. Впрочем, тон в этой теме был задан еще так называемыми отцами церкви, то есть непосредственно Оригеном, Евсевием, Лактанцием и Климентом Александрийским, которые всегда балансировали в определении возраста Земли где-то от четырех до шести тысяч лет.

Мы не будем обращать внимание на анекдотичность и дикость этих представлений об очень серьезных вопросах. Для нас важно лишь то, что они ошибочны. Что никаких знаний в этой сфере, принципиально, качественно отличающихся от общего уровня, у церкви нет и никогда не было. Но вы, вероятно, помните текст отречения, которое церковники заставили произнести Галилео Галилея: *«Я, Галилей, семидесяти лет от роду, находясь в темнице, коленопреклоненный перед вашими священствами и имея перед глазами Евангелие, которого я касаюсь руками, отвергаю, проклиная*

и презираю заблуждение и ересь, содержащиеся в утверждении о движении Земли». Вот именно этот текст, надо понимать, был разослан всем нунциям Европы, всем архиепископам и епископам. Он стал основой многих университетских курсов и был зачитан со всех церковных кафедр. Наряду с этими мероприятиями типографии печатали могучие антикоперниковские, антикеплеровские и антигалилеевские труды, которые имели повсеместное распространение и были обязательны к преподаванию во всех университетах. Эти труды содержали взвешенные теологические возражения и критику уже разгромленной теории Галилея.

Рассмотрим, к примеру, труд Кьярамонти, посвященный тому самому кардиналу Барберини, который был гонителем Галилея. Там содержится крайне убедительный для того времени и очень популярный аргумент против движения Земли. Звучит он буквально так: *«Животные, которые обладают способностью двигаться, имеют конечности и мускулы, Земля не имеет ни конечностей, ни мускулов, следовательно, она не может двигаться». Некий Полако приводит в своем сочинении еще более убедительный аргумент: «Земля не только холодная, но является олицетворением самого принципа холода, но холод противоположен движению и даже разрушает его, свидетельством чего могут служить животные, которые, коченея, становятся неподвижными».*

Все эти труды были, как я уже сказал, широко тиражируемы. А работы Иоганна Кеплера, Галилео Галилея и Николая Коперника были сразу внесены в известный список «Индекс запрещенных книг» (лат. Index Librorum Prohibitorum), и распространение их было практически нереально. И здесь мы тоже вынуждены отметить крайне существенную ошибку. При этом вполне можно воздержаться от естественной иронии – нет никакой необходимости пинать этот труп теологического сознания, – странно другое. Почему сверхъестественное существо забыло сообщить своим доверенным лицам, которыми, как известно, представляются церковники, столь простые и важные подробности строения Солнечной системы?

То же касается и элементарного биогенеза. Так называемые отцы церкви, такие как Василий Великий, Григорий Нисский, Августин Блаженный, Исидор Севильский, Петр Ломбардский, создали собственные гипотезы миротворения и происхождения видов. В

частности, Исидор Севильский является автором версии, согласно которой пчелы образуются из разлагающейся телятины, тараканы – из лошадиного мяса, кузнечики – из мяса мулов, а скорпионы – из крабов. Примерно столь же любопытную версию выдвинул и премудрый отец церкви Фома Аквинский в «Сумме теологии»: *«Если даже появляются новые виды, то потенциально они существовали раньше, что доказывает тот факт, что некоторые животные образуются из гниения других животных».*

Повторяю, дело не в дикости этих представлений. Дело в их принципиальной ошибочности. Легко заметить, что в умозаключениях церковников нет и никогда не было практически никаких серьезных знаний или каких-то прозрений. Это всегда наборы грубых и крайне примитивных ошибок, сопровождаемые противодействием любым реальным знаниям и любой эмпирике. Даже этих простых примеров достаточно, чтобы убедиться в том, что представления церкви о сложных вещах, в том числе и об абортах, вообще нельзя воспринимать всерьез ни в каком смысле этого слова.

Я намеренно приводил здесь примеры, основанные именно на западной теологии. Русское православие всегда было неким парахристианским течением, которое взяло из основ этой религии только тоталитаризм и агрессивность, лишь слегка припудрив их приторной фразеологией про всякие там любви и прощения. Православная церковь была очень провинциальна и в создании фундаментальных основ богословия, в общем-то, никогда не участвовала. Кстати, вероятно, именно этим объясняется ее дикий страх перед атеизмом.

Вот вам любопытный факт. Когда создавалось Общественное телевидение, вроде бы все из себя независимое, народное и вольное, еще никто не знал, что на нем будет. Но уже было абсолютно точно известно, чего на нем не будет ни в коем случае. Да, вы угадали – никакого атеизма. Страх церкви перед атеизмом настолько велик и всеохватен, что любые упоминания о нем в сегодняшней официальной, государственной прессе Российской Федерации считаются недопустимыми. Может быть, в связи с этим и принимаются нелепые законы об ответственности за клевету. И это, надо понимать, делается для того, чтобы спасти хотя бы последние осколки разбитой репутации

Гундяева. Хотя, как замечательно сказал в свое время Талейран: *«Знаете ли, дорогие мои, есть оружие страшнее клеветы».*

И напоследок я хочу ответить на вопрос о милых московских девчонках, которые называются Pussy Riot. Меня часто спрашивают, чем закончится эта история. Что ж, трудно, пожалуй, предсказать все этапы, но чем все закончится, по-моему, совершенно понятно. Закончится все Чаплиным с баяном и кепкой, исполняющим на углу проспекта Толоконниковой грустные песни, которые, надеюсь, не позволят ему умереть с голоду.

Урок 26. Еще раз о Pussy Riot, чистоте, любви и шалостях

Подведем наконец итоги той драмы, в которую переродилась шалость пяти девочек в так называемом ХХС. Что мы имеем и что мы должны увидеть во всей этой истории, что для нас является наиболее любопытным?

Для нас это уникальный результат абсолютно чистого эксперимента, когда мы можем видеть научное, практически лабораторное доказательство того, что в действительности представляет собой религия в соприкосновении со свободой, достоинством, личностью и современностью. Пожалуй, другой такой образчик даже невозможно припомнить, и невозможно найти столь же красноречивую, характерную и демонстративную ситуацию. Мы увидели то, о чем лишь читали в кажущихся иногда фантазиями книгах Карлхайнца Дешнера – что такое религия, с какой поразительной легкостью и злобой она приносит в жертву фантазиям реальных людей. Пока – не реальные жизни, а лишь судьбы. Но по тому замаху, тому оскалу, той кровожадности, которую религия продемонстрировала, мы прекрасно понимаем, что стоит дать ей малейшее послабление, и она начнет пожирать не только судьбы, но и семьи, и жизни, и целое поколение.

Это драгоценный случай, который, вероятно, очень многим откроет глаза на сущность религии. Потому что всегда всем кажется, что атеисты что-то драматизируют, чего-то недоговаривают. Что все изменилось. Что сейчас уже не могут повториться те дикие сцены, которые разыгрывались на площадях германских, английских, русских городов, когда в огне трещало чье-то живое мясо и горели чьи-то волосы; когда кого-то сажали на кол, а кого-то сжигали в клетке на льду Москвы-реки. Нет, все абсолютно возможно.

Надо понимать, что вся эта история, конечно, целиком религиозна и православна. Более того, если мы внимательно ознакомимся с материалами суда, то увидим, что в качестве потерпевших выступают со своими православными обидами православные люди. Если мы посмотрим на гособвинителя и на всю обвинительную сторону, мы

увидим редчайший крен в религиозность и в самое безудержное и откровенное православие. Если мы посмотрим на те экспертизы, которые легли в основу скандального судебного решения, мы опять-таки увидим абсолютно православные экспертизы, которые рассматривают шалость этих девочек с точки зрения православности. Так что все православные могут считать себя соавторами этого приговора.

Конечно, можно прятаться за разговоры о власти, разговоры о бессудности и кривизне судебной системы, и это все тоже имеет место. Но следует помнить, что это был в первую очередь православный процесс, который закончился торжеством православия над свободой, над личностью, над правами и над современностью. А для нас это действительно лабораторный образец того, что такое религия сегодня.

На этом фоне очень забавно попискивание интеллигентов, которые все время апеллировали к тому, что христианство, в частности православие, – это религия прощения, религия любви, и христиане якобы сами нарушили свои же собственные правила и заповеди. Да ничего подобного. Они полностью этим заповедями и правилам соответствовали, потому что разговоры о том, что христианство является религией любви, основаны на дикой наивности и абсолютном непонимании и незнании принципов религии. Совершенно верно, там действительно присутствует некая любовь. Но следует понимать, что она распространяется только на членов этого религиозного сообщества, только на членов секты. Малейшее отступление от правил религиозного сообщества или секты моментально вызывает бешеную ненависть и отторжение и дает право делать с отступником все, что угодно.

Я не буду сейчас перечислять примеры из мировой истории – их действительно сотни тысяч. Повторю лишь, что слово «любовь» пригодно только внутри христианского сообщества. Устремленное и направленное наружу, оно чаще всего не имеет этого смысла. К тому же не будем забывать, что у христиан многие понятия трактуются очень забавным образом. Если мы попытаемся понять слово «любовь» в их исполнении, то надо, вероятно, провести какую-то наиболее легкую, простую аналогию – например, с чистотой. Вспомним, что на христианских службах – и на православных, и на католических – звучит такая фразеологема: «Житие проживем во всяком благочестии и

чистоте». А теперь давайте строго и доброжелательно посмотрим, какие эталоны чистоты нам предлагает каноническое христианство.

Вспомним святого Иеронима, который благоговейно подчеркивает, что святой Илларион доказал свою святость прежде всего тем, что провел жизнь в крайней физической нечистоплотности. Святой Афанасий Великий превозносит святого Антония Великого за то, что тот даже ног никогда не мыл. Это все отцы церкви, общие для всех церквей.

Свидетельство святости Авраама заключается в том, что он в течение пятидесяти лет не мыл ни единой части своего тела. Тем же известна и святая Сильвия – она ни разу не мыла ни одной части своего тела за исключением тех пальцев, которыми крестилась. Мария Египетская прославилась полным и абсолютным забвением вообще всяких представлений о личной гигиене, а Семен Столпник, как и его жилище, был настолько невыносимо грязен, что те, кто приходил к нему на поклон или засвидетельствовать свое почтение, частенько падали в обморок от одного запаха. Как свидетельствует житие, *«и телеса свои, и даже лице свое окалях»*.

Окалях – это специальный глагол, который существует в церковнославянском языке и означает – тысяча извинений, но я вынужден это перевести – буквально «изговнях». Этот глагол употребляется и в церковных православных службах, в частности, в песнопении «Покаяния отверзи ми двери» – *«студными бо окалях душу грехми»*, – и вообще достаточно широко и часто. Это преклонение перед абсолютной антисанитарией – одна из самых серьезных христианских традиций. По всей видимости, именно ей обязана своим происхождением традиция крестоносцев – тех самых романтических красавцев рыцарей – натираться калом папы римского. Но это, впрочем, не имеет особого отношения к нашей истории. Важно то, что у христиан, если рассматривать буквально их собственное понимание, представления о чистоте очень своеобразны. Вероятно, столь же своеобразны, сколь и представления о так называемой любви.

Что же касается возникших на фоне всего произошедшего разнообразных православных патрулей и громко прозвучавших требований сжечь, посадить на кол, вообще каким-то образом свирепо разобраться – это тоже замечательно! Потому что чем чаще христианство будет демонстрировать свое подлинное личико, тем

скорее прорвется весь этот религиозный фурункул и о нем, вероятно, можно будет наконец забыть. Надеюсь, что точно так же забудет о нем и власть, которая в течение последних двадцати лет проводит очень забавный эксперимент, пытаясь использовать для строительства современного демократического государства копролиты XV века.

В качестве последнего довода вспомним известную оговорку: мол, посмотрели бы мы на этих девочек в другом храме. Видите ли, в том, что касается храмов других религий, это сравнение абсолютно некорректно. Все религии абсолютно одинаковые и абсолютно одинаково генерируют нетерпимость и злобу. Но мы видели шалости этих девочек в так называемом храме науки. Об этом очень любят поговорить те самые православные гинекологи, которые постоянно рассуждают о степени девчочковости, например Толоконниковой. Как бы то ни было, когда эти шалости, гораздо более весомые, чем в ХХС, происходили в Музее естественной истории, мы не увидели ни биологов, ни зоологов, ни академиков, ни журналистов, которые призывали бы кого-нибудь сжечь или осудить и которые вообще были бы хоть сколько-нибудь оскорблены. Потому что они понимают, что любые шалости ничего никогда не отнимут от науки.

А мы с вами имеем возможность наблюдать милый парадокс: чем больше у человека святого, тем чаще он хватается за топор или факел.

Урок 27. Медиамифы РПЦ

Поговорим о православных мифах. А точнее – о медиаправославных мифах.

Пожалуй, первым по значимости, можно сказать, козырным мифом является хирург Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, он же архиепископ Лука. Его обычно предьявляют как пример того, что только верующий человек может быть значительным, видным или выдающимся хирургом. Его именем называются общества православных врачей – хотя не очень понятно, что такое православная медицина. Вероятно, в определенных отраслях, таких как проктология да и гинекология тоже, они используют инструменты только крестообразной формы, а не какие-нибудь другие.

Однако шутки в сторону, вернемся к Войно-Ясенецкому. Итак, миф заключается в том, что Валентин Феликсович был исключительным хирургом как раз по причине того, что он был верующим – даже более того, епископом. Но давайте вспомним – и я уже говорил об этом в данной книге, – что гораздо более значительные, действительно великие хирурги, гораздо больше сделавшие для медицины, такие как Николай Васильевич Склифосовский, Александр Васильевич Вишневский, Сергей Сергеевич Юдин, Николай Михайлович Амосов, не были не только епископами, но и вообще верующими. И в данном случае никакой связи между профессией и вероисповеданием, полагаю, нет.

Наверняка Войно-Ясенецкий был по-своему очень обаятельным и очень неплохим человеком. Конечно, у него, как у всякого хирурга, было, как это принято называть, свое личное кладбище, но это ни в коем случае нельзя ставить ему в вину. Он действительно получил Сталинскую премию за остроумные и интересные разработки в области гнойной хирургии. Его интересовала тема фасций как преград для распространения гнойной инфекции, но если мы вспомним, то эта идея принадлежала еще Николаю Ивановичу Пирогову, и Войно-Ясенецкий просто неплохо применял ее на практике.

В общем, ничего особо исключительного в нем не было. Но висело на стене на протяжении всего этого времени, что называется,

православное ружье. А, как известно, если ружье висит, оно рано или поздно выстрелит. Именно это и произошло, когда Войно-Ясенецкий, к моему искреннему сожалению, вдруг выставил себя на полное посмешище, предложив и опубликовав свою теорию кардиоцентризма.

Вообще кардиоцентризм – это довольно древняя теория, очень примитивная, восходящая еще к Древнему Китаю и Древней Индии, к самому началу Античности, которая пытается абсолютно аннулировать роль нервной системы, возложив ответственность за мышление, память, разум и интеллект на сердце. Сейчас, когда мы знаем, что полная пересадка сердца не влияет ни на качества личности, ни на память, ни на воспоминания, ни на характер – вообще ни на что, – подобным воззрениям можно только улыбаться. Но Войно-Ясенецкий, увы, на полном серьезе в своей книге «Дух, душа и тело» писал: *«Сердце не только определяет наше мышление; как это ни странно покажется всем, считающим непреложным учение психологии об уме как органе мышления и познания, – именно сердце, по Священному Писанию, мыслит, размышляет, – познает».*

По идее такого никак не мог сказать хирург – человек, обязанный разбираться в анатомии, в строении центральной нервной системы. Однако не будем забывать, что во всех без исключения книгах Библии – и Ветхого Завета, и Евангелия – в соответствии с весьма натуралистическим стилем этих повествований и описаний упоминаются практически все органы человеческого тела. Живот, или чрево, упоминается сто пять раз, женские половые органы, или лоно, – девятнадцать раз, челюсти – девятнадцать раз, кровь – триста двадцать шесть раз, сперма – иначе говоря, семя – семь раз, моча – восемь раз, печень – четырнадцать раз, область бедер – чресла – девяносто два раза, почки – восемь раз, уши – сто семьдесят шесть раз. В меньших количествах, но упоминаются: ногти, пот, ляжки, череп, сальник, соски, язык, щеки, слюна, послед, месячные, желудок, полостной жир и пенис – там он называется словом «уд». Единственный орган, который никак не упоминается в Библии, – это головной мозг. В своеобразной реальности Ветхого и Нового Завета этого органа просто не существует. Есть упоминание о костном мозге – в Книге Иова и Послании к евреям. Но и только.

Интересно и то, что фактически Войно-Ясенецкий возвращается к идеям «Молота ведьм», авторы которого, Яков Шпренгер и Генрих

Крамер, первыми из европейцев оформили теорию кардиоцентризма, написав: *«На это можно ответить, что основное место пребывания души – в середине сердца, откуда она сообщает жизнь всем членам тела. Примером служит паук, который, сидя на паутине, чувствует прикосновение со всех сторон».*

Иными словами, на этом простом примере мы видим, что даже в очень хорошем и симпатичном человеке религиозность может вступать с наукой в непреодолимые и смешные противоречия.

Миф второй касается социального служения церкви – то есть содержания всяких приютов, хосписов, детских домов. Здесь надо понимать, что основополагающим мотивом всякого благотворительного бизнеса является непосредственно сам бизнес, и возможности этот бизнес предоставляет колоссальные – за счет опять-таки права на почти бесконтрольный сбор средств. Впрочем, это можно было бы поставить в упрек абсолютно любой благотворительности, поэтому ограничиваться в данном контексте только церковными хосписами и приютами было бы некорректно. Это вообще обязательная, неизбежная черта всякого благотворительного бизнеса. Но корысть церкви на самом деле огромна и проявляется совершенно в другом.

Дело в том, что и онкологический больной, и сирота, и раненый, и оставшаяся без призора старушка абсолютно беззащитны перед той лавиной церковно-религиозной пропаганды, в которую их окунают в этих приютах. Вы представить себе не можете, до какой степени силен накал пропаганды в отношении этих полностью беспомощных людей. Естественно, это распространяется дальше, затрагивая родственников, которые периодически навещают обитателей таких учреждений и тоже оказываются погруженными в мир диких религиозных представлений. Так что считать, что церковная деятельность, носящая название социальной, бескорыстна, предельно ошибочно. Это один из наиболее корыстных видов деятельности церкви. При этом надо помнить и о том, что благотворительность, конечно, используется в целях рекламы и пиара.

И, наконец, еще один момент, который необходимо осветить. Во время записи очередного видеоурока атеизма, текст которого как раз и стал основой данного фрагмента книги, я написал мелом на доске некие знаки, которые современным человеком однозначно

воспринимаются как странные каракули. А между тем это была всего-навсего славянская цифирь – способ, которым до определенного момента в России записывались любые цифры. Тогда я, помнится, записал небольшой арифметический пример: 2869–1707.

Но задумайтесь на секундочку, что, когда мы говорим о цивилизации, мы не можем оторвать ее от арифметики, от геометрии и от алгебры. И те, кто умиляется именно принятием изолированного от всей Европы особого вида письменности, которую нам, в общем, навязала церковь, не понимают, что мы на протяжении семисот лет были полностью отрезаны от всякой алгебры, геометрии, элементарной арифметики, словом, от математики в любых ее видах. Потому что с использованием славянской цифири – до появления в 1703 году первого русского учебника арифметики Леонтия Магницкого, где были робко введены в обиход арабские цифры, – естественно, никакая алгебра и никакая геометрия попросту были невозможны. Невозможно вычислить площадь поверхности куба или сферы, не говоря уже о том, чтобы записать таким образом постоянную Фарадея или какую-нибудь интерполяционную формулу Ньютона.

Важно понимать, что отсутствие арифметической письменности (а славянская цифирь ею по большому счету не является) полностью вырывает нацию и государство из контекста цивилизации. Можно еще, стиснув зубы, смириться с отсутствием Микеланджело. Можно с тихой грустью констатировать, что не было у нас Петрарок и Боккаччо, да и вообще не было литературы до XVIII века, кроме штампованных и по большей части плагиатированных и клонированных житий святых. Но отсутствие такой супернаущной вещи, как возможность считать, – это подлинная трагедия. Вас наверняка очень удивлял тот факт, что Московский Кремль является плодом архитектурного гения Пьетро Антонио Солари, а Успенский собор Кремля строил Аристотель Фиораванти? Да ничего удивительного – потому что ни одно здание, требующее сложных архитектурных расчетов, и не могло быть построено. Ведь даже самые талантливые русские люди того времени были начисто отрезаны от геометрии и алгебры, от всего того, что в Европе существовало уже на протяжении многих сотен лет, от того, что человечество изобрело несколько тысяч лет назад. Россия была полностью изолирована от такого важного, неизбежного,

непременного вида знаний, как все, что связано со счислением и счетом.

Конечно, можно было этими странными значками и словесами обозначить какую-то незатейливую цифру, чтобы подсчитать количество разбившихся кирпичей или зарезанных курей. Но это не математика! И это огромная, серьезная проблема и очередное свидетельство того, за каким железным занавесом церковные идеологи того времени упрятали Россию, лишив ее возможности развиваться.

Урок 28. Православие в школе: что говорить детям

Итак, это все-таки произошло. Религия вторглась в школы. Возникает вопрос: что делать?

В сущности, выбор прост. Разумеется, противостоять, желательно через демонстрацию предельно твердой родительской позиции, и требовать оградить ребенка от религиозной пропаганды. И обратите внимание – попы хитры необыкновенно. Их интервенция в школы – это не всегда и не обязательно ОПК. Судя по письмам, которые я получаю, это очень часто замаскированные чуть ли не под краеведение, но тем не менее попытки религиозной пропаганды, монументально запечатленной прямо в учебниках. К примеру, в подмосковных школах существует учебник под названием «Духовное краеведение Подмосковья», со всеми этими бесконечными свечками, иконками, старушками и платочками. Но я повторяю: необходимо противостоять. И, как показывает опыт, та сторона, в общем, готова дрогнуть и немедленно идет на компромисс, трусит и начинает перекладывать вину на вышестоящие организации, то есть бороться можно.

Если же бороться по каким-то причинам невозможно, тогда уже вам предстоит разговор непосредственно с самим ребенком. Придется честно ему сказать, что его развитие, его будущее во многом приносят в жертву теоретической доходности некой странной организации под названием РПЦ. Поскольку никакого другого объяснения введения религиоведения в школах, кроме желания попов обеспечить себя парой-тройкой поколений покупателей свечек, не существует, то и мы, вероятно, должны быть предельно откровенны. Ребенку следует объяснить, что педагоги тоже бывают неумны, что они тоже бывают корыстны и трусливы и что они не понимают того, что преподают.

Разумеется, при этом придется пожертвовать как авторитетом отдельного педагога, так и школы в целом как общественного института, потому что, внушая презрение и недоверие к одному учителю, вы, безусловно, подрываете и авторитет школы. Ну что ж, пусть школа получит то, что она заслужила, – ведь, впуская в свои

стены религию, она вступила в конфликт не только с развитием цивилизации, наукой, да и просто человеческой нормальностью. Она вступила в конфликт еще с тысячью великих теней. Эти тени при жизни были людьми предельно ядовитого остроумия, и думать, что они из-под мрамора своих гробниц не дотянутся до сегодняшних робких шкрабов – как называли когда-то школьных работников, – было бы предельно наивно. Дотянутся. И все то, что приготовила мировая культура для такого смехотворного сословия, как служители культа, теперь будет адресовано и школе.

Разумеется, это своего рода жертвоприношение. Но оно необходимо, если вы хотите сохранить нормальное мировоззрение и нормальное состояние собственного ребенка, – а школа должна расплатиться за удивительную покорность, с которой она впустила религию в свои стены, и понять, что у покорности есть не только преимущества, но и недостатки, и ознакомиться с этими недостатками. Придется терпеливо и тщательно объяснять ребенку, что православие не имеет на самом деле прямого отношения к русской культуре. Потому что русская культура настолько конфликтна, настолько многосоставна, многоукладна, многослойна и многосложна, что к ней не применимо никакое обозначение – ни православное, ни атеистическое, – однако факт простого численного представительства в этой культуре таких людей, как Иван Сергеевич Тургенев, Александр Иванович Герцен, Виссарион Григорьевич Белинский, Дмитрий Иванович Писарев, Николай Александрович Добролюбов, Леон Абгарович Орбели, Осип Эмильевич Мандельштам, Михаил Афанасьевич Булгаков, говорит сам за себя.

Иначе говоря, русская культура, возможно, и не атеистическая, но уж точно никак не православная, а уж с культурой общемировой православие вообще никак не коррелирует, находясь с большей ее частью в откровенном конфликте, потому что всем этим вздохам насчет религиозности некоторых ученых цена две копейки. Если бы сэр Исаак Ньютон, будучи арианином, познакомил православных со своими представлениями о мире и религии, вероятно, от него в тот же момент не осталось бы даже пепла. Православие, в его обычном понимании, это чья-то религия. Вообще, когда мы говорим о любой религии, нам необходимо в первую очередь себе самим задать вопрос: чья она? Что за люди ее исповедовали? И здесь мы с огромным и

трагическим недоумением выясняем, что православие было религией рабов – ведь большинство населения России составляли либо крепостные, либо люди, находящиеся в другой, не менее унижительной и тяжелой форме рабства. Более того, здесь мы с полным правом можем говорить о том, что люди, исповедовавшие эту религию, во всем блеске демонстрировали нам образчики неолитического мышления.

Даже к XX веку русское крестьянство пришло, сохраняя в себе черты этого первобытного неолитического мышления. В этом очень больно признаваться, но лучше говорить правду. Дело в том, что помимо всяких литературно-художественных красот есть такие безусловные документы, как, например, архив князя Вячеслава Николаевича Тенишева. Князь Тенишев был патриотом, влюбленным в Россию, но очень трезвым человеком. И в какой-то момент он решил составить такую всеобъемлющую энциклопедию русской жизни – нанял несколько сотен корреспондентов, и эти корреспонденты во всех губерниях Российской империи фиксировали не только этнографические особенности вышивок, деревянной резьбы, шитья подзоров и способов рубки изб, но и образчики мировоззрения тогдашних русских людей.

И теперь мы можем видеть записи, датированные 1911 годом – примерно тогда, когда Сантьяго Рамон-и-Кахаль получал Нобелевскую премию за открытие нейронной теории, – сообщающие, что, например, недержание мочи следует лечить, содрав с сороки кожу и натянув ее на голову. А предупредить нежелательную беременность можно, смешав собственные месячные с водой из семи ручьев и выпив эту воду. Есть и еще более любопытный способ – он тоже есть в архиве Тенишева, – практиковавшийся и во Владимирской, и в Санкт-Петербургской губерниях: *«С той же целью в бане бросают в жар сорочку с первой ночи и вырезают из рубашки пятна от месячных очищений, сжигают их и пепел разводят в воде и пьют. Особенно верно действует это средство, когда оно принимается в церкви во время пения херувимцев».* Это реальность.

Вспомним, что русская знать, после того как Петром I ей была предоставлена минимальная свобода, всюю масонствовала, занималась спиритизмом, месмеризмом, теософствованием. С другой стороны, царствовали дарвинизм, чистый атеизм и некое пере-

усложненное богоискательство, которое почти никогда не было православным, – в основном истину искали либо в католицизме, либо в кирхерианской мистической египтологии.

Как я уже сказал, подвести русскую культуру под какое бы то ни было определение нельзя, к ней не подходит ни один термин. И мы видим, что у русской молодежи кумиры сменяли один другого: погромщик православия католикофил Петр Яковлевич Чаадаев уступил место блистательному атеисту Писареву, тот – Петру Алексеевичу Кропоткину, но никогда среди этих кумиров не оказывалось казенных философов. Русская знать вспоминала о Деве Марии, читая порнографическую «Гаврилиаду» или строчки о том, как последнего царя удавливают кишкой последнего попа. Естественно, помимо прогрессивного был и полюс православный, охранительский, но эти два полюса находились всегда в настолько резком конфликте, что лучше всего его, пожалуй, может охарактеризовать реакция религиозного беллетриста Федора Михайловича Достоевского на труды Ивана Михайловича Сеченова. Работы Сеченова, заложившие все основы нейрофизиологии не только для русской школы, но и для практически всех западных школ, сделали для человечества, должно быть, неизмеримо больше, чем творения всех литераторов мира. И как только вышел один из трудов Ивана Михайловича, Достоевский тут же исплевался ядом, назвав физиолога в своих письмах *«необразованным, невежественным человеком, малознающим»* и прибавив: *«Научными своими выводами он скорее вреден, чем полезен»*.

У служителей культа для оправдания насаждения религии в школах остается один, на первый взгляд относительно вменяемый аргумент – это привитие так называемой морали и нравственности детишкам. Но почему-то нравы этой организации даже в ее лучшие времена православный царь Иван IV характеризовал, обращаясь к духовенству, так: *«Вы скоты. Вы хуже скотов»*. Организация, члены которой прославились алкоголизмом, развратностью и жадностью, стали героями анекдотов и басен, почему-то решила, что именно она должна учить морали.

Эта приватизация попами морали вообще уморительна по сути, так как полный комплект морали в ее рафинированном, легкоусвояемом виде содержится практически в любом произведении мировой классической литературы. Причем там этот набор

необходимой морали и нравственности, как правило, не обременен необходимостью продалбливать лбом пол и целовать крашенные доски или руки толстых – мужчин.

Объясняя ребенку дикость преподавания религии в школах, можно прибегнуть еще к одному сильному и важному аргументу. Ему можно объяснить, что человек либо знает законы развития мира и правду о происхождении мира, в том числе прежде всего теорию эволюции, либо он православный. То есть важно дать понять, что православными люди становятся не от того, что они обладают какими-то особыми знаниями, а от того, что они не знают самых элементарных вещей. Кстати, при необходимости и если возникнет подходящая ситуация, можно преспокойно опустить преподавателя ОПК, задав ему при ребенке самый простой вопрос. Пусть он с наглядными примерами объяснит, что такое дивергенция или конвергенция или расскажет про гомологичность костей у примитивных рыб и человека. То, что вы его посадите в лужу, гарантировано.

Конечно, это не самая легкая задача для родителей. Но и родителям будет полезно почитать и Томаса Генри Хаксли, и Дэвида Аттенборо, и Ричарда Докинза, и многих других. Гуманитариям, которых долго учили на их факультетах, что творог добывается из вареников, придется тяжело, но, знаете ли, ради ребенка можно пойти даже на такие жертвы. Когда раздается критика теории эволюции, нужно уметь объяснить, что критикуют эту теорию люди, которые либо вообще ее не понимают, либо знают из всей теории эволюции одну-единственную фразу, которая на самом деле не имеет к ней ни малейшего отношения.

Можно, что называется, копнуть глубже и объяснить, что вся история взаимоотношений науки и религии – это непрерывная и бесконечная война. Это сейчас попы изо всех сил вертят пигидием, объясняя, что они не против науки, окропляя святой водичкой космические аппараты (естественно, падающие после этого) и подстилаясь под теорию эволюции. На самом деле эта война шла с момента усиления христианства, с момента зарождения европейской науки. Не стану в подробностях расписывать трагическую судьбу Роджера Бэкона, которого церковники на тринадцать лет усадили в тюрьму с очень интересной формулировкой «за некоторые подозрительные новшества». Действительно, тех, кого не могли сжечь,

они ломали и насильовали другим образом, и почему-то мало кто помнит об огромном количестве людей, которых сажали в тюрьму, предавали остракизму, пытали, лишали возможности заниматься наукой.

Здесь вам очень помогут книги. Хорошей литературы сейчас много – например, есть блистательная книга профессора Эндрю Диксона Уайта «Борьба религии с наукой». Уайт – абсолютно, что называется, западный специалист, блестяще пишущий и имеющий снисхождение даже к читателю не очень высокого уровня. Книга его дважды издавалась на русском, правда, давно – в 1930-е годы, однако при желании текст найти можно. Еще одна книжка – «История отношений между католицизмом и наукой» Джона – Уильяма Дрейпера, издана она была в 1876 году, причем тогда очень легко удалось перехитрить цензурный комитет и синодальных олухов: под видом борьбы с католицизмом попы были готовы на все, что угодно, и таким образом проморгали эту изумительную книгу о подлинных взаимоотношениях церкви и религии. Есть великолепный труд Гастона Тиссандье «Мученики науки», переизданный в 1995 году, – в нем все этапы этой непрекращающейся войны, все опровержения лицемерных и скользких заверений церковников о том, что они на самом деле не против знания. Обязательной к прочтению книгой является и «Криминальная история христианства» Карлхайнца Дешнера. В России, к сожалению, увидели свет всего два тома этого монументального академического труда. Дело в том, что после их выхода редакцию начали беспокоить какие-то бородатые агрессивные люди, и издатели, будучи существами робкими, быстро сдались и исключили оставшиеся тома книги Дешнера из программы выпуска.

Иначе говоря, книг очень много. И я подозреваю, что процесс спасения собственного ребенка от маразма и подготовки его мышления к настоящим знаниям и вам самим даст потрясающую возможность многое узнать, развиваться и укрепиться в понимании прелести настоящего, нормального, научного, ясного и трезвого мировоззрения. Но ко всему, повторяю, относитесь критично – даже к моим словам.

Урок 29. Критерий веры

Сегодня в России религия превратилась в серьезную проблему, раскалывающую, раздирающую общество. Края этого раскола не зарастают, не рубцуются, не остеопластируются, а становятся все более зияющими, все более гнойными. И дело, вероятно, прежде всего в том, что до сих пор не существует точного и взвешенного юридического, да и вообще вменяемого объяснения того, что же такое верующий человек.

Человек, который объявляет себя верующим, ставит себя в некое совершенно исключительное положение по отношению ко всем остальным. Он декларирует прежде всего свою инаковость, свою непохожесть, тем самым предъявляя претензии на какие-то отдельные права. Именно поэтому понимание того, что же на самом деле представляет собой верующий, то есть человек, претендующий на особо трепетное отношение к его чувствам, является очень важной проблемой.

Дело в том, что по формальному признаку, по признаку заявлений, по признаку употребления экзотической лексики или по признаку участия в несложных театрализованных представлениях типа литургии определить, верующим или неверующим является человек, совершенно невозможно. Мало ли кто что о себе говорит. Что же касается причастия и не причастия, то, знаете ли, еще в 1871 году на Всемирном антропологическом конгрессе в Болонье блистательный ученый Карл Фогт проанализировал обряд христианского причастия и вывел его из древних каннибальских культов. С ним согласились столь значительные антропологи, как Эдвард Барнет Тейлор, Люсьен Леви-Брюль, Шарль Летурно и все остальные. То есть по этому признаку тоже нельзя судить.

Так существует ли какой-нибудь абсолютно четкий критерий того, является человек верующим или не является? Когда человек говорит о том, что он верующий, он претендует на многое, а в сегодняшней России, которая ориентирована на определенного рода преференции верующим, он претендует и на освобождение от налогов, и на особое положение, и на особое отношение к его так называемым чувствам.

Примерно как если бы к вам на улице подошел человек и сказал: «Знаете, я – сын Карлсона», или: «Я – марсианин». Но у человека, заявляющего, что он сын Карлсона, всегда можно попросить свидетельство о рождении или хотя бы фотографии из семейного альбома с папой. А у «марсианина» ласково поинтересоваться, не завалился ли у него в кармане кусочек грунта с поверхности Красной планеты.

Здесь все сложнее. Однако существует тест, который сами верующие обязаны в первую очередь признавать как безусловный. Если мы заходим в область сверхъестественного, говорить о нем, вероятно, будет уместно. Естественно, наши атеистические, научные, материалистические тесты верующие будут считать происками злых духов, сатаны и т. д. Но есть проверка, от которой им не отвертеться и которая, как показывает моя полемическая практика, хорошо работает в большинстве дискуссий с христианами – потому что после ее проведения людям, которые называют себя верующими, сказать, как правило, уже нечего. Методика ее содержится в книге, которая является для верующих первейшим и важнейшим авторитетом – иначе говоря, непосредственно в так называемом Евангелии.

Там основателем их религии и руководителем их организации – потому что главой церкви является все же не Гундяев и даже не папа римский, а другое существо – прописан совершенно четкий критерий того, какой человек может считаться верующим, а какой им не является. Я имею в виду главу 17 Евангелия от Матфея, стих 20: *«Истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас».*

Этот простейший критерий наличия или отсутствия веры предложили не злые атеисты. Не я это придумал, и даже не барон Гольбах. Это четко и однозначно продекларировал руководитель и основатель христианской веры, сделав этот параметр, по всей видимости, обязательным. Поэтому человеку, который считает себя верующим, вы задаете этот вопрос: в состоянии ли он пройти небольшой тест на передвижение горы.

Я уж не говорю о том, что в главе 16 Евангелия от Марка упомянут еще один тест, однако он касается исцеления смертельно больных наложением рук, а также легкости обращения с ядовитыми

змеями, так что мы остановимся пока на варианте, описанном Матфеем. Как правило, так называемые верующие это простое тестирование успешно пройти не в состоянии. Причем, спрашивая их, могут ли они сдвинуть гору, мы не совершаем никакой бестактности. Если человек хочет, к примеру, называться мастером спорта, он обязан соответствовать неким критериям и обязан выполнить определенный норматив, чтобы получить соответствующий значок. Точно так же верующим, согласно Евангелию, строго по их догматам и канонам может называться лишь то существо, которое способно передвигать если не горы, то хотя бы кучи строительного мусора или какие-нибудь другие скопления мелких или крупных предметов, сосредоточенные на плоской поверхности.

Если же этого нет, то и говорить не о чем. Мы получаем право относиться к ним лишь как к носителям определенной идеологии, не более того. А идеология уже не требует такой деликатности со стороны ее критиков и не является таким сакральным и безусловно уважаемым предметом, каким почему-то считается религиозная вера. Тогда многое становится понятно и появляется возможность расставить все по своим местам – например, в разговоре о спиливании крестов, так называемых крестоповалах.

Дело в том, что вопрос тут поставлен абсолютно неверно. Можно пилить кресты, нельзя пилить кресты – такого вопроса нет. Есть другой: почему символы определенной идеологии носители этой идеологии расставляют там, где им хочется, без согласования со всеми остальными гражданами Российской Федерации, которые тоже являются, скажем так, пользователями тех мест, где расставлены данные символы. Притом что многие воспринимают эту идеологию как чуждую, неприятную и символизирующую невежество, злобу, массовые убийства и все прочее, чем характерно христианство.

Поймите, Россия – это коммунальная квартира, в ней живут представители всего, чего только можно. И если продолжить аналогию с коммуналкой, представьте себе на минуточку, что одна из жилищек этой квартиры, пользуясь фактом интимной близости с управдомом, вдруг решила, что она свои лифчики будет сушить там, где ей хочется, а вовсе не там, где это предписано правилами коммуналки, и будет ставить свой примус там, где захочет, в том числе и в любых местах общего пользования. В этом случае вполне естественно будет ожидать

того, что рано или поздно этот лифчик порвут и спустят в унитаз мстительные соседи, а примусу побьют стеклышки и в керосин намешают черт знает чего.

Когда мы переходим к пониманию того, что имеем дело не с религиозной верой, а прежде всего и только с идеологией, руки у нас оказываются в известной степени развязанными – конечно, в полемическом смысле и строго в рамках закона. К тому же, как показывает мой опыт, именно этот прием, как правило, работает на 100 %.

Урок 30. Конец света в деталях

Чем ближе становилось 21 декабря 2012 года, тем сильнее ощущался общественный оптимизм по поводу грядущего уничтожения как человечества, так и планеты в целом – известно, что оно было запланировано именно на эту дату. О конце света иначе как со сладострастным потиранием ладошек никто и не говорил. Публика была, что называется, в предвкушении. Этот оптимизм был вполне понятен – для многих именно конец света мог бы стать единственным решением личных и общественных проблем. Настораживала лишь странная надутость, которую по данному вопросу демонстрировала РПЦ. Как выяснилось, у нее на это были все основания.

Дело в том, что средства массовой информации преступно замалчивали очень важные подробности грядущей катастрофы, в результате чего у населения складывалась неоправданно радужная и оптимистичная картина. Всем представлялось, что конец света будет эдаким чистеньким и спортивным мгновенным схлопыванием по Хокингу или просто планету засосет в ближайшую во Вселенной черную дыру и все произойдет незаметно и практически безболезненно. Но все категорически не так.

По всем источникам, сценарий глобальной катастрофы был, как известно, прописан древними майя. А наши оптимисты плохо себе представляют специфику конца света по их технологии. Никакого бескровного мгновенного аннигилирования не предвиделось, и 21 декабря 2012 года конец света должны были осуществлять весьма и весьма злодейских наклонностей боги майя-ацтекского пантеона – то есть, по всей вероятности, Ицамна с телом ящерицы, Крылатый змей Кетцалькоатль, братья Бокабы, которые держат небо, и Тельпочтли, известный своей дикой похотью (в частности, пенис его, согласно майя-ацтекской мифологии, достигает восьмисот восьмидесяти трех локтей в длину).

А вот божества, представляющие другие культы, вряд ли могли быть допущены до участия в погромах, кровопролитиях и массовых уничтожениях – для них по идее должны были закупить попкорн и бинокли, чтобы они могли наблюдать за спектаклем. Это

обстоятельство отчасти проясняет пессимизм и надутость РПЦ и неучастие этой организации в общественном оживлении по поводу грядущего конца света. Конечно, ей обидно – она вне игры.

Особенно обидно 21 декабря, если бы конец света и вправду состоялся, было бы так называемым верующим христианам. В самом деле – они на протяжении всей своей жизни честно отстегивали одной группировке богов, но другая, древнемексиканская, оказалась настолько круче и влиятельней, что даже на канонической православной территории ухитрилась устроить массовый погром, поджоги, убийства и светопреставление совершенно по своему вкусу. Конечно, налицо было ущемление прав верующих христиан – их явно лишали права на нормальный апокалипсис, который, как вы помните, предполагает окрашивание морей в цвет крови, пение ангелов, дожди из серы, шествие мертвецов и другие чудесные спецэффекты.

Честно говоря, христианский конец света выглядит повеселее и в чем-то даже посценичнее. Однако сама дата – 21 декабря – предполагала, что на конкурсе концов победил майя-ацтекский вариант, и все, что нас ожидало, должно было происходить именно по этому сценарию – то есть истребление Земли проводилось бы группой богов Древней Мексики, дикие нравы, неукротимость и свирепость которых хорошо известны. Понятно, что их ничто не остановило бы, понятно, что Ицамна своими ящеровидными ногами топтал бы Кремль, понятно, что пирамиды из вырванных сердец поднялись бы выше Останкинской башни, а похотливый Тельпочтли с шипением нанизывал бы на свой раскаленный пенис по тысяче россиянок за раз.

Возникает вопрос: а надо ли было вообще весь этот бред воспринимать всерьез?

Ответ, к сожалению, однозначный: в контексте сегодняшней государственной идеологии Российской Федерации, куда входит и ОПК в школах, и очереди к поясу древнееврейской дамы, лобзание которого избавляет от влагилищных свищей даже самых усатых министров, учитывая, что мы регулярно видим в телевизоре ряженых бородатых граждан, представляющихся полномочными представителями сверхъестественных существ, в частности, древнееврейского бога, воспринимать всерьез весь этот древнемексиканский бред, по всей видимости, надо. Как, впрочем, и

любой другой бред, придуманный любым другим народом в древности.

Почему? Потому что это те же самые боги. По сути дела, коллеги Тора, Одина и Христа. Ведь мифология, украшенная перьями, ничем принципиально не отличается от мифологии, украшенной нимбами. Странно было бы признавать реальное существование одного бога и не признавать существования всех остальных божеств, которые известны человечеству и уже очень давно принимают от этого человечества поклонения. И вот если начать отстаивать весь этот цирк, у нас появляется возможность порассуждать на интересующую нас тему, напрямую касающуюся «Уроков атеизма».

Следует вспомнить, что христиане не отрицают конца света как такового, но настаивают на том, что он должен совершаться исключительно по их рецептуре. Строго говоря, они опротестовывают только даты и некоторые нюансы истребления человечества. По мнению христиан, массовые убийства должны совершать штатные архангелы, а не какие-то зверообразные боги Древней Мексики, но никаких принципиальных расхождений по вопросам необходимости устройства массового террора, уничтожения народов, городов и человечества в целом и разрушения экосистемы Земли у мексиканской и христианской религий, в общем-то, нет.

Оба культа категорически настаивают на том, что высшие силы должны произвести операцию массового забоя человечества. У христиан эти грезы, как известно, задокументированы во фрагменте их «священного писания» под названием Откровение Иоанна Богослова, а у древних мексиканцев, соответственно, в их мифологии.

И тут мы выходим на самое интересное. Эти религии в принципе имеют очень много общего. Так, удивительно сходство ритуала так называемого причастия у христиан и у древних мексиканцев. Смысл причастия, как известно, в том, чтобы дать возможность верующим коллективно съесть мясо своего мертвого бога. Мясо бога волшебным образом делается из булки и некоего заменителя крови – у христиан это вино, а у древних мексиканцев свекольный сок.

О христианском причастии у нас есть много достаточно полной информации, а вот древнемексиканское известно меньше. Однако оно было очень подробно описано практически всеми классиками антропологии, в частности Джеймсом Джорджем Фрэнсером в его

фундаментальном труде «Золотая ветвь». Вот что там сказано: *«В мае месяце мексиканцы устраивали главный праздник своего бога Витцилипуцтли. За два дня до начала этого праздника девственницы перемешивали свеклу с жареным маисом и, залив эту смесь медом, лепили из нее идола... вставляя ему вместо глаз зеленые, голубые и белые стеклянные бусинки, а вместо зубов – маисовые зерна».*

Затем божество убивали путем закалывания и расчленяли. Образовавшиеся куски носили название мяса и костей Витцилипуцтли. *«Эти куски, – продолжает Фрэзер, – употреблялись для причащения и давались сначала знати, а потом всем остальным мужчинам, женщинам, детям, которые принимали их со слезами, трепетом и преклонением, что являло собой прямо-таки поразительное зрелище».* Любопытно, что причащаться плотью Витцилипуцтли разрешалось лишь на рассвете, а потом ничего нельзя было пить и есть до полудня. Древние мексиканцы *«верили, что, освящая хлеб, жрецы превращали его в саму плоть бога и что, следовательно, все, кто вкусил этого освященного хлеба, поглотили частицу божественной сущности и установили посредством нее таинственную связь с богом».*

Такая же точно история сопровождает и культ другого бога, Уицилопочтли, с той лишь разницей, что субстанция для изготовления его фигуры обычно замешивалась на детской крови.

Религиоведение полагает, что и майя, и христиане независимо друг от друга позаимствовали данный обряд из самых древних форм брахманизма. Но это все лирика. Все это малое сходство никакого отношения не имеет к теме конца света, зато указывает нам на необходимость проявить уважение к богам Древней Мексики и к тому произволу, который они, вероятно, собирались, да так и не собрались учинить на территории Российской Федерации 21 декабря 2012 года. Давайте помнить, что оскорбление религиозных чувств или каких-нибудь богов недопустимо, а и Кетцалькоатль, и Витцилипуцтли, и все остальные – по сути дела, коллеги и соратники Иисуса Христа, Вакан-Танки и прочих богов и достойны, наверное, такого же уважения и поклонения.

И еще вернусь на минуту к предыдущему уроку. В свое время я посмотрел комментарии к нему, и они меня очень порадовали. Наиболее существенным и любопытным возражением, полученным от

верующих людей, было то, что этот тест о вере с горчичное зерно – метафора.

Во-первых, люди, которые это утверждают, берут на себя смелость (или, скорее, наглость) редактировать текст Евангелия или сомневаться во вменяемости того, кто его надиктовывал, писал или создавал. Потому что нигде в тексте не сказано, что это метафора, некий образ, который не следует толковать прямо. Но даже если последовать этой странной христианской логике, становится понятно, что тест для них невыносим, они его не проходят, это для них слишком сложно. И они начинают, естественно, объявлять тест метафорой, чем-то придуманным, несущественным. Но я еще раз повторяю: нигде в Евангелии не сказано, что, произнеся эти слова, их божество подмигнуло, усмехнулось и сказало: «В принципе, ребята, все это не надо воспринимать всерьез». Ничего подобного там нет. Евангелие как раз прямо настаивает на буквальности.

Хорошо, предположим, это метафора. Тогда пусть верующие подскажут мне, что же там еще метафора.

Благовещение – это тоже метафора? То есть на самом деле никакого партеногенеза не произошло?

И Воскресение, судя по логике верующих, – тоже метафора?

Урок 31. РПЦ отзывает партию святых, оказавшихся бракованными

В японской кухне есть блюдо под названием одори. Это рыба, частично приготовленная, частично живая. Зрелище, мягко говоря, малоприятное: зажаренное, дымящееся и исходящее паром тело и вращающая глазами и разевающая рот голова. Легендарный повар Набусато, говоря о сортах рыбы, которые шли на приготовление этого блюда, замечал: *«Рыба всем хороша, но единственный ее недостаток в том, что она не умеет жарить себя сама».*

РПЦ взяла этот рубеж и научилась жарить себя сама. В самом конце 2012 года произошло очень любопытное событие, которое могло остаться почти незамеченным, а я бы не хотел, чтобы оно осталось почти незамеченным, а тем более забытым.

Дело в том, что в процессе отражения агрессии церкви и ее попытки вторгнуться во все сферы гражданской, политической и культурной жизни были проведены несколько рейдов по тылам неприятеля, результатом которых стали история с часиками, история с квартирками и прочее. И надо сказать, что это возымело некоторый эффект, потому что попы стали пугливы, однако они научились жарить себя сами. Что же произошло?

В группу, которая занимается канонизацией новомучеников – Синодальную комиссию по канонизации святых, – удалось вбросить информацию о том, что некая инициативная группа получила доступ к архивам ОГПУ, МГБ и КГБ. К тем самым архивам, которые вплотную и непосредственно занимаются новомучениками, то есть теми священнослужителями, которые были якобы за веру запытаны, расстреляны, погружены в проруби и т. д. Страх возможного скандала привел к тому, что из святцев были немедленно и бесследно убраны такие персоны, как Ювеналий Рязанский, Василий Кинешемский, Макарий Днепропетровский, Вассиан Тамбовский, Петр Космодемианский, – всего тридцать пять человек. Вот только что они были в святцах, уже были канонизированы РПЦ, и вдруг они из святцев выкидываются, нимбы срываются без всяких объяснений, как будто таких святых никогда и не было.

Понятно, что церковники, почувствовав, что им дышат в затылок и что, возможно, им действительно предстоит инспекция этих всех новомучеников, предпочли избавиться от наиболее спорных персонажей. Действительно, все тридцать пять человек едва ли соответствуют нашим представлениям о так называемой вере, которые принято в это понятие вкладывать. Кто-то из них сотрудничал со следствием, кто-то сдавал всех, кто оказывался рядом, кто-то писал доносы, кто-то вообще не имел никакого отношения к мученичеству, а пострадал за ярко выраженную подрывную и антисоветскую деятельность или другие прегрешения. Короче говоря, тридцать пять святых – а в честь некоторых из них уже были построены храмы, нарисованы иконы, в их честь крещены дети, и попы немало денег собрали на свечках и на тех мероприятиях, которые были посвящены этим новомученикам, – бесследно исчезают. Единственной, кто нащупал эту историю, была газета «Известия», если не ошибаюсь, от 14 декабря 2012 года, однако все попытки журналистов обратиться в Синодальную комиссию по канонизации святых никакого отклика не встретили, что свидетельствует о панике.

Ладно, пусть их, новомучеников. Понятно, что там все действительно предельно спорно. Но на этом примере мы видим, что, как только возникает хотя бы мало-мальски внятный и связный документальный материал, который можно проверить, церковь, опасаясь скандала, немедленно изымает из обращения своих собственных святых – уже прославленных, уже канонизированных! – как будто их никогда и не было, и делает вид, что она о них забыла. Легко представить, что было бы, пояись вдруг возможность устроить такую же документальную ревизию всем остальным так называемым святым, о святости которых мы можем судить лишь на основании заявлений каких-то полуграмотных личностей с бурной фантазией, зачастую не очень здоровых, да еще не имеющих реального представления о предмете, так как они не были современниками этих святых. Понятно, что там посыпались бы не тридцать пять, а, наверное, практически все имеющиеся имена. И это очень характерно и показательно – а для многих православных пусть послужит темой для внутреннего размышления.

Вторым пунктом нашего сегодняшнего урока будет продолжение разговора о том, что многие ученые были верующими.

Для начала замечу, что эта формулировка некорректна. В самом деле, когда нам приводят в пример какую-то цитату, свидетельствующую о религиозности того или иного ученого, то никогда не говорят о том, в какой именно период своей жизни он произнес или написал данные слова. Ведь, как вы помните, даже Иван Михайлович Сеченов в ранние годы был идеалистом, чуть ли не верующим, и вполне позволял себе различные дуалистические и прочие изыски. А вот итоговые, конечные, финальные, подводящие черту под жизнью высказывания – что Дарвина, что Эйнштейна, что многих других – чаще всего остаются неизвестными, а нам предлагаются в качестве вброса некие реплики, сделанные под воздействием молодости, незрелости либо недостаточного понимания ситуации.

За кого я сейчас хочу вступиться? Я хочу вступиться за Ивана Петровича Павлова, потому что очень часто поповские иерархи называют эту фамилию как пример верующего человека. Для Ивана Петровича это было бы предельно оскорбительно. Я уже говорил об этом со ссылкой на мемуары племянника Павлова, Сергея Александровича, который приводит разговоры с Иваном Петровичем и Марией Капитоновной Петровой, бессменным заместителем и помощником Ивана Петровича. А теперь обратимся к наиболее авторитетному источнику, а именно – к «Павловской энциклопедии». Приведенные там высказывания, сделанные Павловым в последние десять лет его жизни, предельно однозначны: *«Люди науки должны быть врагами религии, когда она отрицает науку, оспаривает ее право на внимание и руководство людьми».*

На прямой вопрос анкеты, разосланной архиепископом Кентерберийским многим ученым мира – «Верите ли вы в бога или нет?» – Павлов ответил: «Нет, не верю».

Павлов был достаточно непримирим и горяч в этих вопросах – горяч до такой степени, что порой это приводило к трагедиям. Известны воспоминания академика Евгения Михайловича Крепса, входящие во все сборники воспоминаний современников о Павлове: профессор Богоявленский, давний товарищ Павлова по семинарии, как-то раз пришел к нему, будучи чем-то явно потрясенным, и спросил: «Ты, Иван Петрович, достиг вершин науки, ты постиг работу мозга, вместилища души. Скажи мне, есть ли что-нибудь по ту

сторону, что ждет нас после смерти? Тебе одному и поверю». Павлов посмеялся над ним, сказав: «Как ты, врач, естествоиспытатель, можешь говорить такие – глупости?!»

Последствия столь резкого ответа оказались чудовищными. Уйдя от Павлова, профессор Богоявленский повесился. Выяснилось, что накануне вечером у него умерла жена, и в разговоре с другом он пытался найти для себя хотя бы надежду на то, что когда-нибудь, где-нибудь встретится с любимой женщиной вновь. После этой трагедии Иван Петрович стал, конечно, гораздо аккуратнее высказываться на тему религии, стараясь вообще избегать таких разговоров, но относился к ней крайне враждебно.

В то же время не следует забывать, что в 1930-е годы, когда политика государства в отношении верующих была и впрямь, скажем так, жестковатой, Павлов вступался за церковные коллективы, которые обращались к нему за поддержкой, и пытался препятствовать закрытию храмов. Просто он, будучи атеистом и абсолютно свободно мыслящим человеком, всегда признавал за другими их право думать так, как им хочется. По мнению Павлова, религии было место в жизни человека – но лишь где-то рядом с хохломской росписью, гжельским фарфором, балалайками и сувенирными лаптями.

Место это, кстати, предельно почетное. И любые претензии к религии, которые у нас имеются, возникают только тогда, когда она с этого места пытается сорваться и вновь захватить то пространство, которым привычно владела на протяжении двадцати – веков.

Урок 32. Классика. Егорушка

На первый взгляд приведенный ниже текст имеет очень мало отношения к атеизму. Но это только на первый взгляд – потому что вы помните, каким восторженным воем в стане попов сопровождался принятый Государственной Думой закон, запрещающий американцам усыновлять тех детей-инвалидов, от которых отказались все возможные российские кандидаты на роль усыновителей. Однако пересказывать поповский вой очень сложно – он трафаретен, уныл и сводится к примитивному тезису: ах, бедные дети не получают православного воспитания, их душе что-то угрожает.

Как вы знаете, в наследство от передачи «600 секунд» остались поистине безразмерные архивы, которые являются очень подробной летописью и хроникой всего, что происходило в России в конце 1980-х – начале 1990-х годов. И, знаете, пока о детях-инвалидах говорится теоретически, пока они существуют в какой-то строчке закона или подзаконного акта, пока они просто абстракция – это одно. Но даже у меня, человека, который чужд всяких чувств – почти как рептилия – и не склонен к слезам, умилению и сантиментам, ситуация с принятием этого закона вызвала очень сложную реакцию.

Так вот, чтобы не быть голословным, приведу здесь расшифровку маленького кусочка из репортажа о мальчике Егорушке, который я делал давным-давно. Это сильный, замечательный репортаж, он немножко о другом, но там затрагивается судьба этого мальчишки. Вадик Медведев, мой покойный коллега по «Секундам», ездил в Дом ребенка, и там стало известно, что жизнь Егорушки внезапно и удивительно изменилась. Даже, пожалуй, не просто удивительно – поразительно изменилась.

20 ноября 1991 года. Дом ребенка.

Александр Невзоров (за кадром): *Несчастнее детей, чем эти дети, точно нет. Это плоды самой дикой дикости «дурочек четырнадцати и пятнадцати лет». Это дочери и сыновья проституток, 99 % которых даже не знают, как назвали тех, кого они небрежно, мимоходом выродили. Здесь детишки самых*

униженных и самых оскорбленных, часть с врожденными неисцелимыми увечьями.

Корреспондент: *Анечка, а как звать маму?*

Анечка: *Маму? Донна.*

Корреспондент: *А папу?*

Анечка: *Папу? Джо.*

Корреспондент: *Анечка, когда ты поедешь в Америку?*

Анечка: *Скоро.*

Вадим Медведев (за кадром): *Эти кадры были сняты 28 февраля 1992 года. Русскую девочку Аню Петушкову из Дома ребенка удочерили американцы. Анечка больна так называемым ДЦП и тогда только начала с трудом ходить. Сегодня, спустя десять лет, она счастлива – она живет в семье. Аня стала первым удочеренным ребенком из сотни малышей-инвалидов, живущих здесь, в Доме ребенка № 13 на проспекте Елизарова.*

Вадим Медведев: *Это все наши?*

Валентина Яковлевна Самсонова, директор Дома ребенка № 13: *Все наши дети.*

Вадим Медведев: *А это Егорушка?*

Валентина Яковлевна: *Да, Егор Головин. Он 1988 года рождения, ему сейчас четырнадцать лет. Егор Головин у нас усыновлен в июле 1992 года. Усыновлен он в Америку. В семь лет ему сделали протезы нижних конечностей. Присылает фотографии. Егор в семье, Егор имеет мать с отцом, Егор имеет – будущее.*

Вадим Медведев (за кадром): *А это вашингтонская газетная статья рассказывает о победах Егорушки в спорте. Знакомство нашей съемочной бригады с Егором состоялось в 1991 году. Тогда случилась очень некрасивая история, и вмешались «Секунды». Для Егорушки, родившегося с отсутствием рук и ног, и для других малышей-инвалидов это знакомство оказалось счастливым. О детях узнали люди, и детей начали усыновлять. О дальнейшей судьбе каждого такого ребенка рассказывают альбомы и фотографии, бережно собираемые и хранимые Валентиной Яковлевной.*

Вадим Медведев: *А правда, что после тех репортажей «600 секунд» ваш Дом ребенка хотели назвать именем Невзорова?*

Валентина Яковлевна: *Да, мы хотели.*

Вадим Медведев: *Было такое?*

Валентина Яковлевна: *Было.*

Принятие так называемого закона Димы Яковлева иначе как каким-то инопланетным, параллельным вмешательством – параллельным всему человеческому даже с моей точки зрения – объяснить невозможно. Я не отслеживал дальше судьбу Егорушки – знаю только, что он счастлив, что он успешен. Хотя и понимаю, что даже этот живой, подлинный, непридуманный пример мало кого в сегодняшней России переубедит.

Но, может быть, хоть кто-то из идиотов, которые принимали этот закон, поймет, что именно они натворили.

Урок 33. Беда господина Дураева

Ну вот, доигрались. Верующие пишут мне письма. И среди прочих пришло одно необыкновенно драматическое письмо, я бы сказал, просто драматичнее не бывает.

Некто гражданин Дураев, новообращенный, обратился ко мне за разъяснениями. Дело в том, что он попытался выяснить у причастившего его служителя православного культа, на какой день он, причастник Дураев, может, не совершая греха, сходить в туалет побольшему. Поп на него накричал и на вопрос не ответил, и бедолага Дураев уже шестой день благочестиво воздерживался от посещения уборной.

Возможно, это подвиг благочестия. Однако мне пришлось разочаровать – я не могу ответить на вопрос, на какой день после причастия можно посещать уборную. Все-таки это некая внутрикультовая, внутрицерковная история, и вопрос, конечно, должен быть обращен не к атеисту.

Я могу только дать краткую и предельно корректную историческую справку по этому вопросу. Мы много говорили о так называемом таинстве причастия. Известно, что сырьем для него служит булка и вино, в технологию изготовления мы вдаваться не будем, но итоговым, конечным, афористическим продуктом является, согласно церковным представлениям, реальное мясо мертвого мужчины, раввина, убитого две тысячи лет назад, – Иисуса Христа, который, по представлениям верующих, являлся физиологическим и биологическим земным воплощением древнееврейского бога Иеговы.

Очень важным элементом поклонения этому существу является процесс поедания его мяса. Поедание сопровождается пением и некоторыми ритуальными телодвижениями.

Догматически поедаемое мясо бога является неким сверхъестественным продуктом, независимым от законов физики и химии. Оно обладает определенными волшебными, магическими свойствами – какими, не уточняется, – и видеть в этом какую-то аллегория или символ, согласно христианской догматике, совершенно недопустимо. Это грех неверия или более того – ересь в чистом виде.

Вообще, аллегорически или символически воспринимают причастие только протестанты, но в этом ничего странного нет. Примеров ритуального каннибализма в истории религий очень много. Практически невозможно найти какую-нибудь древнюю религию, где верующие не поедали бы тело своего бога и через это не приобретали бы какие-то собственные сверхъестественные возможности и способности. Аналогичные моменты мы можем наблюдать в различных ритуалах у племен нило-сахарской группы, у полинезийцев, у зулусов. Так что никакой особой новации здесь нет. Но речь не об этом.

Вернемся к трагедии гражданина Дураева. Дальнейшая судьба проглоченного мяса бога, попавшего в желудочно-кишечный тракт человека, всегда очень волновала именно христиан и всегда вызывала чрезвычайно жаркие споры. Предмет спора заключался в том, сохраняет ли сверхъестественная субстанция свои волшебные качества в любой ситуации или же она подчиняется банальным законам пищеварения и превращается в часть фекальной массы, соответственно, экскрецируясь обычным порядком. Вопрос настолько волновал христиан, что где-то в X веке возникла так называемая секта стеркоранистов. О стеркоранистах достаточно уважительно и здраво – хоть, к сожалению, и кратко – пишет Поль Анри Гольбах в своем замечательном труде «Карманное богословие». Их интерес был настолько жгучим, что стеркоранисты похищали тела казненных преступников, которые незадолго до казни получали причастие, и вскрывали эти тела, с тем чтобы проследить судьбу мяса бога, попавшего в желудочно-кишечный тракт.

Я хочу обратить ваше внимание на то, что спрашивать у атеистов, на какой день можно идти в туалет, все-таки не стоит. Думаю, что случай господина Дураева был единичным. На самом деле об этом необходимо спрашивать служителей культа. Они, вероятно, знают ответ, они любят поговорить на эту тему и рады будут случаю продемонстрировать свою эрудицию и богословскую подкованность. И человека, который обратится к ним с этим вопросом, они, вероятно, еще и будут всячески хвалить за проявленное благочестивое любопытство. То есть когда именно нужно есть тело бога и что происходит со съеденным богом в кишечнике – это вопросы все-таки непосредственно к церковникам.

Перейдем ко второму пункту нашего урока. Мы много слышим о какой-то необычайной роли верующих и церкви в Великой Отечественной войне, причем легендистика и мифотворчество вокруг этого утверждения уже зашкаливают. Мы видим, что вопрос о том, насколько в реальности были религиозны советские солдаты, обляпан большим количеством масштабных киномифов. Понятно, что эмоции со всех сторон мешают разглядеть некую объективную картину. Тем не менее эта объективная картина существует, и я хочу вместе с вами обратиться к цифрам – простым цифрам, которые не так уж трудно раздобыть.

Я запросил поисковиков – тех самых людей, которые находят, выкапывают, перезахоранивают и отдают воинские почести останкам неизвестных солдат Великой Отечественной войны. Как вы знаете, таких еще очень много. По моей просьбе мне прислали абсолютно объективную опись предметов, обнаруженных вместе с телами этих солдат. Поисковики обследовали две тысячи шестьсот бойцов и командиров Красной Армии из числа погибших на территории нынешних Калужской и Смоленской областей. Среди личных вещей этих двух с половиной тысяч людей обнаружено нательных крестиков – три штуки, одна нательная овальная иконка размером чуть меньше монеты и еще один предмет, который с некоторой натяжкой, но все же можно считать за ладанку.

Итак, три креста и две иконки. А ведь количество предметов, которые находятся вместе с телами павших, огромно: там и обручальные кольца, и предметы личной гигиены, и смертные медальоны, и монеты, советские и не только, и портсигары. Очень много всего. То есть получается, что мы имеем примерно один крестик на пятьсот человек – иными словами, один крестик на батальон. Причем это ведь раскопки примерно 1941–1943 годов, когда ни повальных, ни каких-либо вообще запретов на ношение мелкой личной религиозной символики, как вы знаете, в Советском Союзе уже не было. Вместе с тем мы можем сделать любопытное сопоставление: среди останков немецких солдат нательные распятия встречаются значительно чаще – примерно один крестик или одна нательная иконка на пять человек. Эти простые археологические данные позволяют нам легко сориентироваться в том, насколько религиозны или нерелигиозны были победители в Великой Отечественной войне.

Еще один вопрос, на мой взгляд столь же существенный. Он касается документальных свидетельств того, как именно происходило Крещение Руси. Опять-таки самым чистым, самым в известном смысле здравым и незаинтересованным источником являются летописи. Мы знаем, что в свое время Археографическая комиссия издавала «Полное собрание русских летописей», а уже в советское время издательство «Наука» очень добросовестно перепечатывало то, что было издано Археографической комиссией. Хотя пользоваться все равно лучше дореволюционным изданием. И там, в частности в «Сводной летописи», приведена в достоверности фраза Владимира, обращенная к тем, кому он предлагал крещение. Дословно: *«Аще кто не обрящется на реке, будет повинен и противен, и имение лишен будет, а сам казнь да примет».*

То есть крещение проводилось методами довольно примитивного и жестокого шантажа убийством.

Крещение русских городов – это вообще отдельная история. Так, «Иоакимовская летопись» повествует о крещении Новгорода во всех подробностях. Естественно, новгородцы, которым попытались навязать православие, сопротивлялись очень жестко и грамотно. Притом ведь новгородцы особый народ – они уже хлебнули свободы, которая приходила вместе с торговлей, хлебнули европейского духа. Но появился некто тысяцкий Путята, который во главе отряда в пятьсот вооруженных воинов ворвался в Новгород, захватил несколько волхвов и начал, по выражению «Летописи», *«злую сечу с новгородцами».*

Подробности сечи, разумеется, чудовищны. Поначалу новгородцы побеждали – им даже удалось окружить, захватить и поджечь христианскую церковь. Казалось, удача на их стороне, но тут подошли дополнительные части христианизаторов. Они сожгли практически все дома в Новгороде и нанесли его жителям поражение. Часть из них, конечно, перебили, часть заставили сдаться и насильственно крестили. «Летопись» говорит об этом так: *«Путята крестил мечом».* Данных о человеческих потерях «Летопись» не приводит, что нетрудно понять, поскольку она, конечно же, многократно с тех пор редактировалась.

Здесь же, в полном собрании «Русских летописей», легко найти доказательства того факта, что очень многие русские города долго и кроваво сопротивлялись насильственной христианизации, проводимой

к тому же крайне свирепым образом. В частности, оказалось, что яростно противились крещению жители Ростова – имеется в виду Ростов Великий. Жестко сопротивлялись вятичи. Долго не удавалось крестить города к востоку от Днепра, не говоря уже о всяких северных глубинках.

Вот вам демонстрация того, как дешево стоит православный миф о радости Крещения Руси и с какой легкостью можно его разрушить при помощи совершенно открытых, доступных источников.

Урок 34. О происхождении закона о защите чувств верующих

Сегодня поговорим о так называемом законе о защите чувств верующих. Какой великолепный, сногшибательный урок для всех тех, кто сомневался, что учение о Христе распятом вбивалось в Россию плетками, прикладами и сапогами! Вот пожалуйста, простой пример. Всего каких-то полтора года попыток честной идеологической борьбы, честной полемики с попами, и они посыпались, не выдержали и, забыв свои собственные законы и даже правила своей собственной демагогии, они кинулись к государству – чтобы оно теми самыми сапогами и прикладами обеспечило торжество очень любвеобильной и очень человеколюбивой религии.

На самом деле надо понимать механизм и происхождение этого закона. Конечно, все не просто так, конечно, видимой является очень маленькая, надводная часть, конечно, у него есть и будет продолжение. И продолжение это на некоторое время будет безрадостным. Откуда этот закон вообще взялся? Все очень просто: церковь не выдержала честной полемики, честной дуэли между ней и обществом – дуэли достаточно аккуратной и благородной, потому что, как вы видите, все силы были на стороне РПЦ. Ведь в России ни на одном из каналов, как я уже говорил в этих уроках, не существует не то что атеистической передачи, но даже передачи, которая вообще могла бы именоваться неким оплотом свободомыслия. И вот, не выдержав, скажем так, жизни в современном информационном обществе, церковь призвала группу верных ей товарищей и через них, как следует их простимулировав, инициировала этот удивительный закон. На первый взгляд он даже кажется чем-то разумным и чуть ли не наводящим порядок во всей этой скользкой религиозной сфере. Однако же ничего подобного.

Что в первую очередь делает этот закон? В первую очередь он возводит вокруг РПЦ совершенно глухую стену, и РПЦ становится полностью недоступной для любых СМИ. За этой стеной попы получают возможность безо всяких помех считать свои безналоговые денежки, ворочать своими сверхприбылями, целовать свои «Лексусы» взасос, прямо в радиаторную решетку – причем, заметьте, у них

полностью отпадает необходимость стыдливо и торопливо стирать с этой решетки кровь каких-нибудь дорожных рабочих. Потому что любое обвинение, любая констатация жлобства, хамства и безобразий попов будет объявляться оскорблением религиозных святынь и веры.

Поверьте, у них имеется достаточное количество подготовленных групп активистов, которые немедленно в ответ на совершенно естественную реакцию прессы будут поднимать вой и намекать на то, что они оскорблены в своих религиозных чувствах. Теоретически подмечать эти свинства церкви будет возможно, но это будет стоить «пятерочку» и желающие быстро кончатся. И я полагаю, что их и так будет немного – один, два, три прецедента, когда молодые и горячие головы попытаются отстаивать правду и свободу слова, повлекут за собой посадки.

И поверьте, РПЦ создаст для себя абсолютно благоприятный климат, где никто и никогда уже не посмеет рассказывать ни о «брегетях», ни об «отжимаемых» у онкобольных или старушек квартирах, ни о чем. Попы действительно получают исключительную возможность заниматься сверхприбыльными безналоговыми операциями, потихоньку выдавливать из школ всякие там астрономии и биологии и, разумеется, расширять рынок торговли магическими услугами среди стремительно глупеющего народа. И на поверхности останется, естественно, очень сусальненький, очень выверенный образ РПЦ, который она сама будет редактировать и который в течение пяти-семи лет даст, вероятно, возможность уже мягко и с гарантиями перейти к референдуму – а он, в свою очередь, даст православию возможность назваться наконец государственной религией.

То есть причины принятия закона совершенно очевидны. И его стратегические и тактические планы тоже весьма и весьма понятны.

Урок 35. Верую во единого Лунтика

Я думаю, что в связи со всем хорошо известными недавними событиями православным, вероятно, предстоит сделать выбор – в кого же они все-таки веруют. То ли они веруют в некоего Лунтика, существо тихое и забитое, которое от любой газетной публикации может лишь забиться в уголок под коврик, рыдать и требовать защиты. То ли они все-таки верят в некое существо, которое сами же называют всемогущим богом. И если это существо – всемогущий бог, которому покорно и подвластно все на этой планете и за ее пределами, то, вероятно, оно способно само за себя постоять, само наказать богохульников, кощунников и другую публику, скажем так, неуважительно или непочтительно относящуюся к нему, к его фан-группе и к аксессуарам этой фан-группы.

Но, как мы видим, это сверхъестественное и всемогущее существо молчит. И никакие действия галеристов, публицистов, артисток, плясуний не вызывают у него ни малейшей реакции. Хотя известно, что существо это достаточно истеричное и реактивное, и даже среди своих коллег-богов, которые тоже любили побаловаться и молотами, и молниями, оно всегда было известно как бог быстрого реагирования, мгновенно насылавший чуму, эпидемии и кипящую серу с небес в ответ на любой пустяк. И если этот бог молчит, может, он просто подает верующим пример поведения? Но они своего всемогущего бога всерьез, похоже, не воспринимают и ту стилистику поведения, которую он им предлагает, не поддерживают.

Вроде бы выбор тут очевиден для так называемого верующего человека. Но на самом деле он совсем не так прост – судя по реакции в газете «Московский комсомолец». Я сейчас отвлекусь немного и замечу, что «Московский комсомолец» – конечно, чудесная газета, но уж очень православная. И мой материал, который называется «Отставку Господа Бога приняла Госдума», был подвергнут весьма существенным, я бы сказал, злодейским редакторским правкам. В подлиннике он назывался «Отставка Господа Б».

Судя по этой реакции, большинство православных понятия не имеют, в какого бога они все-таки верят. Потому что они решили, что

можно каким-то образом сепарировать евангельского бога и бога библейского, ветхозаветного. Оказывается, никто из них не понимает и не знает даже самой элементарной догматики. Не знает, что тот, кто десятками тысяч топил людей в водах Всемирного потопа, насылал проказу, поражал болезнями, уничтожал первенцев в Земле Египетской и рвал медведями сорок два ребенка, и Иисус Христос с его разговорами о любви – это одно и то же лицо, один и тот же бог. Двух богов не существует.

Тут, конечно, налицо либо некое раздвоение личности, либо определенная персональная эволюция этого бога. Тем не менее надо понимать, что это одно и то же существо, что, пытаясь их разделить, вы получите в результате даже не ересь, а какое-то забавное язычество и вынуждены будете согласиться с существованием двух богов в вашей религии. На самом деле, согласно вашему же символу веры Никео-Константинопольскому, вы говорите: *«Во единого Бога Отца Вседержителя»*, – и об Иисусе Христе вы говорите: *«Им же вся быша»*. То есть Он и Отец – это одно и то же лицо. То, что это лицо могло поливать кипящей серой и камнями города с детьми и старухами по совершенно вздорной причине, всего лишь недосчитавшись каких-то праведников, и это же лицо как бы говорит нам о необходимости подставлять щеки, действительно наводит только на мысль о раздвоении личности.

Чтобы у вас не оставалось никаких иллюзий, посмотрите тексты православного богослужения. Мы в принципе можем отметить, что примерно 70 % текстов православного богослужения – это строго ветхозаветные тексты, не говоря о специальных частях православного богослужения, таких как шестопсалмие, где тексты на 100 % ветхозаветные, или паремии, где они тоже ветхозаветные на 100 %. Более того, если взять карандашик и подсчитать общее количество святых, а затем выделить процент святых ветхозаветных, то мы увидим, что ветхозаветных святых 49 %. Не знаю, правда, сколько сейчас прибавляли новомучеников, но в любом случае где-то от 47 до 49 % – ветхозаветные святые. А те же тексты, которые звучат в христианской церкви, звучат и в синагоге, поскольку, как бы то ни было, это культ племенного, местечкового древнееврейского божества Иеговы, и Иисус Христос – это, скажем так, одна из его ролей, его ипостасей.

Мне пришел любопытный вопрос: почему современные писатели, которых, как выяснилось, чудовищное количество, вдруг так дружно ломанулись в православие? Почему они образуют какие-то писательские констелляции и там православничают? Я думаю, можно поискать какие-то заумные ответы и хитрые объяснения, но на самом деле все очень просто. Это все бывшие звезды партхозактивов, которые обрастили себя бородами. Они быстро просекли одну простую вещь: церковь в отличие от писательских или книготорговых организаций имеет собственную уникальную, независимую, гигантскую сеть распространения литературы.

Ведь что такое так называемый читательский успех? Вот вышла книжечка под заголовком, кажется, «Несвятые святые», обычная пропагандистская православная литература, и она действительно лидирует по покупательскому спросу и по продажам. Так она лидирует по одной простой причине: при каждой церкви действительно есть лавки, и то, что получило гриф от Московской патриархии, действительно продается лучше, чем любая другая книга, просто за счет того, что торговых точек у церкви в десятки раз больше, чем у любой светской книготорговой организации. Эти «святые-пересвятые» в обычном нормальном светском магазине продаются, скажем так, паршивенько, на уровне любой другой пропагандистской литературы, но зато имеют необыкновенный успех в специализированных лавках.

Поэтому писатели немедленно объявили себя хранителями трех копролитов, и в надежде на то, что их сочинения тоже получат когда-нибудь эти грифы и будут продаваться рядом с матрешками, иконками, свечками и засохшими вербочками, они, конечно, готовы на все. Здесь, как всегда, нужно искать вопросы корысти, и ничего более.

И еще один любопытный вопрос по поводу закона о защите так называемых чувств верующих. Поймите, это замечательная затея, потому что как только понятие веры переводится в правовое поле, наступает уже не факультативная, а прямая и неотвратимая необходимость доказательства. И как только речь заходит об ущемлении или оскорблении так называемой веры – коль скоро потерпевший объясняет, что есть некая категория, которая пострадала от чьих-то действий, – он вынужден будет наличие этой категории доказывать. Что бы вам ни говорили, кто бы вам ни говорил – Гундяев или местная чокнутая старушка, – вы объясняйте: нам не надо

доказывать существование бога, нас это мало беспокоит, вы докажете, что вы верующий! Потому что доказательная система, система применения и приведения доказательств, – это основа всякого права.

До тех пор пока вера не попыталась передвинуться в область права, она на самом деле никого не волновала – разбивайте вы себе лбы как хотите. Но как только она переезжает в юридическую сферу и как только так называемые верующие начинают требовать для себя особого правового статуса, чуть ли не программы защиты свидетелей, тогда все разговоры необходимо в категоричной форме начинать с требования доказательства.

В самом деле – вот перед нами сидит человек и рассказывает о своей вере. Так, может, он издевается или кривляется, а выйдя на секундочку пописать или уединившись, хохочет над тем, как ловко он над вами приколосся. Где гарантии, где доказательства? Поэтому пусть проходит известный евангельский тест либо предъявляет другие неоспоримые аргументы. Что касается служителей культа, то есть непосредственно наших торговцев духовностью, то они вообще в этом случае не имеют права голоса – потому что всякие вопросы веры и религии являются для них кормовой базой.

Следовательно, мы можем говорить о том, что у так называемых верующих есть прямая, абсолютно однозначная материальная заинтересованность в пропаганде этой идеологии и в имитации так называемой веры и так называемых оскорбленных чувств.

Урок 36. Энтропия

Советую вам провести любопытный эксперимент. Он несложен и доступен абсолютно каждому. Достаточно спросить любого так называемого верующего православного, почему их главный праздник называется Пасхой и что на самом деле это слово обозначает? И вообще, откуда оно взялось? И почему этот праздник так упорно продолжает называться Пасхой, несмотря на то что вроде бы для него есть и параллельный термин – так называемое Воскресение?

Скажу сразу: если вы спросите православного, почему праздник называется Пасхой, то, как показывает статистика, самым распространенным ответом будет оскорбленное молчание либо обвинение в богохульстве. Правда, попадаются всякие жизнерадостные личности, которые уверенно и твердо отвечают, что праздник называется Пасхой в честь того самого кондитерского изделия, которое им разрешают в эти дни есть попы. Что касается самих попов, то на вопрос о том, почему праздник называется Пасхой, они начинают удивительным образом ундулировать, всячески извиваться и тщательно заводить рака за камень, рассказывая про Исход евреев из Египта и вспоминая другие сказки, хотя на самом деле все обстоит гораздо любопытнее.

Настоящее, подлинное звучание названия этого праздника – Песах. У него есть еще и другое имя – Хаг ха-Мацот. Установлен он был в честь того, что в этот день древнееврейский бог, решив отомстить египтянам за какие-то мелкие бытовые неудобства, которые они причиняли евреям, умертвил всех младенцев-первенцев в земле Египетской. Еврейские же дети в ночь, когда происходили эти массовые убийства младенцев, остались живы по той простой причине, что евреи намазали кровью баранов свои двери. Ангел, который совершал убийства, обходя дома, принимался к двери и понимал, что ему сюда заходить не надо, а надо идти дальше. Эту хитрость с бараньей кровью подсказал евреям их бог. То есть Песах – Пасха – означает буквально «прошед мимо», или «прошедший мимо».

В корректности моего изложения очень легко убедиться. Для этого достаточно взять главную книгу христиан – Библию, – открыть

ее, если не ошибаюсь, на главе 12 Книги Исхода и прочесть, начиная с 22-го или 26-го стиха: *«В полночь Господь поразил всех первенцев в земле Египетской, от первенца фараона, сидевшего на престоле своем, до первенца узника, находившегося в темнице. [...] И встал фараон ночью сам и все рабы его и весь Египет; и сделался великий вопль в [земле] Египетской, ибо не было дома, где не было бы мертвеца»*.

То есть, как всегда в христианстве, сплошное повальное человеколюбие. Связь этого события и главного христианского праздника теологически тоже очень четко установлена. Дело тут в жертвенной крови, в торжестве евреев и в других моментах. Церковники, правда, как-то стесняются данного факта и избегают разговоров на эту тему с той же настойчивостью и аккуратностью, с которой они избегают вопросов по поводу обрезания Иисуса Христа. Хотя какие могут быть тайны и недоговоренности между своими людьми! Странная застенчивость.

Как известно, в основе православной культуры лежат священные, основополагающие книги еврейского фольклора, а именно Тора и Тегилим. Тора – это непосредственно Пятикнижие Моисеево, важнейшая часть Библии, рассказывающая о сотворении мира. Тегилим – это Псалтырь, который тоже во многом является основой православного русского национального мировоззрения.

Самое страшное, что, может быть, по итогам всей этой лекции РПЦ все-таки выдаст мне какой-нибудь орден за катехизацию своих же верующих, но ничего, переживем. Думаю, что где-нибудь местечко для этого ордена я отыщу.

Вот такое любопытное и знаковое происхождение русского народного православного праздника. Иначе говоря, тысячи, десятки и сотни тысяч людей употребляют этот термин, совершенно не задумываясь и не зная того, что он обозначает массовое истребление детей и торжество по этому поводу.

Что же касается бездумного употребления различных слов, то теперь по па можно узнать с закрытыми глазами: если вы где-нибудь услышите разговор про законы термодинамики или слово «энтропия», можно с уверенностью говорить, что эти слова произносит поп. Я не знаю, кто научил главного попа Гундяева слову «энтропия», но количество наукообразных терминов, совершенно неприменимых ни к

теории эволюции, ни к теории абиогенеза, ни к одной вообще научной реальности, в поповской речи стало зашкаливать. Точно так же они вдруг очень полюбили говорить на тему начал термодинамики – судя по всему, абсолютно не умея их формулировать и не зная, о чем вообще идет речь, однако же попугайски повторяя умные слова применительно к своим поповским идеям, что выглядит, конечно, феерически смешно.

Как мы видим, активное ундулирование церкви, когда она все тщательнее и сильнее трется об ноги науки и виляет перед ней задом, очень характерно. Удивляет нахальство, рассчитанное на невежество масс, с которым попы пытаются забрить в так называемые верующие, к примеру, Ивана Петровича Павлова или Чарльза Дарвина. Об атеизме Павлова я уже говорил. Что касается атеизма Дарвина, я вас отошлю к замечательной книге под названием «Автобиография», где сэр Чарльз описывает свои ощущения от религии, от христианства, от Евангелия и в конце концов подытоживает: *«Заслуживает доверия не в большей мере, чем... верования какого-нибудь дикаря. [...] Отвратительное учение!»*

На той же странице Дарвин – причем книгу он писал уже в конце жизни, это подведение итогов, это взрослый, сильный, мудрый Дарвин, отвечающий за свои слова, – абсолютно четко заявляет: *«В конце концов я стал совершенно неверующим. Но происходило это настолько медленно, что я не чувствовал никакого огорчения и никогда с тех пор даже на единую секунду не усомнился в правильности моего заключения».*

Легкомыслие и нахальство, с каким попы пытаются сгрести выдающихся мыслителей и ученых прошлого под свою поповскую гребенку, конечно, поразительны. Хотя тут надо понимать одну очень важную вещь: совершенно неважно, какого цвета кепочка была на свидетеле, иначе говоря, совершенно неважно, какие личные, бытовые или субъективные привычки были у того или иного человека, – важно, какие он дал показания касательно идеи бога. Что далеко ходить – возьмем Грегора Менделя, который был духовным лицом и, вероятно, мог вполне серьезно относиться к религиозным вопросам. Но именно закон расщепления гибридов второго поколения дал тот ключ творцам теории абиогенеза, который позволил окончательно достроить эту

теорию. То есть мысль Менделя тоже была прежде всего показаниями против идеи бога.

Или можем вспомнить Чарльза Скотта Шеррингтона – правда, он был не настолько примитивен, чтобы дать себя увлечь какому-то стандартному, традиционному религиозному культу. Он увлекся неогегельянством, которое было модным в Англии в 1930-е годы, и ушел из науки. На его похоронах его ученик Джон Факуар Фультон заметил, что не знает второго такого примера, когда работа ученого настолько полно и всесторонне опровергала бы его личные взгляды. Это надо тоже очень хорошо понимать.

Наконец, что касается взаимоотношений церкви и науки. Поверьте, вы всегда будете по этому поводу слышать ложь, всегда будете слышать нелепые доводы – будто бы, например, Коперник был церковником, будто бы кто-то еще был верующим. Во-первых, помните, что буквально до последнего времени атеистические взгляды были очень опасны для своих носителей и их обнаружение могло привести к трагическим последствиям. Во-вторых, действительно, личные бытовые убеждения, как правило, никакой роли не играют.

Насчет опасности – вспомните тот замечательный факт, о котором мы уже говорили и который мало кому известен. Дело ведь не только в десятках и сотнях костров, на которых сжигали ученых. Опасность – это не обязательно публичные казни; это, например, еще и перспектива гнить в тюрьме полтора десятка лет и в ней же умереть. А иногда использовались еще более интересные способы, как это было с великим астрономом Иоганном Кеплером. Для того чтобы держать Кеплера в тонусе, церковники арестовали его мать Катарину и бросили ее в камеру – по обвинению, естественно, в колдовстве и ведовстве. И затем в течение пяти лет время от времени, раз в неделю или две, сжигали какую-нибудь из товаров Катарины Кеплер, сидевших с ней в одной камере по тому же самому обвинению. Естественно, это стимулировало Кеплера быть предельно скромным и в своих лекциях, и в своих трудах. Достаточно сказать, что первое его посмертное издание набрало двадцать два тома ранее неизданных трудов, предельно важных для астрономии и для науки в целом.

Но вернемся к энтропии. Действительно, это звучит очень любопытно. И, пожалуй, надо знать такие простые вещи, которые недоступны попам, – что даже аминокислоты на определенном этапе

абиогенеза обладают способностью к очень жесткой и очень интересной, практически структурной выстраиваемости и определяемости.

То есть то, что попы называют словом «энтропия», ни в коем случае энтропией не является. Энтропия – это было любимое словечко провинциальных гинекологов в 1950-е – 1960-е годы. Глядя в основной объект применения своих профессиональных навыков, они трагическим голосом произносили: «Энтропия!» – чем повергали пациенток в ужас и абсолютную покорность.

Урок 37. О пользе закона об оскорбленных чувствах

Позвонил мне как-то раз мой старый друг Александр Петрович Никонов, замечательный писатель, глава Московского атеистического фронта, и предложил подписать петицию против закона об оскорбленных религиозных чувствах. Надо сказать, что эти московские атеисты – замечательные ребята, очень романтичные. Они полагают, что зло – это то, с чем можно бороться путем сбора подписей. Я отказался. Но отказался по совершенно своим причинам. Я считаю, что это, в общем, замечательный закон, замечательные поправки к Уголовному кодексу и что если бы их не было, то надо было бы их либо придумать, либо инициировать их принятие.

Почему? Дело в том, что благодаря этому закону борьба с одуревшим клерикализмом станет по-настоящему интересным делом. Мы получим возможность отполировать о каменную шкуру этого древнего осклизлого монстра из самых глубин Средневековья клинок настоящего атеизма, и настоящий атеизм приобретет в России совершенно иную ценность и иную значимость. Живущие в XXI веке, мы никогда и мечтать-то не могли о том, что сможем встретиться лицом к лицу с этой тварью.

Напомню, что этот или подобный закон в свое время стоил прерванных жизней и сломанных судеб таких потрясающих людей, как Жюльен Ламетри, Галилео Галилей, Мигель Сервет. У нас есть возможность встретиться с ним и, возможно, кое за кого из этих людей поквитаться. Не забывайте, что существует такая вещь, как эзопов язык. Известно, что ребята в черных кастрюлях, которые устраивают шествия с какими-то, если я не ошибаюсь, ноликами на груди, никогда не отличались особой сообразительностью и не понимают всех возможностей, которые дает эзопов язык. К тому же если раньше свободомыслие клокотало в некоем сосуде и свободно рассеивалось в атмосфере, то теперь закон запаивает этот сосуд и дает возможность для того самого атеистического прорыва, взрыва, если хотите, которого, наверное, так не хватает интеллектуальной жизни России. Так что надо с большим оптимизмом смотреть на то, что происходит.

Я сейчас не просто объясняю, почему я за этот закон. Видите ли, когда главный идеологический противник хочет мне написать расписку, в которой признает себя полным идиотом, в которой подтверждает, что православие – религия любви, смирения, всепрощения и покорности – совершенно бессильно и недееспособно без кандалов, наручников, дубинок, зон и сроков, то я ему еще и золотое перо подам, и промокашечку найду самую лучшую. Конечно, хотелось бы большего – более осязаемого благочестия, более осязаемого присутствия церкви на телевизионном экране. Как по мне, его маловато; я считаю, что это должно быть по-настоящему весомое присутствие, которое, возможно, переломит ситуацию абсолютной, как они выражаются, бездуховности.

Что они делают в телевизорах? В телевизорах они меняют наряды, меняют бижутерию, позируют и о чем-то болтают, забывая, что под воздействием религиозной веры человек полностью меняется и что ранние христианские свидетельства говорят именно о полной трансформации поведения и смене стилистики людских поступков. Хотелось бы, конечно, насладиться демонстрацией продолжительных реалити-шоу, способных хотя бы в общих чертах воскресить подлинно христианские, более того, подлинно раннехристианские идеалы.

Ведь известно, что, например, Симеон Столпник не только разводил червей в язвах тела своего – эти язвы образовывались от привычки святого натираться собственными экскрементами, о чем повествует, кстати, его житие, но это уже совершенно неважно. Можно вспомнить, что преподобный Павел Фивейский девяносто лет голодал и крал финики у ворон, что Нил Столобенский спал только стоя, опершись на два костыля, а преподобный Феофил двенадцать лет непрерывно плакал. Все это было – об этом рассказывают драгоценные для всякого христианина жития святых. Там же, кстати говоря, мы находим упоминания о том, что святая Роза пила только желчь, а преподобный Макарий, чтобы избавиться от нехристианских мыслей, надолго погружал зад и гениталии в муравейники.

Хотелось бы таких реалити-шоу. Хотелось бы, чтобы нынешние праведники не просто трепали языками в эфире государственного или негосударственного телевидения, а демонстрировали те образцы подлинного благочестия, которые задокументированы в так называемых житиях святых. Я полагаю, что и диакону Кураеву, и

многочисленным православным активистам и экспертам очень бы пошли эти роли. Ведь для них это идеалы, образцы, и подобные реалити-шоу с погружением зада и гениталий в муравейник наверняка стали бы одними из самых эффектных и рейтинговых на российском телевидении. Возможно, демонстрацией этой подлинной веры многих удалось бы вернуть в лоно истинной церкви. Возможно, это и на меня произвело бы некоторое впечатление. Удивляюсь, почему до сих пор те же самые православные активисты не устроят трансляцию девяноста лет голодания и кражи фиников в прямом эфире? Это было бы, пожалуй, очень убедительно.

Я думаю, что все происходящее сейчас очень правильно. Что России надо пережить этот мракобесный кошмар, и, возможно, через три-четыре года попыток применения этих законов и этих статей все наконец вернется на круги своя. И бессмысленное слово «вера» будет заменено на юридически осязаемое понятие «идеология» – поскольку ничем другим, кроме как идеологией, на сегодняшний день христианство, очевидно, и не является. И вот когда эта замена будет произведена, тогда мы будем уже знать и понимать, как можно взаимодействовать с христианством. В отношении идеологии руки наши ничем не будут связаны, и обращаться с ним можно будет без всякой так называемой почтительности, точно так же, как и с любой другой идеологией.

Это время непременно наступит. Так что не вешайте нос, не лезьте на рожон, но понимайте силу эзопова языка. Ведь, в конце концов, от того, что мы будем называть напузные украшения ноликами, мы не перестанем друг друга понимать – наоборот, будем понимать еще лучше. Оттачивайте клинки чистого атеизма об эту дикую ситуацию.

Урок 38. Об эксперименте и лабораторном материале

Вынужден сделать кратенькое дополнение к предыдущему уроку.

Дело в том, что небезразличные мне товарищи по атеистическим окопам выразили сомнения в моей искренней радости по поводу того, что закон «О защите чувств верующих» был наконец принят. Должен со всей ответственностью заявить: я не просто рад, я счастлив, так как мы имеем чистейшее, буквально лабораторное экспериментальное доказательство того, что я говорил в своих передачах, а теперь и в этой книге.

Я говорил, что православие нежизнеспособно без дубинок, наручников, сроков, батогов, ссылок и т. п. И это, признайтесь, многим казалось поэтическим преувеличением либо нагнетанием страстей. Но прошло время, и все мы получили возможность убедиться в справедливости моих слов. Притом это уже не риторика – это действительно абсолютно чистый, грандиозный, блистательный эксперимент.

Вспомним Вильгельма Вундта, немецкого психолога, физиолога и лингвиста. Ему принадлежит замечательное высказывание: *«Порой мы не можем в лаборатории поставить тот или иной важный эксперимент – за нас это делает история»*. И в данном случае история провела эксперимент за нас, доказав, что все эти легенды о некоем всемогущем боге совершенно бессильны без поддержки очень примитивных, очень устарелых, являющихся приметой очень неразвитого государства методов. И религиоведы, глядя на сегодняшнюю ситуацию, могут сделать блестящее обобщение о том, как же на самом деле распространялось христианство.

Мы видим, что оно не приспособлено ни к какой живой, нормальной, настоящей среде. В данном случае средой выступило российское общество, и результаты эксперимента оказались очень красноречивы. Зато теперь мы можем с уверенностью ответить на вопрос, в чем сила христианства. Ответ будет ясным и конкретным: «В статье 148 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Так что я был абсолютно искренен – ведь, пожалуй, ничто не является более важным, чем чистота и успех эксперимента, итогом которого явилось доказательство гипотезы, многим наблюдателям казавшейся слишком смелой. Впрочем, надо отдать должное нашему лабораторному материалу – как бы вы ни хулили депутатов Государственной Думы, как бы их ни ругали, что бы про них ни говорили, но они оказались потрясающим объектом для исследований, значительно превосходящим по своим возможностям не только лягушек или аплизий, но даже крыс и морских свинок. И это заслуживает отдельной благодарности.

Урок 39. Христианская злоба

Возник интересный вопрос. Если попытаться найти и сформулировать некое определяющее, объединяющее христиан качество и чувство – что это будет за качество и что за чувство?

Я полагаю, что наиболее характерной, наиболее присущей христианам чертой является злоба. И сейчас мы поговорим с вами о христианской злобе как о самой яркой и самой заметной особенности этой идеологии. Повторяю – мы говорим не о так называемой вере, не о частном деле неких граждан. Мы говорим именно об идеологии.

В том, что злоба является самой характерной чертой христиан, мы смогли убедиться, когда следили за своеобразным рецидивом средневековых процессов над ведьмами, проявившимся в виде процесса над бедными девочками, которые где-то не там спели свою песенку. Но если мы обратимся, скажем так, к более свежим по историческим меркам примерам, мы увидим эту исключительную злобность практически во всем и у всех. Например, у православных христиан считается мерилом добросердечия и благостности некто Иван Сергиев, церковный псевдоним Иоанн Кронштадтский. Посмотрим, чем он отличился и чем запомнился. А запомнился он тем, что в 1908 году, когда Лев Николаевич Толстой тяжело болел и за него переживала вся Россия, Иоанн Кронштадтский молился о смерти старенького писателя, призывая своего бога убить его. В дневнике за 1908 год Иоанн Кронштадтский записывает свое прошение: *«Не дай ему дожить до праздника. Возьми его с земли – этот труп зловонный, гордостию своею посмрадивший всю землю. Аминь»*, – и т. д.

У христианской злобы, у костров, у нетерпимости и свирепости, которую мы видели в отношении картин Ильи Ефимовича Репина, поэм Александра Сергеевича Пушкина, многочисленных выставок и спектаклей, конечно, очень глубокие, серьезные корни. Что уж говорить о Библии, которая вся насквозь пронизана призывами к мести и ненависти, требованиями безжалостно убивать по национальному и расовому признаку. Причем надо помнить, что там все далеко не безобидно – древние евреи очень любили масштабные истребления. Если не ошибаюсь, в Четвертой Книге Царств, в главе 19, радостно

сообщается о том, как бог мгновенно за какую-то малую провинность убивает ни много ни мало сто восемьдесят пять тысяч ассирийцев. А в Третьей Книге Царств пророк Илия одновременно убивает восемьсот пророков на горе Кармель.

Но в Евангелии дело обстоит ничем не лучше. Не надо забывать, что из большого количества Евангелий, уже существовавших к III веку нашей эры, были выбраны всего четыре, причем выбраны по такому, мягко говоря, анекдотическому признаку, что о нем не стоит даже упоминать. Причем на самом деле все Евангелия – и первое Евангелие от Иакова, и Евангелия от Никодима, Петра, Фомы или Марии, и Евангелие Младенчества, и Книга о Рождестве Блаженнейшей Марии и детстве Спасителя – имели с исторической точки зрения абсолютно равное право на существование и все имели возможность стать каноническими книгами. Тем не менее каноническими были избраны четыре. Остальные остались в обиходе христиан в качестве апокрифических – их не читают вслух в церкви, однако они существуют.

Среди апокрифических Евангелий есть замечательная Книга о Рождестве Блаженнейшей Марии и детстве Спасителя. В главе 26 мы читаем: *«Иисус, которому шел уже четвертый год, играл с другими детьми в день субботний на берегу Иордана. [...] Тогда один из детей, [...] разрушил то, что сделал Иисус. И сказал ему Иисус: горе тебе, сын смерти, сын сатаны! ты осмелился разрушить работы, которые Я сделал! И вот в тот же час умер тот, кто сделал так»*. То есть маленький мальчик.

В главе 29 кто-то осмелился толкнуть маленького Иисуса. *«Но Иисус сказал ему: ты не вернешься здоровым с дороги твоей. И тотчас же упал и умер мальчик этот»*.

В Евангелии Младенчества, в главе 46, мы опять встречаем – правда, в другом контексте – мальчишку, который, бегая по лесу, случайно толкнул Иисуса. *«И Он сказал этому ребенку: Так же, как ты Меня толкнул, упави и не вставай. И тотчас же ребенок упал на землю и умер»*.

А в главе 48 маленький Иисус убивает своего учителя, который неправильно объясняет ему значение буквы алеф. И так далее.

Иначе говоря, база для злобы, база для ненависти у христиан очень богатая. Так что не стоит удивляться тому, что происходило на

протяжении тысячи с лишним лет русской истории, когда людей не просто убивали по религиозному признаку, а убивали с каким-то невиданным зверством. Вспомним очень, как ни странно, положительного исторического персонажа Дмитрия Ивановича – императора Димитрия, больше известного как Лжедмитрий. Его принято осуждать, хотя при этом, если подумать, никто не может сказать, что же плохого он сделал. Известно лишь, что в первый же год своего крайне недолгого царствования он поменял Боярскую думу на Сенат, дал людям полную свободу передвижения по стране, по сути дела отменив крепостное право, и попытался основать университеты. То есть сделал то, что спустя длительное время после него начнет делать Петр Алексеевич.

А теперь вспомним, чем закончился жизненный путь этого так называемого Лжедмитрия – с какой образцово-показательной злобой он был уничтожен, а труп его был выставлен на поругание.

Это все очень важно помнить и знать. Хотя христианство, безусловно, фоссилизировалось, окаменело, утратив живые черты, они тем не менее где-то еще присутствуют. И мы должны хорошо понимать, что именно злоба является отличительной чертой христианства.

Урок 40. Церковь и наука: часть вторая

Речь у нас сейчас опять пойдет о взаимоотношениях церкви и науки – при всей неоднозначности науки.

Знаете ли вы, что в 1611 году, в связи с начинавшимся тогда процессом Галилея, в Ватикане был созван трехдневный кардинальский конклав, который на полном серьезе решал: допустимо ли вообще смотреть на небо в зрительную трубу? Не грешно ли это? Впрочем, это все пикантности. А помимо пикантностей я подготовил для вас небольшой занудный списочек реальных жертв церкви. Иначе говоря – реальных свидетельств подлинного отношения церкви к науке. Итак, начинаем.

Сожженные: философы Герман Рисвикский, Этьен Доле, Джулио Чезаре Ванини, Яков Гуттер. Анатомы Мигель Сервет и Шарль Эктор де Эстьен. Астроном-математик Джордано Бруно. Историк Жоффруа Валле. Исследователь природы света Марк Антоний де Доминис. Астроном Чекко Д'Асколи.

Отравленные: антрополог и философ Джованни Пико делла Мирандола.

Не забудем, что помимо удавлений, отравлений и сожжений очень многие ученые много-много лет проводили в тюрьмах. Не все из них сидели по тринадцать-четырнадцать лет, как Роджер Бэкон, но порой сроки были очень и очень значительные.

Вспомним их: химики Жак Барильон и Джузеппе Франческо Борри. Анатомы Ля Перейра и Иоганн Вейер. Физики Фладе и Беккер. Историк Лоренцо Валла. Натурфилософ Генрих Корнелий Агриппа. Естествоиспытатель Пьетро Помпонацци. Ботаник Отто Брунфельс. Астроном, механик и математик Иероним (Джероламо) Кардано. Философ Томмазо Кампанелла. Зоолог Улисс Альдрованди. Врач Джон Ди.

Сроки заключения по обвинению церкви были у них достаточно продолжительными. Не всегда ученые умирали в тюрьмах своей смертью – часто они оказывались там удавлены, как это произошло с естествоиспытателем Пьетро Джанноне, первым палеонтологом

Бернаром Палисси, историком Томасом Вульстоном, врачом, физиологом и астрономом Пьетро д'Абано.

Естественно, этот список не полон и подлежит обсуждению. Потому что я называю Бернара Палисси первым палеонтологом, но с таким же успехом его можно назвать одним из первых химиков или первым картографом – в те времена у ученых профиль, как это называется сейчас, был необыкновенно – широк.

Как вы заметили, я не включил в этот список тех, кого церковь убила по теологическим соображениям, хотя перечень огромен: Пьер де Брюи, Арнольд Брешианский, Генрих Пьемонтский, Иоанн Скот Эригена, Пьетро Отье, Маргарита Тренкская, Джерардо Сегарелли, фра Дольчино... Тут список на полторы страницы. И, повторю, эти люди были сожжены по причинам внутрицерковной борьбы – к науке они никакого отношения не имели.

Тем не менее список реальных ученых настолько огромен, что не помещается и на трех листах машинописного текста. Не забудем, однако, что в нем представлены только светила, только те, без чьих имен мы сегодня не можем представить себе развитие математики, анатомии, ботаники, палеонтологии. Но были еще и очень многие неизвестные деятели науки, те, которых умерщвляли до того, как они успели прославиться. Мы не знаем, сколько будущих Декартов и Галилеев было сожжено и удушено. Мы лишь знаем – на основании документов, поднятых Робером Мюшембле, – что всего с 1599 по 1661 год в одной только Франции церковь инициировала казни сорока восьми вольнодумцев с формулировкой «за атеизм».

Урок 41. Педофилята и педофилище

Случай, произошедший в 2013 году с петербургским попом, вызвал вспышку ажиотажного интереса к теме педофилии и церкви. Абсолютный лейтмотив – удивление: как же так, поп и маленькие девочки. Но совершенно безотносительно к данному конкретному случаю – пусть там разбираются следствие и суд – скажу вам, что на самом деле ничего удивительного здесь нет. Удивляться могут только те, кому абсолютно неизвестна догматика и история христианской церкви.

Как мы помним, те прелаты католической церкви, что были уличены в растлении детей, причем иногда даже в массовом растлении, отделялись по церковной линии довольно легко и особого раскаяния не высказывали. На это редко обращают внимание – а стоило бы. Это касается не только локальных, но и массовых соvrщений, как было в случае с так называемым отцом Бренданом Смитом, который за годы службы совратил около двадцати детей – не знаю точную процентовку мальчиков и девочек. Причем уже разоблаченный и арестованный отец Смит утверждал, что все происходившее – просто наилегчайший и кратчайший путь для этих детей к богу.

И вообще, как-то не очень церковники пугаются этих педофильских скандалов. Только Бенедикт XVI, который Ратцингер, в страхе катапультировался из папского кресла, но это единичный случай. По большей части все эти служители культа, получившие обвинение в педофилии, утверждают, что перед своим богом они были совершенно чисты. И скорее всего, как это ни удивительно звучит, они правы. Об этом, впрочем, чуть позже.

Вкратце познакомлю вас с историей вопроса. Вообще, в православной России к педофилии отношение было, скажем так, довольно безразличным. Это не считалось реальным преступлением, по крайней мере до последней трети XIX века, и рассматривалось как эротический каприз или как некая доступная сексуальная экзотика. В качестве примера можем вспомнить Михаила Илларионовича Кутузова, который по всем фронтам 1812 года возил с собой

крестьянских малолеточек, переодетых в казачью форму, или религиозного фанатика Федора Михайловича Достоевского, которому малолеточек возили в баню. В православной России XIX века, где все без исключения были крещеными, воцерковленными и причащенными, согласно статистике, из огромного количества сексуальных преступлений примерно 74 % приходилось на педофильские действия в отношении детей, не достигших одиннадцатилетнего возраста. Примерно такие же данные предоставляет классик судебной медицины Огюст-Амбруаз Тардьё.

Тем, у кого есть желание покопаться в этой пакости, поподробнее изучить цифры и всякие мерзкие детали, рекомендую фундаментальный труд профессора Владислава Осиповича Мержеевского «Судебная гинекология» издания 1878 года. Здесь все могущие заинтересовать читателя факты по педофилии в России представлены достаточно широко и казуистически. При этом Мержеевский подчеркивает, что, как правило, совратители детей – люди по наружности очень скромные и благочестивые, любящие говорить о нравственности, морали и упадке нравов. Приведу здесь одну цитату: *«Ни по одному делу не известно прохождение лица, который бы повадками напоминал педофила, напротив, фигуранты таких дел – это публика гладкая, лощеная, обстоятельная и то, что называется, очень сладкая».*

Эту связь елейности поведения, подчеркнутой благопристойности и обостренной религиозности с педофильскими наклонностями фиксирует, кстати, и Рихард фон Крафт-Эбинг в своем сочинении «Половая психопатия». Уильям Мастерс и Вирджиния Джонсон, авторы знаменитой «Энциклопедии секса», не только говорят, что педофилы чрезвычайно ценят мораль и любят о ней поговорить, но еще и приводят такую закономерность: только 10 % сексуальных преступлений в отношении детей совершают какие-то зловещие незнакомцы. В 90 % случаев это религиозные наставники, педагоги, гувернеры, горничные, катехизаторы и т. д.

То, что происходит у католиков, уже, конечно, напоминает эпидемию. Счет педофильских жертв ведется на тысячи и десятки тысяч. При этом следует понимать, что все равно не меньше половины таких случаев маринуются в стенах монастыря, академии или семинарии и остаются неизвестными.

В России дело обстоит немногим лучше, но у нас в отличие от свободного мира церковь все-таки защищена статьями Уголовного кодекса, нагайками, колючей проволокой, штыками, а главное, таким мощным, непроницаемым цензурным колпаком, который ни за что не дает просочиться сквозь него никакой негативной информации о церкви. Сегодня, чтобы возбудить на попа дело по статье 134 УК, от следователя требуется героизм, сопоставимый с героизмом персонажей «Илиады». Тем не менее подобных случаев достаточно много.

Вернемся к рассказу о том, что обвиненные и уличенные не выказывают никакого раскаяния, и моему комментарию, что у них для этого есть все основания, и снова откроем «священное писание» христиан. Там нормировано все: типы разрешенной еды, количество гвоздей для ящичков, в которых будет жить бог, отношение к месячным и поллюциям. Запретов тысячи, от самых масштабных до самых мелких, включая завет *«не вари козленка в молоке матери его»*. Но запрета на сексуальную связь с детьми в Библии и Евангелии нигде не содержится.

Сексуальная неприкосновенность детей не входит в набор так называемых христианских ценностей. Более того, Ветхий Завет откровенно рекомендует при ведении боевых действий – естественно, на территории противника – убивать всех детей мужского пола, а детей женского пола оставлять в живых для себя. Убедиться в этом можно, прочитав главу 31 Книги Чисел, стихи с 14-го по 18-й. Еще раз напомню тем, кто говорит, что Ветхий Завет – это одно, а Новый Завет – совершенно другое: Библия – это важнейшая, фундаментальная часть христианского культа, и самое, пожалуй, известное высказывание *«люби ближнего твоего, как самого себя»* впервые упоминается вовсе не в Евангелии, а в Библии – Книга Левит, глава 19, стих 18. Евангельский персонаж просто реплицировал эти слова.

А впрочем, хорошо, хотите Евангелие – пожалуйста, вот вам Евангелие. Сегодня с позиции законов Российской Федерации, которым мы все подчиняемся, весьма двусмысленно выглядит сцена так называемого Благовещения. Напомню – это одно из важнейших евангельских событий. Из множества источников известно, что брачный возраст девочек в Иудее времен Второго Храма колебался от десяти до тринадцати лет. В частности, об этом свидетельствуют

многочисленные Евангелия Младенчества, оказавшие такое влияние на формирование христианства.

О том же говорит Порфирий Тирийский, а апокрифическая Книга Иосифа Плотника прямо называет возраст Марии – двенадцать лет. Что произошло между богом и Марией, мы все знаем. Так вот, в соответствии с законодательством Российской Федерации, существо, действия которого привели к беременности двенадцатилетнего ребенка, должно быть арестовано и осуждено по статье 134 Уголовного кодекса на срок от трех до десяти лет. А любые положительные оценки действия этого существа – то есть бога – не могут быть восприняты иначе как пропаганда педофилии.

Абсурд, конечно. Но здесь мы в очередной раз видим существенный конфликт между фольклорно-религиозными и правовыми представлениями. Для верующего, вероятно, первичен не гражданский, светский закон, а так называемый закон религиозный. Примерно такая же история со всеми этими кардиналами и прелатами и их восприятием законности. Уже осужденные попы упорно твердят о своей невинности, и по меркам своей веры, которая действительно не признает преступлением половую связь с ребенком, они, наверное, и впрямь невиновны. Теперь мы понимаем, почему церковники всех мастей так упорно сопротивляются введению сексуального просвещения в школах – вероятно, им не очень хочется, чтобы дети понимали, что же с ними делают их духовные наставники.

Напоследок я хочу утешить и успокоить христиан. Никто, разумеется, не собирается их бога арестовывать или объявлять в розыск, ему даже не придется скрываться у себя на родине в Израиле. Да он, вообще-то, и ни при чем. Я совершенно точно знаю, что его оговорили. Вся история с Благовещением была целиком и полностью позаимствована, а попросту говоря, вчистую переписана с древнеегипетского культа Аменофиса. Культ этот сложился задолго до христианства, чуть ли не за тысячу триста пятьдесят лет. Вообще, историй непорочного зачатия очень много, абсолютно нереально найти божество, которое родилось бы не от девственницы, но именно эту историю Аменофиса почти в точности скопировали потом компиляторы Евангелия.

Начинается она с того, что юной девственной жрице Метемфе является бог – птицеголовый Тот, который сообщает ей благую весть:

Метемфа беременна от божества и тот, кого она родит, будет называться Аменофисом. Причем процесс непорочного зачатия происходит не просто через обмен любезностями, но и через целование Метемфой анкха. Это такая египетская штукавина, отчасти напоминающая крест, но с петлей, который преподносит Тот. Уже потом, после рождения Аменофиса, вокруг него собираются всякие мудрецы, в том числе приходят поклониться ему трое волхвов. Все это запечатлено на многочисленных египетских стелах и на фресках, которые позже были раскопаны в Луксоре. То есть история абсолютно хрестоматийная. Что же касается возраста древнеегипетской богородицы Метемфы – он неизвестен.

Урок 42. Удочка патриотизма

Для начала хочу всех поздравить с одним знаменательным событием. Однажды я уже упоминал об омерзительном погроме, который устроили в 1824 году попы на кафедре анатомии в Казанском университете. Тогда по благословению епископа Амвросия Казанского были кочергами разбиты все банки с препаратами, а все так называемые сухие препараты вместе с тем, что вывалилось из банок, были погружены на подводы и под колокольный звон вывезены на кладбище – потому что все это останки, они нуждаются в отпевании, и вообще, преподавание анатомии существенно подрывает веру в бога, плодит атеизм и усиливает вольнодумство (что совершенно справедливо). Это наше недавнее, но все же прошлое, и в силу своей абсолютной маразматичности оно казалось неповторяемым.

Оказалось – ничего подобного.

Нас всех, повторяю, можно поздравить. Все повторяется с умиляющей точностью. В конце 2013 года в Нижнем Новгороде гостила анатомическая выставка – не самая лучшая из подобных экспозиций, но вполне терпимая. Так вот, руководитель Центра душевного здоровья и духовной безопасности Нижегородской епархии поп Михаил Макаров осудил выставку и потребовал предать препараты земле. Это сейчас. В XXI веке. То есть попы не поуменьли, и история их ничему не учит. И вечно правым остается барон Поль Анри Гольбах, который в свое время на все века и на все времена твердо сказал: *«Христианство всегда объявляло войну науке и человеческим знаниям. [...] Людям, которые обязаны подчинить свой разум вере, не нужна ни наука, ни просвещение»*.

Но это, как говорится, информация к размышлению. Тема данного урока совершенно другая. За последнее время в России существенно повысился градус православно-патриотической истерии, и в связи с этим, вероятно, пришло время рассмотреть и механизм российского патриотизма.

Он предельно прост. Есть Россия, которая декларируется как некая высшая ценность, которой надо безмолвно позволять обирать себя дикими налогами и жертвовать ради нее всем, включая здоровье и

жизнь. Но предлагать в качестве объекта этой возвышенной любви реальность, которую представляют Мизулина, Гундяев, Исаев или Астахов – бред, пьянство, коррупция, насилие, – по всей вероятности, как-то немножко неловко. Любовь к этой реальности маловероятна. Поэтому реальность попытались подменить исторической куклой, но затея снова провалилась, так как кукла оказалась настолько уродливой и гнилой, что служить в качестве фетиша никак не могла. Любые попытки оградить суррогат истории от разоблачения оказались бессильными.

Мерзавцы либералы рассудили, вероятно, так: ну, коль скоро черносотенцы, попы и госидеологи приватизировали российскую историю и объявили ее своим главным аргументом в борьбе, придется действовать со всей беспощадностью. Иначе говоря, вот есть комодик. Ну, комодик как комодик, не хуже и не лучше любого другого, но его захватили клопы, и захватили настолько плотно, что уже никакие средства и инсекцитиды не помогают. Следовательно, надо сжечь комодик, к чертовой матери. Причем, как выясняется, это несложно. Никаких проблем нет, потому что на любой аргумент официальной истории находится контраргумент, который легко достается из любых архивов. И это касается всего.

Можно вспомнить какую-то якобы народную дубину 1812 года и якобы какую-то партизанскую войну. Там вроде бы все уже определено, но есть еще какая-то старостица Василиса Кожина, которая возглавляла партизанские отряды и за что-то сражалась. Мы начинаем поднимать документы и выясняем, что никаких отрядов никогда не было, что ничего старостица не возглавляла и что единственный поступок, который она совершила, – зарубила косою раненого, связанного пленного французика. Звали его, кажется, де Сонсе из 30-го линейного полка, больше о нем ничего не известно. А зарубили его только за то, что он – де Сонсе – не понимал французского старосты Василисы Кожинной. Но это частный пример, доказывающий, что практически любой российский исторический миф может быть превращен в пыль. Иными словами, никакая охранительная цензура не спасет русскую историю от этой либеральной просвещенной расправы. Увы-увы.

Как вы знаете, силы охранителей и либералов всегда неравны. Охранители в сотни тысяч раз сильнее, у них кокарды во лбах, дубины,

арапники, мотки колючей проволоки, статьи УК. Вот только вольнодумцы из века в век легко и блестяще крутят охранителей на пеннсе – только потому, что за вольнодумцами отвага, смех и острота мысли.

Иными словами, как мы с вами увидели, в деле создания привлекательного образа России провалились оба проекта: и реалистический, и исторический. Тем не менее эта Россия, которой нужно поклоняться, которую нужно вопреки всему любить и которой нужно всем жертвовать, продолжает быть востребованной, поскольку это основной объект патриотической любви. И в связи с этим была как бы выдумана не гундяевско-мизулинская, не пьяная-коррупцированная, а такая абстрактная Россия: возвышенная, светлая, справедливая, страна, в которой никто никогда не жил, которую никто никогда не видел, которая не имеет ничего общего с позором «Единой России» или с бредовыми репликами Онищенко, с битыми дорогами, грязью, беспросветицей и взятками. И вот эта абстрактная Россия как раз и достойна любви, жертв и поклонения.

Я полагаю, что здесь мы наблюдаем обычную подмену понятий. И нетрудно заметить, что, когда мы ласкаем абстрактную Россию, эрекция возникает у «Единой».

Урок 43. Голубые дали РПЦ

Как я, собственно говоря, и предупреждал, в начале 2014 года из шкафа РПЦ вывалился очередной скелет. Причем скелет достаточно увесистый. Я имею в виду гомосексуальный скандал, подробности которого огласил диакон Кураев.

Честно говоря, я не очень понимаю ажитации по этому поводу. Мало того что об этом все вроде были предупреждены и обязаны были подготовиться, но в чем причина истерики? Ведь все случившееся являлось настолько же нормативным, насколько и изначально в принципе даже не обсуждаемым в церковных кругах. Это стабильное состояние, и странно было видеть Кураева, который идет почему-то с шестерок, когда у него на руках есть козыри. Он все бродил, как кот вокруг горячей каши, по всяким провинциальным жидкобородым архиереям и не решался перейти к каким-нибудь другим именам и фамилиям. Хотя в одном месте ту самую опасную черту, за которой уже корпорация начинает всерьез беспокоиться, он переступил. Я имею в виду историю с Никодимом, митрополитом Ленинградским и Новгородским, и всем гнездом Никодима, и птенцами гнезда Никодима, то есть Маркелом, Модестом, Януарием, Ионафаном Елецких и всеми остальными.

Но вообще удивления по поводу гомосексуализма в церкви быть не должно. Надо понимать, что абсолютно всюду, где есть люди, есть и сексуальная жизнь. То, что вы верите всерьез в декларацию о целомудрии и воздержании, – это ваши личные трудности. С таким же успехом можно, сидя в кино и рассматривая актера, который играет роль Виннету, встать в середине сеанса и задать ему какой-нибудь вопрос. Тут то же самое – если вы верите в обет воздержания, это ваши проблемы. На самом деле внутри церкви его никто всерьез не воспринимает. И эта половая жизнь, естественно, есть – либо она сама, либо ее очень своеобразные дериваты, то есть производные. Что уж говорить о живущих в режиме перекрестного опыления современных церковниках, мелких, не знаменитых, обычных, если даже столпы и светочи христианства демонстрировали поведение совершенно

другого типа? Однако это все пока словоблудие. Давайте обратимся, как всегда, к источникам.

В Миланском университете в свое время преподавал замечательный профессор Алехандро Вилло. Году примерно в 1915—1917-м он предпринял роскошное фундаментальное исследование аскетизма с целью установить, что на самом деле ощущали и переживали аскеты. Давайте посмотрим, как жил половой вопрос в тех, кто считается основателями, светочами и примерами для подражания.

Свой труд профессор Вилло начинает замечательными словами: *«Жизнь аскетов есть не что иное, как непрерывная психическая мастурбация. Ничто так не интересует отшельников, как жизнь проституток и грешные земные страсти. Святой Августин рассказывает, как его мучили эротические видения и галлюцинации»*. Далее идет описание эротических видений и галлюцинаций, известное каждому семинаристу и богослову. Вилло подробно цитирует исследования Доминика Мореля о святой Анжеле. Та в борьбе со сладострастными порывами, по собственным ее словам, была вынуждена прибегать к следующим средствам: *«Огонь желания так сильно разжигал тайные части моего тела, что я приучилась прикладывать к ним настоящий огонь на горящем полене, который тушил огонь сладострастия»*.

Святой Бенедикт, борясь с половым возбуждением, вынужден был бросаться в обнаженном виде в густые заросли колючего терновника. Святой Франциск кувыркался нагишом по снегу. Страсти заходили необычайно далеко. В частности, святой Арсений был постоянно мучим блудными вожделениями и изо всех сил им сопротивлялся; когда же он бывал ими побежден, то преисполнялся такого раскаяния, что от постоянного плача у него выпадали ресницы. Таких примеров очень много. Надо сказать, что эта сексуальность всегда приобретала забавные формы. Вот например: *«Святая Вероника настолько почитала агнца небесного, что всегда с собой в кровать брала настоящего агнца, покрывала его горячими поцелуями, позволяла ему сосать свою грудь, которая иногда источала несколько капель молока»*.

Агрессия в отношении естественных человеческих сексуальных устремлений находила в церкви весьма своеобразное выражение, в

частности, в виде постоянных оскорблений женщины. Вилло замечает: *«Все писания отцов церкви переполнены ужаснейшими, оскорбительными и непристойнейшими оскорблениями в адрес женщин. Святой Петр говорил, что женщина – первопричина гибели человечества, дверь, ведущая в ад. Она повинна во всех грехах человека. Святой Антоний, любезно определив женщину как начало всякого преступления и орудие дьявола, тоже дает ей очень развернутую и предельно мерзкую характеристику».*

Но эта попытка сбить себя со следа, отвлечь себя от женщины не случайна. Я многократно объяснял механизм возникновения церковного гомосексуализма и могу сказать: тех, кто этот механизм смазывает, держит его в порядке, наблюдает за ним, – понять можно. Потому что, пожалуй, в условиях церкви это правильно. Гомосексуализм является как бы тем цементом, клеем, который скрепляет церковь изнутри. А вот как только на горизонте появляются девушки, сразу начинаются большие беды и проблемы. В одном лишь Питере за последние несколько лет – три скандала. Не то что какие-то иноки – целые настоятели монастырей срывали с себя клобук, брали под мышку приглянувшуюся послушницу и навсегда порывали с монашеским делом. Я лично знаю нескольких иноков, которые увели из монастыря девиц – послушниц, монахинь и т. п.

То есть везде, где появляется страшная сила под названием «девушки», сразу происходит то, что называется «большие церковные нестроения». А тут мальчики, розовые, гибкие, они рядом, ну и... деваться им, во-первых, некуда. Во-вторых, надо понимать, что здоровым, ражим, ни черта не делающим мужикам, которые очень много едят и абсолютно ничем не заняты, пребывая в праздности и болтовне – я имею в виду монашество и церковников, – конечно, надо каким-то образом решать свои сексуальные вопросы. Они и решают их безопасным для себя образом. Безопасным и традиционным. Так что в этом на самом деле ничего удивительного нет.

Что же касается храбреца Кураева – конечно, было бы неплохо, если бы он продолжил свои изыскания, чтобы и дальше баловать всех удивительной правдой о Русской православной церкви. Потому что он это делает достаточно ответственно, хорошо систематизирует и снабжает хорошим иллюстративным материалом. Но как знаток этой ситуации, я бы все-таки советовал Кураеву уносить ноги. Будем

надеяться, что он никак не повредит заднюю ушную артерию в результате серии неаккуратных ударов об унитаз, как это уже бывало с некоторыми людьми – которые, кстати, до сих пор еще, вероятно, ждут отмщения. И что из этой истории ему удастся выйти целым, поскольку дядька он, так или иначе, очень симпатичный.

Урок 44. Ответ «Антропогенезу»

Во всей нашей атеистической истории есть одна загадочная сторона. Совершенно непонятная. Россия формально заняла место Советского Союза – того самого Союза, где была действительно мощная наука. Так почему же российская наука так покорно и бездарно сдалась попам? Почему ученые побросали свои штандарты и кинулись целовать бородатым мужикам руки? И почему их стало возможно сгонять в стада для какого-нибудь холуйского, лицемерного освящения какой-нибудь новой лаборатории?

Это долгое время было для меня большой загадкой. Я не понимал, что существует планктон не только офисный, но и лабораторный. И что это все доцентское сообщество безоружно и беспомощно перед клерикальной угрозой – прежде всего в силу своей невероятной серости. Действительно, если вдуматься, мало того что там отсутствуют какие бы то ни было полемические навыки. Отсутствует задор. Любой опытный поп любого так называемого русского доцента перекусит пополам без особых затруднений – что они, кстати говоря, периодически и делают в эфире. Но пора все-таки выйти на тему, которая меня, честно говоря, сильно интересуется.

Не так давно мне распечатали и показали замечательный анализ моей недавней книги, которая называется «Происхождение личности и интеллекта человека». И этот разбор был сделан как раз очень милым, очень симпатичным лабораторным доцентским планктоном, который действует то ли в режиме своего рода ритуального доцентского облаивания, то ли ведет себя действительно искренне. Почитаем этот разбор, он стоит того. Это блестящая иллюстрация к моим словам «почему русская наука побросала штандарты».

Есть такой сайт – «Антропогенез. ру». Я подчеркнуто его рекламирую, потому что идея у этого сайта замечательная и люди, которые там присутствуют, скорее всего, тоже замечательные. Но вдруг они набрасываются на меня. Кто они? Что может объединять таких милых, но совершенно разных людей, как Александр Борисович Соколов – редактор портала Антропогенез. ру, Станислав

Владимирович Дробышевский – доцент, Светлана Анатольевна Бурлак – тоже доцент, Светлана Александровна Боринская и т. д.?

Я могу вам сказать, что их объединяет. Их объединяет феерическое, невероятное незнание анатомии головного мозга и одновременно страстное желание рассуждать по этому поводу. Решив предпринять разгром книги, они начинают разбор с восхитительной росписи в совершенно неистовой, невиданной, даже немножко шокирующей безграмотности. Они прицепились к какой-то странице и удивляются, почему я, описывая череп Эразма Роттердамского со слов профессора Вертеманна и по его материалам, говорю, что объем черепа Эразма Роттердамского – тысяча двести двадцать пять кубических сантиметров, а, соответственно, объем его мозга вряд ли превышал девятьсот восемнадцать кубических сантиметров. И тут у доцентов возникает вопрос: как так? Объем черепа такой, а объем мозга такой?

То есть это даже не слово «мама» с четырьмя ошибками, а заметно хуже. Это уже трагедия. Сейчас я вам объясню. В емкости мозгового черепа есть такие маленькие канавочки – это так называемые диплоидные каналы, тут проходит часть кровоснабжения. Но помимо непосредственно мозгового субстрата, субстрата больших полушарий, ствола мозга, пространство мозгового черепа занято множеством различных образований, не имеющих никакого отношения к субстрату головного мозга как таковому. Прежде всего это твердая и мягкая оболочки мозга. Это серп большого мозга – достаточно громоздкое и занимающее немало места в черепе человека образование, это намет мозжечка, это полости латеральных желудочков. Понятно, что полости веса не имеют, но они имеют объем. К тому же не надо забывать, что все это еще должно кровоснабжаться и жить в особом субстрате цереброспинальной жидкости, так называемого ликвора, а это пусть и небольшие, но тем не менее образования. Это и хороидные сплетения, которые переделывают, скажем так, кровь в ликвор, это и пахионовы грануляции, которые играют роль канализации, в которую спускается отработанный ликвор в кровь.

То есть надо понимать, что объем мозгового черепа и объем мозга – это принципиально разные вещи. Я с удовольствием не устраивал бы

эту выволочку, если бы ребята сами с таким азартом и с такой глупостью не подставили борта.

Притом это не мое открытие. Честное слово, не мое. Можно пролистать ради интереса работу таких нейроморфологов, как Самуил Михайлович Блинков и Илья Исаакович Глезер, «Мозг человека в цифрах и таблицах», можно даже просто заглянуть в любой элементарный, примитивный анатомический справочник. Но с таким недоумением, с таким пафосом вопрошать: «Как это так? Объем черепа такой, а объем мозга такой?» – значит полностью расписаться в абсолютном незнании и непонимании головного мозга человека и его черепа.

Я полагаю, что дальнейшие экзерсисы милых наших антропологов по поводу черепа интереса не представляют. Интерес представляет пункт второй: вечная грызня за то, кем был, скажем так, ранний человек? Падальщиком или охотником? Существует некий миф, причем в большей степени филологический миф, о том, что он был охотником. Однако существует и точка зрения профессора Бориса Федоровича Поршнева и многих западных исследователей, которая, увы, показывает, что этот героический миф ни на чем не основан. Да, ребята из «Антропогенеза» хотят видеть своих предков охотниками, но это их личные проблемы.

Давайте разберемся. Вот у нас есть смилодон, глиптодонт, токсодон, шерстистый носорог, мамонт, пещерный медведь и мегатерий – это те животные, которые были в той или иной степени современниками человека. Человека, который уже был способен на что-то. Следовательно, нас интересуют кости с вклиненными кремневыми или иными наконечниками. Но таких останков, которые однозначно свидетельствовали бы об охоте, как раз и нет.

На какой-то из страниц разбора милые, очаровательные антропологи говорят: «Количество таких материалов огромно». Однако пока что единственным безусловным свидетельством является, если не ошибаюсь, выкопанный где-то в низовьях Яны мамонт, у которого в лопатке обнаружена дырка, и эту дырку сразу объявили последствием удара каменным копьём или стрелой. Причем люди, которые это объявили, тоже очень плохо знают остеологию. Они не понимают, что если происходит такого рода ранение, то наконечник остается вклиненным. То есть не просто образовывается в кости какая-

то дырка загадочной формы и загадочного вида – остается вклиненный наконечник. Именно такую картину показывают многочисленные находки, сделанные, если не ошибаюсь, супругами Пикар в Сарагаше, находки в Ян-Улаганском скифском захоронении. Там мы сразу видим существенное количество различных наконечников, которые вклинены в кости. Когда же мы говорим о якобы какой-то охоте палеоантропов, мы этих наконечников как раз предоставить не можем. Поэтому все то, что говорится на данный момент о раннем homo как об успешном охотнике, является попросту забавным и пока ни на чем не основанным вымыслом. Ищите кости! Ищите вклиненные кремневые наконечники! Тогда появится возможность на эту тему поговорить серьезно.

Странно было осознавать, что специалисты, берущиеся рассуждать о черепе и мозге, понятия не имеют о том, что пространство мозгового черепа заполнено множеством структур, не имеющих непосредственного отношения к субстрату. Еще больше меня удивило, что они, оказывается, пытаются и профессора Сергея Вячеславовича Савельева тоже штурмовать и критиковать. Профессор Савельев – ужасающий тип, мы с ним терпеть друг друга не можем, у него кошмарный характер, но это блистательный нейроморфолог, и всем этим ребяташкам до него, простите, как до Китая раком. Поэтому, наверное, мы и видим то, что видим. И это не просто неспособность сопротивляться массивной клерикализации – мы видим полную доцентскую мелкотравчатость.

Кстати, в этом разборе были два разумных замечания в мой адрес, но они потонули в общей массе ахинеи. Замечания касаются спорных, но тем не менее очень интересных и обсуждаемых моментов касательно того, что все-таки было первично и что морфологизировало организмы: то ли это была потребность расширяющейся нервной системы, то ли это была некая сила генома, почти виталистическая, с точки зрения авторов этой теории. И авторы разбора очень много спорных теорий выдают за бесспорные и в целом придерживаются только того, что им нравится. Так нельзя. И это очень смешно.

И, наконец, чтобы не останавливаться на этом печальном моменте, продолжу предыдущую тему про «голубых» в РПЦ.

Я забыл рассказать одну историю – как я для себя выяснил, что все пропитано этой «голубизной». Это было в одной из церквей

Петербурга, я тогда был певчим. Меня уже отовсюду, из всяких церковных структур повыгоняли, но голосина был здоровый, а денег в церкви платили очень много, поэтому я там трубил на клиросе. И вот как-то раз должна была состояться архиерейская служба, а один из мальчишек, регент, страшно боялся этой службы – он знал, что придет архиерей, который на него давно положил глаз. И так он метался по церкви, пока не обратился ко мне: «Глебыч, помоги». Ну, я решил, конечно, его спасти. Спрятать от алчного архиерея.

Я понимал, что пацана сейчас просто посадят в черную «Волгу», увезут в архиерейские покои и дальше, скажем так, уже вазелин туда будут носить ведрами. Так что я его увел на колокольню, где обычно курил, когда не было возможности курить в других, более удобных местах. Сцену, которая за этим последовала, я запомнил на всю жизнь: я, значит, цежу свой «Беломорканал», счастливый, гордый необыкновенно, что я спас парня от гомосексуалиста, а парень рыдает и рыдает, рыдает и рыдает, ну просто как девка, рыдает без остановки. Я ему говорю: «Ну что ты рыдаешь, я же тебя спас уже, черт бы тебя взял. Что ты рыдаешь? Чего ты боишься?»

А он мне: «Я уже не боюсь, но я так боялся, что мне придется изменить владыке...» – и называет имя другого архиерея, не того, который на него посягал. И тут я понял, что, конечно, мне здесь делать нечего, надо уносить ноги. Позже я встретил этого спасенного мною регента, он сейчас тоже один из больших архиереев Русской православной церкви.

«Антропогенезу» привет.

Урок 45. «Антропогенез». Рублёв. Торшер

Поскольку цирк, как говорится, нравится публике, давайте в порядке исключения посвятим еще один фрагмент моему разговору с «Антропогенезом». Они продолжают упорствовать, и упорствуют наивно и смешно, демонстрируя с каждым новым приступом упорства все бóльшую и бóльшую безграмотность. Откуда-то вытащили совершенно прелестную книжку Марии Борисовны Медниковой «Трепанации в древнем мире и культ головы» и на основании этой книжки попытались отыгаться по мозгу Эразма. Но, ребята, я еще раз говорю: существует прописанная нейроморфологическая норма. Ее определили специалисты, называются они нейроморфологи. Согласно уже упомянутой работе Блинкова и Глезера «Мозг человека в цифрах и таблицах» 1964 года издания (найти можно без проблем), объем мозгового вещества не равен объему черепа. И эта разность мозговых и не мозговых субстратов в младенчестве составляет от 5 до 12 %, а к старости доходит до 25–27 %. Так что, пожалуй, моя цифра все-таки гораздо более точна.

Но дело не в этом. Все остальные претензии в том разборе – это такая же вкусовщина, передергивание и надумывание. Но поскольку ребятам понравилось то, что этот скандал перерос уже в нормальную войну – а я тоже люблю всякую войну, – я решил дать этому конфликту еще больший простор. Тут как раз на запах скандала слетелись два больших толстых журнала, которые попросили меня написать рецензии на две книжки, понимая, что это будет, вероятно, забавно и весело, – те, кто читает мои статьи в «Московском комсомольце», знают, что я умею обращаться с различного рода материалами. И я выбрал книжки Маркова и Бурлак – это боевые силы «Антропогенеза».

Мы посмотрим, до какой степени уязвим любой труд, когда в нем начинаешь заниматься блохоловством. Подозреваю, что это будет в высшей степени весело. Так что советую тем, кто следит за моими публикациями, запасаться попкорном – это представление на много-много-много актов, нам предстоит долгая и, надеюсь, достаточно яростная война. Подозреваю, что все остальные, кто бывает искусан

стаей доцентов, просто тихо уползают и молчат, но в моем случае все будет несколько иначе.

Более того, я хочу сказать совершенно по-доброму: ребята, у вас нормальная территориальная агрессия. Вы считаете науку своей вотчиной и очень болезненно относитесь к тому, что кто-то внезапно к вам врывается. Но, дорогие мои, это касается всех. Наверное, ужасно, когда геология попадает в руки адвокатам и анатомам, а естествознание – журналистам, солдатам-наемникам, получавшим образование на поле боя, служащим банков, воспитанникам иезуитских колледжей, которые немножко изучали право. Это, конечно, ужасно. Но имена этих людей сейчас известны всем. Это Чарльз Лайель, Николай Стенон (Нильс Стенсен), Фридрих Энгельс, Рене Декарт и Жан Батист Ламарк.

Конечно, не менее ужасно, когда физика и астрофизика попадает в руки юристам, квакерам, фермерам, служащим бюро патентов, телеграфистам, переплетчикам без всякого профильного образования. Но имена этих людей – Эдвин Пауэлл Хаббл, Джон Дальтон, Иоганн Кеплер, Альберт Эйнштейн, Томас Алва Эдисон, Майкл Фарадей. Список можно продолжать до бесконечности, завершив красивым утверждением, что археология не может быть делом приказчиков из бакалейных лавок, воришек и мелких авантюристов... но имя этого приказчика – Генрих Шлиман.

Почему все эти люди в свое время ломанулись в науку? Почему они вторглись на вашу территорию и утерли таким, как вы, носы?

Территория науки, как вы помните, всегда была достаточно строго охраняема. И дело даже не в том, что именно доценты прежних времен – Французская академия наук, между прочим, а не просто какой-то сайтик – рассылали по всем музеям страны категорическое требование убрать с витрин и экспозиций всякие так называемые аэролиты – говоря по-современному, метеориты. Потому что с точки зрения Французской академии наук факты о падении с неба камней выглядели невероятной глупостью – считалось, что аэролитам падать неоткуда. Это единичный пример. И таких примеров в доцентской науке очень много.

Так почему все эти люди, все эти Хабблы и Энгельсы, пошли в свое время на вашу территорию?

Я могу объяснить. Потому что вы – бесплодны. И если ваше дело объяснять, если ваше дело изготавливать для того же самого антиклерикального фронта снаряды и шмайссеры, то извините, ребята, – ваши снаряды не взрываются, а у ваших шмайсеров кривые дула. Вы увлеченно занимаетесь терминологическим вышиванием бисером, но при этом ваша наука топчется в каком-то глухом, никому не интересном тупике. Мы видели, чего стоят доводы Маркова в боях и полемике. Ничего. Поэтому не удивляйтесь, что к вам приходят. И я надеюсь, что все больше и больше людей будут дерзать, все больше и больше людей будут понимать, что знания – это просто, что знания – они под рукой, да и структурировать их тоже нетрудно. И не надо пугаться доцентов, которые могут из каких-то темных ям Интернета выскочить и покусать. У доцентов вообще есть много любопытных качеств, и они, конечно, способны гипнотизировать.

Первый раз за все время существования программы «Уроки атеизма» мне распечатали и дали посмотреть комментарии. Могу сказать, что я был, конечно, огорчен. Выяснилось, что атеисты или те, кто называет себя атеистами, ничем не лучше православных. Они такие же злобные, такие же категоричные, единственное отличие в том, что вместо попов у них доценты с «Антропогенезом». Ну, дело вкуса, кому кто нравится. Но о том, как доценты способны гипнотизировать, – это отдельная история, очень интересная.

В частности, могу рассказать про историю Рублёвской иконы и о роли доцентов в создании национального символа. Все было очень смешно. Понятно, что когда-то «Троицу» Рублёва упомянул Стоглавый собор, а это равносильно тому, как если бы XXII съезд КПСС отметил лучший роман о сталеварах – мол, вот так и надо писать. Потом Николай Михайлович Карамзин в V томе вспоминает этого Андрея Рублёва, и сразу же друзья и поклонники Карамзина, то есть Алексей Иванович Мусин-Пушкин и еще несколько человек, объявляют Рублёва невероятным гением, а его работы абсолютным совершенством древнерусского искусства.

Этим энтузиазмом заражается историк Николай Дмитриевич Иванчин-Писарев, который находит эту икону – а ее не надо долго искать, она висела в Троице-Сергиевой лавре – и тоже заходится перед ней в восторженных, совершенно невероятных словоизлияниях: что это и есть совершенство, это и есть полное великолепие, это и есть

наше настоящее, национальное, древнее, великое искусство. Ему удается воодушевить своим восторгом и славянофилов, и Николая I, и все начинают восхищаться «Троицей» Рублёва или тем, что они принимают за «Троицу» Рублёва.

Проходит еще какое-то время, а дальше случается вот что. Во-первых, братья Михаил Иванович и Василий Иванович Успенские выпускают книгу «Заметки о древнерусском иконописании», в которой Рублёв уже прямо преподносится как гений, а «Троица» как шедевр. Затем появляется «Словарь русских художников» за авторством Николая Петровича Собко, в котором утверждается то же самое. И, наконец, слава «Троицы» становится настолько велика, что государство в лице Археографической комиссии и иконописца Василия Павловича Гурьянова решает совершить государственную реставрацию этой иконы.

Икону снимают, и тут выясняется феноменальный и очень пикантный факт. Оказывается, Мусин-Пушкин, Иванчин-Писарев, Николай I, Собко и Успенские видели пять совершенно разных изображений. Просто к этим изображениям была приделана такая табличка – «шедевр», и они послушно следовали этой табличке. Дело в том, что икона постоянно подвергалась поновлению, и только за XIX век ее поновили три или четыре раза, то есть все эти люди видели совершенно разные изображения.

Что такое поновление? Это значит, пришел иконописец, какой-нибудь Ивашка Малышев, смотрит – лики стали темненькие и не видны. Действительно, икона живет в химически агрессивной среде: всякие поцелуи старушек, брызги свечного воска, масла, перепады температур, сырость и т. д. Так вот, лики темные, одежек не видно – давайте это все красиво раскрасим. И красиво раскрашивали.

Когда же за икону взялся Гурьянов, он начал снимать слои и понял, что на самом деле хвалили совсем не древнерусскую живопись. На самом деле хвалили очень примитивное письмо наподобие палехского, которое никакого отношения к так называемому искусству не имеет. Но в то время еще не умели делать нормальную реставрацию, и Гурьянов просто еще раз записал эту «Троицу» сверху.

И только в 1926 году большевики предприняли серьезную реставрацию шедевра. Они сняли все слои к чертовой матери и получили то, что мы имеем сегодня. То есть вот это неизвестно что с

линялыми крыльями, с сосисковидными пальцами без суставов, с непонятными анатомическими параметрами рук, с одутловатыми, очень схематично нарисованными дамскими физиономиями и кривой чашкой на столе.

Но деваться было уже некуда. Уже слава шедевра была прописана везде – во всех учебниках. По поводу кривой чашки доценты от искусствоведения тоже долго бодались, объясняли, мол, необыкновенный магический смысл, мистика. Но я подозреваю, что все проще и великий художник земли Русской Андрей Рублёв рисовать не умел. Должно быть, если бы его попросили изобразить, предположим, бутылку, трубку с дымом, скелет тираннозавра или сеятеля, результат был бы точно таким же, как у Остапа Бендера на известном агитационном пароходе. И не потому, что Рублёв был плохой или неталантливый, это вообще не обсуждается. Мы об этом уже говорили – он раскрашивал, он ничего больше не делал, ему ничего больше не разрешалось. Единственная новация в «Троице» по сравнению со всеми остальными – это полосочка на гиматии среднего ангела.

Дело в том, что в России в тот момент не было рисовальческих школ. Просто не было в природе, в принципе. В Европе уже творили Джотто и фра Беато Анжелико, а у нас не было ничего. Никто не учился рисовать – это было не нужно. Тем не менее – посмотрите, какова сила доцентов! Теперь действительно все загипнотизированы до такой степени, что «Троица» является национальным шедевром.

Ну и под конец еще один вопросик, который касается наших боданий с «Антропогенезом». Какое-то объединение атеистов сообщило мне о том, что оно меня откуда-то исключило, прерывает со мной дипломатические и всякие другие связи и вообще больше не хочет меня знать.

Знаете, ребята, меня нельзя ниоткуда исключить. Я никогда нигде не состоял – ни в ваших атеистических движениях, ни в каких-нибудь других. Я всегда и только сам по себе; я руководствуюсь только своими интересами и своей выгодой. Никаких других связей у меня нет.

Ну а что касается этих скептиков, которые меня откуда-то уволили, это, конечно, очень, очень печально. Печально, когда маленький скептический торшер объявляет о прекращении своего сотрудничества с электростанцией.

Урок 46. Чем всё закончится?

Мне кажется, что полнота ощущения кошмара на данный момент почти предельная. Дикое чувство, что где-то сейчас сидят бородатые обезумевшие черносотенцы и строчат идеологию, то есть правила, по которым нам с вами предстоит думать, чувствовать и жить. Что со всех сторон раздается грохот молотков, который зашибает эти так называемые скрепы, пытаюсь ими скрепить гнилую расплзающуюся российскую действительность. Что уже появились жестко очерченные темы, на которые нельзя даже думать, не то что свободно разговаривать, типа блокады или чего-нибудь еще в этом духе. То есть ощущение полного кошмара, предельной идеологизированности. И, конечно, в авангарде всего этого, светя бижутерией на брюхах, шагают наши с вами волосатые и бородатые товарищи, которые всех нас хотят учить жить.

Ощущение мрачнейшее. Но, друзья мои, дорогие, хочу вам поднять настроение. Хочу рассказать, как это все закончится. А закончится одной из схем. Смотрите, церковники очень любят обращаться к репрессиям 1918, 1920, 1923 годов, рассказывая, как их мучили, сбрасывали с колоколен, закапывали живьем, расстреливали из пулеметов и стреляли ими из пушек в неизвестном направлении. В этих словах, конечно, 99 % лжи – мы уже выяснили с вами на одном из предыдущих уроков, что на самом деле все они были осуждены не за так называемую веру, а совершенно за другие поступки и факты их биографии. Они очень любят рассказывать об этой кровище, об этом ужасе, но нам следует помнить, что тогда все сословия в России переживали не лучшее время. Убитые, сосланные, изгнанные, закопанные и расстрелянные были везде: в любом классе, в любом слое, в любом сословии. Но более страшные гонения они вспоминать очень не любят. То есть просто категорически отказываются.

А давайте это сделаем сейчас мы и вспомним, как начиная с 1958 года вдруг массово стали закрываться церкви. Это был период так называемых хрущевских гонений. Сорок процентов церквей закрылось, и на их месте, в их помещениях были устроены всякие картофелехранилища, планетарии, спортивные залы; какие-то из этих

зданий были взорваны или просто забыты, заброшены и оставлены зарастать бурьяном. Только за 1959 год, если не ошибаюсь, двести иереев и протоиереев сложили с себя сан. Я говорю только о максимально заметных деятелях Русской церкви того времени, но еще примерно две с половиной или три тысячи – разные источники дают разные цифры – всяких там дьяков, дьяконов, пономарей, алтарников, свечниц и прочей храмовой обслуги тоже навсегда покинули церковь. Были ликвидированы целые епархии, в частности, если не ошибаюсь, Сумская, Челябинская и Ульяновская. Это только то, что помню я, наверняка их было гораздо больше. Три четверти монастырей было закрыто. То есть трагедия для Русской церкви была гораздо более масштабной и гораздо более ощутимой, чем то, что происходило в 1920-е – 1930-е годы. Это был действительно полный крах, когда для них вроде бы уже не осталось никакой надежды ни на возрождение, ни на восстановление.

Почему это произошло? Что послужило импульсом для этих страшных гонений и репрессий?

Запустили этот механизм два маленьких постановления Совета министров СССР. Одно было, если не ошибаюсь, от 16 октября 1958 года. Это постановление обязывало религиозные организации платить налог со строений и земельных участков. Следующим постановлением Совета министров было установлено налогообложение доходов предприятий епархиальных управлений. И следующее постановление Совета министров запрещало церквям продавать прихожанам церковные свечи по ценам, превышающим закупочные.

И мгновенно обрушилось все. Притом что послевоенное церковное возрождение было, скажем так, не слабее сегодняшнего.

Давайте обратимся к документам. Вспомним, что не так давно говорил по этому поводу архиепископ Иркутский и Читинский Хризостом: *«Помню 1940-е годы. С 1943 по 1954-й у нас тоже было возрождение, даже более мощное, чем сейчас. Открывались храмы тысячами, священнослужители имели возможность административной и пасторской деятельности. Начали мы все с того, что покупали себе роскошные дома на самых видных местах, красили глухие заборы в зеленый цвет, а машины были у нас не просто «Волги», а ЗИЛы».*

И ведь это не какая-то атеистическая литература. Это материалы Поместного собора Русской православной церкви, издание Московской патриархии 1990 года. И мы видим, что всего лишь тремя маленькими постановлениями, по сути запрещающими спекуляцию свечками, все было обрушено. Подозреваю, что и в будущем, вероятно, нельзя застраховаться от подобной ситуации.

И тогда эта вся идеологическая мгла развеется в одночасье. Тогда снова в Россию будет возвращена свобода мыслить, свобода не слушать людей, не имеющих ни малейшего права учить нас жизни, а всякие там духовные скрепы будут направлены туда, где они и должны находиться, – то есть непосредственно в металллом.

Иисус Тангейзерович Чаплин

Иисус Х. вернулся в медийное пространство. Благодаря «Тангейзерам» и «Шарли» этот персонаж древнееврейского фольклора существенно освежил свой рейтинг и по узнаваемости почти догнал Милонова, Гундяева и Кобзона.

В связи с этим стал уместен вопрос: а кто он, собственно говоря, такой? И на каком основании его имя разместилось столь близко к титаническим фигурам «русского мира»?

Как выяснилось, внятного ответа на этот простой вопрос не может дать никто. Конечно, есть каноническая характеристика Иисуса Х. Она заключается в том, что очень свирепое божество по имени Иегова неким необъясненным способом – вероятно, минуя влагалище, фаллопиевы трубы и воронку, – вселилось в матку еврейской девочки и зачем-то провело там нормативные девять месяцев пренатального периода.

По всей вероятности, Иегова вынужден был пройти все полагающиеся стадии эмбриогенеза. Родившись обычным порядком, божество получило новое «земное» имя – Иисус, а спустя какое-то время приобрело профессию раввина, т. е. учителя и толкователя Торы, наделенного правом проповедовать в синагогах.

Судя по всему, отчаявшись перевоспитать «избранный народ» с помощью потоков, огненных дождей и массовых убийств, божество решило вразумить их личным исполнением нотаций о любви к ближнему – очень предусмотрительно не конкретизировав, кто этим «ближним» является, а кто нет.

Далее разыгралась драма, типичная для того экзальтированного времени: пиры, предательства, проповеди, исцеления, блудницы, хождения по воде, бичевания, багряницы и хаотичные марширады от одного села до другого.

В итоге всесильное и принципиально бессмертное божество разыграло перед врагами и поклонниками спектакль собственной смерти. Умереть оно не могло никак и ни при каких условиях, о чем знало. Хотя бы в силу того, что являлось всемогущим и бессмертным богом, создателем и управителем всего мира (или же его некоей

неотделяемой и единосущной частью). По истечении небольшого срока уже похороненное божество полностью восстановило все свои физиологические функции и в полном здравии предстало перед публикой, после чего, считая свою миссию оконченной, «вознеслось».

О вознесении, то есть, по всей вероятности, о вертикальном взлете, мы не имеем никаких данных. Евангелия скупно констатируют сам факт «взлета», ни единым словом не конкретизируя скорость божества, его траекторию, направление и другие параметры полета. Строго говоря, перед нами хороший опыт экстремального туризма, но другие персонажи мирового религиозного фольклора проделывали фокусы не менее оригинальные, чем Иисус.

Как видим, вопрос, кто это вообще такой, пока остается без ответа.

Долгое время Иисус Х. фигурировал только в поповских заклинаниях и был мало кому интересен, кроме так называемых верующих. Впрочем, даже они особо не углублялись в подробности происхождения своего кумира и в его коммерческое значение. К тому, что Иисус Х. регулярно «ходил по рукам» киношников, эстрадников и живописцев, все относились спокойно. У Иисуса неплохо получалось работать «перчиком», без особых затрат принося трагизм в любую ахинею.

Сейчас ситуация поменялась. До церковников наконец дошло, «кто это такой», и красавец Чаплин повел поповские полки на штурм провинциального театра, который решил добавить пикантности в какую-то оперную скупотищу.

Следует понимать, что поповские стенания про «оскорбление чувств», как и все на свете, имеют простую финансовую подоплеку. В действительности – Иисус Х. является неплохим брендом. Конечно, он не так успешен, как значок «Кока-колы» или странная козябра General Electric. Но ему не откажешь в узнаваемости и, соответственно, в доходности.

Отметим, что поповская обида на режиссеров, эстрадников и романистов, стригущих раскрученный церковью образ, совершенно справедлива. Именно попы в течение многих сотен лет вкладывались в Иисуса Х., финансируя создание его бесчисленных изображений, а также посвященных ему песен, зданий, речовок и представлений. Теперь они

хотели бы пользоваться Иисусом единолично, выжимая из этого бренда все для себя самих.

Тангейзерный скандал показал, что делиться Иисусом попы ни с кем не намерены. Это понятно. Непонятен только дикарский стиль церковников. Вместо того чтобы юридически оформить свое исключительное право «на любые изображения и упоминания» Иисуса Х., они опять начали строчить кляузы, скандалить и потрясать статьями УК.

Надо отдать им все права на этот бренд. Пусть единолично им пользуются. Они это заслужили. Вероятно, образ Иисуса быстро задохнется в безвоздушном пространстве церкви. Но невелика беда. Мы неплохо знаем те компоненты, из которых он собран.

Невозможно найти образ, который был бы столь же вторичным и собирательным, как Иисус Х. Беззастенчивость, с которой его евангельская «биография» сшивалась из обрывков полузадушенных магий и мертвых культов, можно извинить лишь поспешностью, с которой создавалось новое верование, а также необходимостью набрать хоть какую-нибудь биографическую фактуру для нового божества.

Присмотримся.

От ассиро-вавилонского бога Мардука евангельскому Иисусу достались в «наследство»: шутовская коронация, багряница, избиения, терновый венец, казнь, спасение своего народа от гнева злых духов ценой своей жизни, стражники при гробнице, разбегающиеся в ужасе при виде воскресшего мертвеца, и даже въезд в город на ослике.

От финикийского Адониса и фракийского Диониса – вся история со сброшенными погребальными пеленами, хождение по воде, пещера-гроб, а также некоторые нюансы воскресения.

От фригийского Аттиса – водяное «крещение», превращение воды в вино, трехдневный срок пребывания в смерти перед «воскресением», прощальная «тайная» вечеря с учениками и «причастие».

От греческого Асклепия – способы исцеления слепца при помощи намазывания ему век слюной.

От Гора, Диониса и Гермеса – рождение в хлеву.

От Митры, Гора и Кришны – звездочеты-волхвы, навестившие новорожденного бога в «вертепе», а также рождественская «звезда» и вся история с избиением младенцев и бегством.

«Моральная» часть Евангелий целиком плагиатирована из египетских и митраистских источников, а факт «вознесения» – это всего лишь апофеоз старой доброй левитации, описанной еще Лукианом в его рассказе о «гиперборейских фокусниках».

Отметим, что все упомянутые боги были непорочно зачаты, родились в пещере или в хлеву от матерей-девственниц; всем им демон или злой дух предлагал богатство и власть; все умели ходить по воде, летать и исцелять; все умерли во «искупление» чего-нибудь, а не просто так, и все, разумеется, воскресли.

Идеологи христианства уже давно нашли очаровательное объяснение скандальных «совпадений». По мнению Тертуллиана и прочих «отцов церкви», разумеется, это «козни дьявола и демонов». *«Для того чтобы осмеять Христа и заставить людей считать, что христиане лишь копируют веру в языческих богов, демоны стали вдохновителями мифологии. Демонам было заранее известно, чему будут учить христиане, и поэтому они измыслили сходные мифы и обряды и коварно разыграли их до евангельских событий» (цит. по: Дж. Б. Рассел. Сатана: восприятие зла в ранней христианской традиции. 1981).*

Понятно, что каждое из упомянутых божеств тоже не было самостоятельно и оригинально. Атгис, Дионис, Митра, Озирис и пр., в свою очередь, «сделаны» из элементов своих предшественников, богов еще более ранних и, вероятно, более примитивных, родословия которых уходят к духам неолита.

Разумеется, у любого божества есть свой «срок годности». Иногда он заканчивается вместе с особенностями века, который его породил и культивировал, иногда божество естественным образом утрачивает кредит доверия и аннулируется. А новая эпоха рвет просроченных богов на лоскутья, чтобы сшить из них что-нибудь модное и новенькое. Конечно, сконструировать принципиально новое божество будет очень сложно. Все лоскутья слишком хорошо известны, а набор их ограничен.

Но из этой непростой ситуации все же есть выход. Ищущим символы подлинного драматизма оперным режиссерам, пафосным романистам и культуре в целом следует присмотреться к чукотскому Пивчунину. Этот бог был знаменит своими крохотными размерами – по разным данным, от 3 до 12 см. Своей миниатюрностью он умело

пользовался, незаметно проникая под юбки и в *rima pudenti* девственниц. Оказавшись там, разумеется, он совершал непорочное зачатие. Порочное для него было затруднительно по причине небольшого роста.

Дурочка Клио или Почему историю не следует изучать в школах

Распады больших государств хороши уже тем, что наряду с различными драмами они предлагают еще и набор первосортных головоломок. Сегодня тоже все идет как по нотам. Свернувшись калачиком, безропотно дохнет рахитичная экономика. Рядышком, уткнувшись в пустые соски, помирают ее «щенята». То есть всякие там иллюзии, науки, надежды, права, дерзновения и законы. Солдафоны, сияя кокардами и шевеля усами, строятся для своего «последнего и решительного» канкана. Их не смущает тот факт, что в XXI веке канканировать придется не под Оффенбаха, а под Гейгера.

Но помимо этих «мелких радостей», типичных для смуты XXI века, образуются, как мы уже говорили, и весьма любопытные головоломки. Вполне достойные изучения. В частности, к таким относится приступ общенародной злобы, адресованный всему миру вокруг. Эта злоба иррациональна и необъяснима, а скорость ее распространения завораживает. Обычно она именуется красивым словом «патриотизм», но суть ее от этого не меняется. Она остается чистой злобой, чуть подслащенной национальным нарциссизмом и истерической покорностью «начальству». Примерно то же самое уже было в России лет сто назад. Но тогда данный феномен как-то не успели обследовать. (Помешали украшенные пулеметными лентами матросы и другие евреи.)

Такая эпидемия злобы – крайне любопытное явление. Не совсем понятно ее происхождение и причины возникновения. Также остается загадкой, в чем именно она черпает силы для своего триумфального шествия по стране.

Разумеется, некоторую роль в ее распространении играет пропаганда. Но эта роль не так велика, как принято думать. Как известно, порнографический журнал способен вызвать эрекцию, но он никому не может вырастить пенис. Не следует записывать в распространители эпидемии и церковь. Конечно, возбуждение злобы – это прямая обязанность данной организации, но влияние церкви остается ничтожным. Бедняга Гундяев как сидел, так и сидит,

обнявшись с одним-единственным процентом рейтинга «народного доверия».

Подозрительно легкий ответ на наш вопрос о происхождении истерической покорности русских своему начальству предлагает социология. Действительно, согласно ВЦИОМу, через много лет метаний и страстей в 2015 году российское общество застыло в знакомых цифрах: 85 % покорных и 15 % непокорных. Напомню, в течение очень долгого времени примерно таким было соотношение крепостных людей и свободных граждан в царской России.

Согласитесь, аналогия многозначительная и весьма лестная для современных вольнодумцев. Но! Эта версия не может быть поддержана данными генетики. Скорее, наоборот: ДНК не занимается такими пустяками, как передача сословных особенностей. Так что эту гипотезу придется отбросить, а схожесть цифр списать на забавное совпадение.

И все же попробуем разобраться в этом феномене. При этом мы обязаны помнить, что наши «вычисления причин» могут быть и ошибочными. Ведь простое мышление – это худший вид математики. Используя его, мы обречены заменять точность чисел скудными словами и размытыми понятиями. Даже если, следуя правилам математики, мы будем скрупулезно удалять из мышления все «личное», то все равно возможна любая досадная ошибка. И все же попробуем.

Итак. В чем же причина той эпидемии злобы, которая называется «патриотическим подъемом»? На первый взгляд все очень просто. Существует ясная взаимосвязь: чем ниже уровень интеллекта особи, тем выше ее потребность ощущать свою принадлежность к сильной и многочисленной стае. Это нормальное свойство homo, унаследованное от тысяч предковых поколений. Чем стая свирепее и бесстыднее, тем сопричастность к ней становится слаще. Возникает культ стаи, разоблачать который бессмысленно. Отметим, что к слову «стая» мы можем подобрать любой эпитет: «народ», «нация», «отечество». Суть от этого не изменится.

Но!

Не всегда все складывается, как хотелось бы homo. По разным причинам «родная» стая может быть сконфужена, ослаблена или «опущена». В этом случае особи логично было бы примкнуть к

другому, более успешному сообществу и вновь обрести «комфорт сопричастности». Но это не всегда возможно, так как языковые, финансовые и географические нюансы препятствуют легким переходам из одной стаи в – другую.

Что же делать в таком случае? Есть ли лекарство, позволяющее утолить эту «национальную боль», которая может быть и весьма острой? Разумеется, есть. Если сегодняшние успехи стаи весьма скромны, то в ход идет так называемая история. Рисуя величавые картины давнего и недавнего, она вопреки любой очевидности помогает особи вновь ощутить себя частью сильного и агрессивного сообщества, испытывающего лишь временные трудности. В этом и заключена волшебная сила и притягательность истории, а также ее основная функция.

Дело в том, что почтительная страсть к прошлому не имеет никакого другого рационального объяснения. Более того, с точки зрения здравого смысла уважение к прошлому можно характеризовать только как странное извращение.

Поясним. Вспоминая Наполеона или Суворова, мы, конечно, можем умиляться блеску пуговиц на их мундирах. Но при этом не следует забывать, что речь идет о существах, находящихся на гораздо более низком уровне человеческой эволюции. Ведь «человек» – это только то, что он знает. А этим персонажам было неведомо еще слишком многое из того, что сегодня стало общим местом. Соответственно, их восприятие мира, их рефлексия и поведение были существенно примитивнее нашего.

Тем не менее культ истории силен и популярен. Причина этой популярности отчасти понятна. Теперь давайте рассмотрим качество самого культа.

Дочь Мнемозины и Зевса, тихая девочка Клио, задумывалась греческими мифологистами как особа строгая и благопристойная. Ей вменялось в обязанность держать грифель и свиток, а также важным девичьим голосом перечислять заслуги забытых мертвецов. Конечно, она должна была хорошо выглядеть, но при этом не позволять никому задирать свой мраморный подол. Так бы оно, вероятно, и было, если бы Клио, как ее сестрица Урания, стала богиней астрономии или опекала трагедию, как Мельпомена. Но девочка на свою беду стала богиней истории. Тут-то и выяснилось, что по известным причинам ее

хотят все, так как всем нужно героическое прошлое. Подлинное или вымышленное.

Три тысячи лет непрерывных изнасилований изменили характер «девочки со свитком». Клио научилась по щелчку пальцами принимать нужные позы. А в зависимости от глубины пенетрации – издавать оргазмические крики строго в соответствии с пожеланиями насильника.

С известной долей уверенности можно утверждать, что не менее 99 % так называемой истории является просто ссылками одних фантазеров на других. История так и не приобрела ни одного признака науки: она не содержит в себе никаких проверяемых и повторяемых компонентов и не может быть подвергнута экспериментальному анализу. Да, есть артефакты, раскопочный материал и материальные свидетельства. Но, как известно, трактовать их можно любым удобным образом.

По всем параметрам история является всего лишь разновидностью беллетристики, специально приспособленной для утешения наций в их трудные минуты. А вот подлинное прошлое человечества, выдавленное нужными и красивыми мифами, по всей вероятности, утрачено уже безвозвратно.

Возьмем ближайшее к нам масштабное историческое событие – Вторую мировую войну. Даже здесь мы увидим, что большая часть фактов уже успешно и непоправимо деформирована. Мясники и мародеры превращены в великих полководцев, реальные герои подменены удобными, а важнейшие причины победы аккуратно забыты.

Если мы двинемся чуть глубже в века, то обнаружим возрастание этой деформации фактов. Здесь уже присутствует полная перелицовка самого смысла событий. К примеру, трагическое, но от этого не менее позорное поражение русской армии при Бородино превратилось в «победу русского оружия». Конечно, тут не обошлось без Толстого и других переплавщиков исторической фактуры в беллетристику. Впрочем, то, что было не по зубам историкам, всегда удавалось литераторам.

Вспомним Лжедмитрия. Почти за сто лет до Петра I он начал реформировать Россию: открыл границы, разрешил хождение всех валют, узаконил музыку и живопись, выписал ученых из Польши и

Германии, запланировал создание университетов, отобрал у попов доходы, переименовал Думу в Сенат, начал реформу армии. Но для поэта Пушкина Лжедмитрий – это грязный Гришка, примитивный авантюрист, пытавшийся изувечить лик «святой Руси». А вот Петр I, который делал ровно то же самое, что и Лжедмитрий, – герой и гений.

Как это могло получиться? Очень просто. На тот момент уже сложилась «культурная традиция» восхищения Петром и возмущения Лжедмитрием. Как можем убедиться, эта традиция водила поэта на очень коротком поводке, по своему усмотрению заставляя его либо облизывать, либо облаивать различных персонажей.

Исходя из всех этих хрестоматийных примеров, мы вправе предполагать, что по мере еще большего «углубления в прошлое» деформация фактов возрастает в геометрической прогрессии, полностью искажая и перекраивая все, что возможно. Вероятно, мы никогда не узнаем, какой в действительности была русская история.

Это досадно, но никакой трагедии в этом нет. Мы понимаем, что знание предковых форм не является обязательным условием для продолжения развития вида. А для публики есть специфический миф, успешно утоляющий ее «национальные боли». Миф свирепый и примитивный, выстроенный лишь на крови, хвастовстве, штыках, безостановочном грабеже соседей и невиданном «величии». Вероятно, это именно он и питает очередной приступ общенародной злобы. Снять приступ возможно. Но для этого необходимо удалить или радикально изменить сам миф, который русские всерьез считают своей «исторической памятью». Лучше, конечно, этого не делать, так как взамен этого мифа предложить нечего. Но, в очередной раз щадя его, все же следует помнить, что у такого «прошлого» всегда хватит сил давить любое будущее.

Красавец Декарт

Конечно, наука XVII столетия была фантасмагорическим месивом, в котором обоснованное и точное переплелось с самыми дикими домыслами. Работы Кеплера соседствовали с улетевшим к Сатурну препуцием Христа, а грубейшие ошибки Кирхериуса имели тот же вес, что и открытия Ферма.

Углубление во всё без исключения тогда было столь же нереальным, как и сегодня. Или еще невозможнее.

Сегодня у нас есть законы естествознания. Все, что им противоречит, может быть смело и безоговорочно отбраковано. Мы можем не принимать во внимание (или не воспринимать всерьез) летающие препуции, психотерапии или «внетелесные ощущения».

Тогда эти ориентиры еще не были сформулированы. Все было гораздо сложнее и запутаннее.

И это было прекрасно, так как только безбрежный и бездонный эпистемологический хаос XVII века мог породить фигуру, способную этот хаос укротить и упорядочить. По логике развития науки она непременно должна была выйти из «пены столетия».

Эта «Афродита» не замедлила явиться.

Ею стал профессиональный солдат-наемник, картежник и дуэлянт Рене Декарт. Он же Картезий, или Картезиус, т. к. академические правила того времени требовали от ученого латинизировать имя.

Его образование ограничилось иезуитской школой в Ля-Флеш, где Декарта обучили латыни, начаткам простой математики, а также иезуитской логике.

Окончив школу, Декарт отправился воевать.

Разумеется, не за родную Францию, а за талеры и гульденy. Под знаменами Максимилиана Баварского он брал Прагу, а под барабаны принца Оранского громил арминиян.

Попутно он странствовал, картежничал, брюхатил дам и девиц, богохульничал, пьянствовал, пиратствовал, курил табак, дрался на дуэлях, то есть вел очень здоровый образ жизни.

Периодически Декарт затворялся в глуши и шлифовал линзы. Или навещал бойни, где изучал свиные сердца.

Впрочем, не только сердца и не только свиные.

Вспомним известный пример, характеризующий его как весьма дерзкого экспериментатора.

Проделав в ставне на окне своего кабинета отверстие, Декарт закрепил в нем свежвынутый бычий глаз, «смотрящий наружу». С задней стенки глаза он соскоблил слой тканей и получил возможность «через глаз» созерцать миниатюрное, перевернутое изображение собственного двора.

Его эмбриологические занятия тоже стоят отдельного упоминания.

«Я однажды заставил убить корову, которая, как я знал, недавно зачала, исключительно с целью осмотреть ее плод» (Декарт, письмо к Мерсену от 2 ноября 1646 г.).

Он никогда и нигде не преподавал, да и вообще избегал академической среды. В частности, известно, что по необъяснимым причинам Декарт уклонился от знакомства даже с Галилеем.

Свои дни он закончил при дворе шведской королевы Кристины, приняв отравленную облатку из рук иезуита Жака Виоге, так как орден Иисуса стало раздражать влияние Картезиуса на юную королеву.

Конечно, ему больше пошел бы костер, но сентиментальные иезуиты решили по-братски обойтись с выпускником школы Ля-Флеш и ограничились ядом в причастии.

Чем именно начинил Виоге «тело христово», осталось неизвестным, но умер Декарт в муках.

Дальше все складывалось еще удачнее: его сочинения были внесены в INDEX LIBRORUM PROHIBITORUM, а специальным указом Людовика XIV во всех университетах Франции было запрещено поминать даже имя Картезия.

Жизнеописание Декарта, разумеется, не может вызвать ничего, кроме зависти. Хотя его отчасти и перещеголял Хокинг с боковым амиотрофическим синдромом, тем не менее биография Рене Декарта и по сей день является эталонной для ученого.

Впрочем, дело не в этом.

Следует напомнить, что мы говорим о человеке, который с поразительной легкостью перевернул и структурировал европейскую науку.

Он подарил метод, с помощью которого из любого месива знаний можно изъять самое необходимое и важное, отсеяв пустяки и лишние подробности.

Картезий утвердил очевидное: «Все науки настолько связаны между собой, что легче их изучать все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих...» (Декарт. «Правила для руководства ума». Правило 1.)

Его «Рассуждение о методе, позволяющем направлять свой разум и отыскивать истину в науках» не утратило эффективности и сегодня. Определенные неудобства доставляет архаичность стиля, но ее преодоление щедро вознаграждается.

Более того, без применения декартовского метода «снятия сливок со всех наук» попытка разобраться в происхождении жизни сегодня обречена на полный провал.

Не случайно один из первых авторов теории абиогенеза Джон Бэрдон Сандерсон Холдейн (1892–1964), основоположник биохимической генетики, основал общество «картезианцев» и первым в XX веке применил разработанные Рене Декартом методы.

Необходимо уточнение. Под картезианством (в данном случае) имеется в виду не философская система и не мерещившаяся Декарту «двойственность мира». Отнюдь. Мы говорим лишь о механике мышления. О способности дерзко и безошибочно обобщать.

Конечно, применение картезианского метода обрекает на некоторую поверхностность, а порой и на забавные мелкие ошибки.

По поводу ошибок можно не беспокоиться. Если идея имеет ценность, то в науке достаточно уборщиц, которые охотно приберут неизбежный мусор. Надо же чем-то заниматься полчищам доцентов, которым робость и «закомплексованность» не позволяют вычерчивать парадигмы или совершать реальные открытия.

Особо опасное мышление. Из истории фриков

Макс Борн еще в 1968 году хладнокровно отметил, что «наука разрушает этический фундамент цивилизации». Будем надеяться, что Борн прав и дело именно так и обстоит. Плохо лишь то, что наука разрушает этот негодный фундамент слишком медленно.

Вспомним, что «этика», как, впрочем, и все прочие «красивые» понятия, предназначена для придуманного существа, не имеющего ничего общего с реальным человеком. Когда данный «фундамент» создавался, homo еще ничего не знал о самом себе. И уж разумеется, не ожидал, что из «венца творения» он будет скоро разжалован в сообразительное, но очень агрессивное животное, навсегда обреченное таскать в себе свойства всей предшествующей ему эволюционной цепочки.

Гуманисты наивно удивляются абсолютной неспособности этики всерьез влиять на поведение человека. Но в этом нет ничего странного. Та этика, что была придумана для правнуков Адама, непригодна для потомков диметродона.

Как мы видим на примерах прошлого, ставка на этот фиктивный «этический фундамент» непременно приводила к очередному конфузу: по самому пустяковому поводу homo снова и снова заваливал планету трупами, насиловал, разрушал и калечил, существенно тормозя развитие своего вида. Затем он делал передышку и вновь предавался любимой забаве. Впрочем, как мы знаем, и само мастерство трупотворения, воплощенное в культуре солдафонов и военной героике, тоже является существенной частью «этического фундамента».

По множеству причин его разрушение, подмеченное Борном, идет недопустимо медленно. Особых надежд на скорое и эффективное его уничтожение, разумеется, нет. По всей вероятности, прежде чем наука разгромит эту фальшивку и на смену ей будет создана какая-нибудь новая основа для поведения, более подходящая реальному homo, люди трижды успеют захлебнуться в собственном гное.

Почему?

Прежде всего по причине весьма неспешного развития самой науки. Эта неспешность имеет много причин. В первую очередь это, конечно, весьма ограниченные возможности мозга человека и та «деменция», которую homo унаследовал у прямых предков, миллионы лет являвшихся обычными стайными животными-падальщиками.

Тормозит развитие науки и культура, почти целиком основанная на нарциссическом культе «венца творения».

Еще одной существенной причиной является тот факт, что свободомыслие нигде не преследуется с такой яростью, как в академической среде, а реальные движители науки немедленно получают клеймо «-фриков».

Всякому пришедшему в «мир науки» гораздо комфортнее встроиться в марширующие колонны доцентов, выучить их корпоративные кричалки и всю жизнь покорно «считать свои ракушки». Эта серенькая судьба незавидна, но она полностью страхует от самых страшных обвинений – в занятиях «лженаукой» и во «фричестве».

Судьба Галилея и его условного «близнеца» в XX веке Освальда Теодора Эвери – прекрасная иллюстрация к обширной и поучительной истории фриков.

Драма доктора Галилео, как и все, что принадлежит истории, не содержит фактов в серьезном смысле этого слова. Следовательно, мы можем несколько «округлять» имеющуюся условную фактуру, то есть делать то же самое, что стыдливо (и молча) делают все – историки.

Конечно, есть некая грань в бесстыдстве интерпретации. Ее всегда приятно переходить, но в данном случае этого, к сожалению, не потребуется. История Галилея, как ее ни поверни, не потеряет своих главных очертаний.

Говоря о XVI и XVII столетиях, мы делаем ошибку, размежевывая науку того времени и церковь. Это неверно. Церковь и наука были одним целым.

В XVII веке официальных ученых, ориентированных на обеспечение богословской картины мира, были тысячи. Каждый из них имел возможность публиковаться и занимать кафедры лучших университетов. Мы можем, конечно, следуя традиции, назвать их «схоластами», но это обозначение будет очень условным.

Отметим, что среди «схоластов» были не только мастера красивого шарлатанства или подтасовщики фактов. Ничего подобного. В большинстве это были абсолютно добросовестные исследователи.

Да, они не сумели преодолеть притяжение «христианской истины» и именно под нее «гнули и рихтовали» естественные науки. Но делали они это вполне искренне и самоотверженно.

Именно официальная наука Ватикана и считалась настоящей ученостью, а такие, как Бруно, Коперник, Галилей и Везалий, имели репутацию «фриков», экзотических прыщиков, вскочивших на благородном носу подлинного знания.

Коперник не случайно так долго тянул с публикациями своих открытий, понимая, что *De Revolutionibus Orbium Coelestium Libri Sex* будет квалифицированно осмеян и объявлен лженаукой. Он писал: «Меня пугает мысль о презрении из-за новизны и отличий моей теории» (*цит. по М. В. Халла. The Scientific renaissance 1450–1630*).

Как выяснилось чуть позже, Коперник оказался прав. Его труд на долгое время стал объектом не академических обсуждений, а лишь насмешек. Над ним глумились многие. От авторов популярных дидактических поэм и энциклопедий (Де Бартаса и Ж. Бодена) до столпов науки (Тихо Браге и Ф. Бэкона).

С церковной же точки зрения никакого особого криминала в работе Коперника не наблюдалось. Папа Лев X отнесся к ней иронично, но весьма доброжелательно, а кардинальская курия его поддержала. В 1532 году система Коперника была официально представлена на чтениях в Ватиканских садах, причем не кем-то, а личным секретарем папы. Коперниканство вообще воспринималось благодушно, пока ситуацию не обострил скандалист Бруно, объявивший себя его верным адептом.

В XVI–XVII веках научная ревность уже существовала. «Специалисты» умели защищать свои «владения» от любых чужаков. Чтобы получить право голоса в науке, необходимо было примкнуть к соответствующей касте (астрономов, химиков, картографов), разумеется, полностью разделяя ее взгляды по всем ключевым вопросам. Была отработана и тактика нейтрализации диссидентов и пришельцев, нелегально пробравшихся в дисциплину. Она была примитивна, но она работала.

Каста умело использовала тактические преимущества своей «высоты». Она устраивала академический погром новых взглядов, а затем обязательно спускала свою оценку «этажом ниже», к беллетристам, прессе и интеллигенции (в самом широком смысле этих понятий, вполне применительных и к XVII веку). Те, мало понимавшие в сути вопроса, но доверяющие званиям и титулам, охотно начинали травлю, за пару лет превращая практически любого новатора в посмешище. Так повторялось из века в век.

Копернику, разумеется, припомнили то, что по профессии он церковный староста, но в астрономии – дилетант; Галилею рекомендовали почаще глядеть в клистир, а не в телескоп, намекая на его основную профессию.

Периодически возникали отчаянные персонажи, которые пытались ломать хребты и академической касте, и ее подпевалам. Если дело доходило до открытого и упорного противостояния, то в ход шли дрова. Как показал пример Бруно, пяти полениц хватало, чтобы прекратить любой спор, ставший некомфортным для академиков.

Драма Галилея – это отнюдь не конфликт церкви и знания. (Такое представление сложилось под влиянием пристрастных атеистических брошюр.) Конечно, христианская составляющая в этой истории была, но отнюдь не она была доминантой. Драма Галилея – это преимущественно внутринаучное противостояние; это схватка благородного академизма с дерзким «фриком», зачем-то посягнувшим на здравые и, как тогда казалось, очень перспективные представления о Вселенной.

Присмотримся.

Обвинители и судьи Галилея – исключительно ученые. Пусть вас не вводят в заблуждения их церковно-иерархические титулы. Инициировавший и возглавивший процесс папа Урбан VIII (Маттео Барберини) – известный астроном своего времени, убежденный геоцентрик, последователь Аристотеля и Птолемея. Кстати, именно Урбан VIII с предельной резкостью осудил «охоту за ведьмами» в Германии и первым сократил бюджеты провинциальных консисторий инквизиции. Барберини, до того как стал папой, много лет дружил с Галилеем и даже посвящал ему восхищенные стансы. Друзья подолгу и страстно спорили о «конструкции неба». Более того, та работа Галилея, что стала основным предметом обсуждения на процессе,

была сделана по прямому указанию Урбана, предложившего Галилею сравнить системы Птолемея и Коперника в фундаментальном труде.

Как видим, главное действующее лицо процесса, папа Урбан VIII, на роль фанатика-мракобеса категорически не годится.

Второй по значимости (заочный) персонаж – великий инквизитор, кардинал Роберто Беллармино. На его мнение в ходе дознания постоянно ссылались обе стороны. Он был не просто знаменитым ученым, но настоящей звездой академизма. И тоже если и не другом, то приятелем Галилея. Его отношение к коперниканству как к научной гипотезе отнюдь не было «инквизиторски» однозначным. Именно он в свое время пожурил астронома за излишнюю приверженность к занятой, но «лженаучной» идее движения Земли и предложил Галилею изыскать доказательства поубедительнее, чем простые ссылки на Коперника.

Еще в 1616 году Беллармино дал научное заключение, в котором черным по белому было начертано: «Если сказать, что предположение о движении Земли и неподвижности Солнца позволяет представить все явления лучше, чем принятие эксцентриков и эпициклов, то это будет сказано прекрасно и не влечет за собой никакой опасности. Для математика этого вполне достаточно».

(Впрочем, умерший в 1623 году Беллармино присутствовал на процессе 1633 года лишь в виде очень влиятельной тени.)

Прочие фигуранты процесса как непосредственные, так и заочные, участвовавшие в нем своими трудами или консультациями, сплошь математики, механики и астрономы. Иезуит Горацио Грасси был исследователем природы комет, а Киарамонти – создателем фундаментального труда *De tribus stellis quae annuis*. Столь же высок был научный авторитет Ф. Бонавентуры, Дж. Полакко (автора *Anticopernicus catholicus*), В. Магно, Клавия (Христифора Клау), А. Фоскарини и других обвинителей и осторожных защитников.

Никто из этих ученых мужей не стал бы оспаривать шаровидность Земли, длину ее экваториальной окружности или сам факт движения планет. Они прекрасно знали работы Эратосфена Киренского, Аристотеля, Птолемея, Кеплера и легко чертили геоцентрические схемы Тихо Браге. Любой из этих «схоластов» мог математически доказать, что коперниковские (пруссские) таблицы

местоположения планет имеют ряд существенных изъянов, заметных любому «настоящему» астроному.

«Схоласты» в совершенстве знали современную им физику, следовательно, были убеждены, что тело обладает лишь одним видом движения и уже по этой одной причине Земля не может одновременно вращаться вокруг собственной оси и двигаться вокруг Солнца. Они искренне полагали, что на их – стороне не только научные хитросплетения, но и самый обыкновенный здравый смысл: под их ногами ничего не вращалось, а планеты явно кружили вокруг Земли, то отдаляясь, то приближаясь. Коперниковская система, на которой базировались взгляды Галилея, для «схоластов» была ошибкой, уже сданной в архив по причине своей нелепости. А упрямство фанатично преданного ей Галилея – антинаучной выходкой милого, но «спятившего старика», тормозящей развитие естествознания.

Мы все как-то подзабыли, что в качестве существенного аргумента в пользу доказательства вращения Земли Галилей предъявлял наличие на ней... приливов и отливов. При этом он категорически отрицал влияние Луны на эти явления. Ошибочность данного аргумента уже тогда была очевидна.

Галилей, как и любой homo, вообще умел и любил ошибаться. Он делал это сочно и яростно. В научном споре с Орацио Грасси, ученым иезуитом (который был консультантом папской стороны процесса), Галилео утверждал, что кометы – это испарения земли, «нагревающиеся за счет своей исключительной мягкости». Грасси возражал: кометы – это вполне реальные космические тела, имеющие свои орбиты. Галилей весьма едко высмеял иезуита, но, как выяснилось впоследствии, прав был все-таки Орацио.

Повторяем: конечно, в процессе затрагивалась и церковная догматика, но лишь по той причине, что Библия вообще была точкой отсчета того времени, в том числе и для науки. Но если бы сутью процесса был конфликт гелиоцентризма и догматов веры, а обвинители – церковными фанатиками, то Галилея сожгли бы без всяких собеседований, споров и увещаний.

Главная загадка этого судилища – грубейшее нарушение всех правил и принципов инквизиционного дознания. Установив преступление против основ веры и получив его неопровержимое

доказательство в виде признания, Урбан VIII обязан был отправить Галилея на костер. Однако этого не случилось.

Еретик, успевший растиражировать свои взгляды в книге, не был даже заключен хотя бы на год *murus largus*, то есть так называемым легким заточением, предполагавшим сухую камеру, без приковывания к стене, полу или потолку. Следует отметить, что сам процесс дознания производился не в подвалах инквизиции, а в одном из римских дворцов. Галилей провел под замком всего несколько дней после третьего (второго?) допроса. Местом его краткого заключения были пятикомнатные дворцовые покои с видом на Ватиканские сады. Галилею был придан слуга и камердинер.

Чуть позже папа устал переубеждать старика, вспылал и предъявил в защиту геоцентрической теории набор щипчиков из пыточного арсенала инквизиции. (Его лишь показали обвиняемому, да и то издали.) Галилею этот довод показался настолько убедительным, что он сразу признал научную правоту своего старого друга Барберини.

После отречения Галилей был направлен «под домашний арест» в поместье Алчетри, где до своей смерти проживал с родственниками, прислугой, с правом принимать гостей и заниматься исследованиями.

Невозможно объяснить и тот факт, что на Галилея так и не было возложено никакой епитимьи, хотя любой нарушитель границы церковных канонов как минимум приговаривался к нашивке на одежду желтых кругов и крестов, оповещавших, что их носитель повинен в «некоторой» ереси.

Как видите, стоило нам присмотреться повнимательнее, отбросив стереотипы, и на наших глазах история Галилея превратилась в тривиальную цеховую склоку астрономов, в состязание гипотез, которое формально выиграл Ватикан, заклеивший взгляды оппонента «лженаукой».

От того, что происходит сегодня в Кембридже или Миланском университете, «гелиоцентрическая драма» отличается лишь наличием властных возможностей у одной из дискутирующих сторон. Ничем более.

Папа при этом повел себя не как церковный – иерарх, а как рыцарь и ученый. Приговор Галилею (с поправкой на жесткость того

времени) – это блестящий образчик академической учтивости и благородства.

Если мы поищем аналоги галилеевской истории в «светлых научных столетиях», то обнаружим их без всякого труда. Но ни великодушия, ни жалости к оппоненту мы уже не увидим. Лауреат Сталинской премии профессор Ольга Лепешинская, почтеннейший профессор Фон Гебра, директор Института генетики АН СССР Т. Д. Лысенко, ведущий биохимик Рокфеллеровского института А. Мирский, а также Линнеевский кавалер, глава естественно-исторического отдела Британского музея Р. Оуэн – при возможности «административно» дотянуться до оппонента и уничтожить его проявляли себя гораздо подлее и жестче, чем инквизиторы XVII столетия.

Впрочем, не будем брать «кровавые» хрестоматийные примеры, когда носители самых высоких научных степеней негодяйничали на полную катушку, отправляя несогласных с их гипотезами по тюрьмам, лагерям и психбольницам. Возьмем «мирную» историю Теодора Освальда Эвери (1877–1955), которая в XX веке почти «дословно» повторила драму Галилео Галилея.

Эвери задолго до Уотсона и Крика понял роль дезоксирибонуклеиновой кислоты и провозгласил, что именно ДНК и есть тот самый «трансформирующий агент», управляющий белками и их порядком. На свою беду Эвери не только продекларировал, но и предметно доказал то, что именно ДНК ответственна за хранение и перенос генетической информации. Поставленный им опыт с пневмококковыми бактериями был (и остается) более чем убедительным.

Эвери экстрагировал ДНК из штамма пневмококковых бактерий, которые имели капсулы вокруг клеток и по сему назывались «гладкими». Эвери ввел эту ДНК в те клетки пневмококков, что не имели капсул. Существенное количество потомков обычных бактерий превратились в гладкие.

Что в результате случилось с Эвери? Его унизили всеми способами, растерзали и выкинули из науки. Кто это сделал? Попытка обесы? Нет.

Это сделал авторитетнейший и милейший Альфред Мирский, ведущий биохимик Рокфеллеровского института, устроивший травлю

с «улюлюканьем», загонщиками и «стрелками на номерах». Он лишний раз подтвердил, что является прекрасным организатором научного процесса, мобилизовав для травли безответного Эвери практически всех генетиков и биохимиков Англии и Америки. Мнение о том, что «Эвери в науке не место», стало общераспространенным, а его имя – нарицательным для обозначения «фрика». К издевательствам было аккуратно добавлено прямое административное давление, благо Эвери был работником Рокфеллеровского института.

Теодор Освальд, сделавший одно из самых важных за всю историю науки открытий, не был ни бойцом, ни трибуном. Он вообще не отличался храбростью и умением за себя постоять. Сломленный травлей, он отрекся от своего открытия, признав его ложным, и в связи с «утратой научного авторитета» покинул академический мир, уволился и полностью прекратил все исследования. Он прожил еще несколько лет, не прикасаясь ни к какой литературе, ни с кем не контактируя и ничем не интересуясь. Его домочадцы знали, что любой разговор о генах, кислотах и белках вызывает у Теодора Эвери безмолвные слезы и долгое оцепенение.

До сих пор неизвестно, узнал ли вообще Эвери о том, что его открытие было безоговорочно подтверждено, а сам он номинирован на Нобелевскую премию. К нему пытался пробиться Эрвин Чаргафф, но Эвери отказался общаться, а вскоре умер.

Существуют десятки примеров такого рода. Каждый связан с открытиями в важнейших вопросах познания. И каждый из них есть свидетельство отчаянной дерзости тех, кто не побоялся обвинений в лженауке, клейма «фрика» и презрения доцентской массы.

Конечно, всегда есть риск оказаться реальным дураком и, шагнув через все «сплошные», остаться посмешищем. Но это уже как «карта ляжет».

Вера с ручкой

События на rue Nicolas Appert, 10, очень забавно вздыбили просвещенную публику. Сегодня европейская общественность марширует, негодует, рыдает, возлагает, утирает, заламывает, а также замирает в минутах молчания. Все это сильно напоминает житие святой Прозалирии.

Как известно, святая дама тридцать лет не снимала свои монашеские наряды. Ни днем ни ночью. А когда по какой-то причине она наконец разделась, то с ужасом обнаружила у себя груди, недурной зад и другие анатомические аксессуары явно греховного предназначения. Св. Прозалирия не смогла смириться с этим безобразием, глубоко оскорбившим ее религиозные чувства, и бросилась в монастырский колодец. Утопиться ей не удалось, так как колодец оказался узковат и святая, разумеется, застряла, не долетев до воды.

Примерно то же самое мы видим и сегодня, но уже в исполнении г-д Олланда, Меркель, Кэмерона, а также всей многомиллионной массовки, скорбящей по карикатуристам из «Шарли». Вся эта просвещенная публика (в той или иной степени) долго привечала различные религии, любила поговорить о «вере», «духовности», а также о христианских, исламских или буддийских вечных «ценностях» и их значении. И вдруг с изумлением выяснила, что терроризм – это непременная и обязательная составляющая любой хорошо разогретой «веры». Непонятно, откуда возникла иллюзия того, что религия бывает без терроризма? Без попыток распространить свои взгляды и идеалы при помощи крови, страха, злобы и принуждения?

Последние две тысячи лет «вера» только этим и занималась, заливая мир кровью, озаряя его кострами и генерируя ненависть людей друг к другу «по признаку отношения к тому или иному божеству». Разденьте любую религию – и под сусальными покровами словес о «любви» и «смирении» вы в первую очередь обнаружите непримиримую злобу ко всем, кто осмеливается думать иначе, чем предписано «верой».

Даже нам, не видевшим тех костров, на которых христиане заживо жарили беременных женщин, все же довелось посмотреть на христианскую злобу в ее натуральном виде. Давайте вспомним Брейвика, процесс над «пуссями», погромы выставок и непримиримую риторику обнаглевших попов.

Откройте Библию – и вы своими глазами увидите учебник примитивного экстремизма, пропагандирующий насилие, убийство, ненависть по религиозному, национальному, расовому и всем прочим возможным признакам. Кстати, именно Библия первой возвела убийства детей и инвалидов в добродетель. (Об исключительной «глубине» и «мудрости» этого сборника древнееврейских кровавых сказок очень любят рассуждать именно те, кто Библию никогда не читал и плохо представляет себе, что именно там написано.)

До сих пор существует наивная уверенность, что религия учит какому-то «добру». Эта иллюзия может быть основана только на невежестве или на умышленном игнорировании истории церквей, вер, конфессий и народов.

Приведем самый простой, хрестоматийный пример, который по факту невозможно оспорить.

В России религия безраздельно царствовала почти тысячу лет. Никто не смел мешать ей воспитывать русских по своему усмотрению. Как известно, в результате этого воспитания, возвращенный на чистой «вере», «народ-богоносец» в 1917 году пошвырял попов с колоколен, с особым удовольствием перенасиловал и убил поповских дочек, а заодно расстрелял и растерзал всех, до кого смог дотянуться. Напомним, что никаких других людей, кроме как крещеных, воцерковленных, катехизированных и причащенных, в России 1917 года просто не было и быть не могло.

Такого рода глобальными фактами переполнена мировая история.

А уж простой терроризм – это вообще обиходный инструмент всякой «веры». Она легко достает его из «широких штанин» и весьма эффективно применяет при первом же удобном случае.

Религиозный терроризм бывает локальным, как в случаях с Джордано Бруно, Мигелем Серветом, башнями Всемирного торгового центра, Гипатией, «пуссями» или с редакцией «Шарли». Причем не важно, имеет или нет религиозный террор судебную оболочку. В

Пакистане тоже «судят» изнасилованных девочек, прежде чем забить их камнями.

Бывает терроризм и помасштабнее, когда организуются крестовые походы, сжигание староверов, истребление катаров и альбигойцев, массовые удушения гяуров, насильственное крещение целых народов, уничтожение библиотек и цивилизаций.

Мусульмане, кстати, что-то мельчают. Совсем недавно по тому же самому «религиозному признаку» они легко вырезали целые города и страны. И им для этого не требовался формальный повод в виде каких-то карикатур.

Надо сказать, что ислам в своей беспросветной жестокости не слишком оригинален. Он всего лишь примерный ученик христианства. Родившись на 600 лет позже, он по-деловому аккумулировал тот опыт «религии любви», который имел счастье наблюдать и испытать на себе лично.

Сейчас тема оскорбления «чувств верующих» стала особо модной. Что имеется в виду под этими «чувствами», совершенно неясно, так как наличие или отсутствие религиозной веры в принципе недоказуемо. Конечно, есть известный евангельский тест, предлагающий передвинуть взглядом гору, исцелить наложением рук онкологического больного и потискать голыми руками ядовитых змей. В том случае, если все три фокуса получатся, то исполнитель вправе претендовать на звание обладателя некоторого, весьма небольшого, размером с «горчичное зерно», количества «веры».

Удивительно, но все христиане упорно уклоняются от прохождения этого теста. Вполне возможно, что самый пылкий фанатик, исцеловавший взасос тысячи икон, оставшись наедине с собой, покатывается от хохота, рисуя усы и рожки на портрете известной дамы с младенцем. По всей вероятности, 99,9 % благочестивцев, испытывающих постоянную «оскорбленность чувств», именно так себя и ведут. Быть православным в России сегодня настолько выгодно, что заподозрить носителей крестиков в искренности нет ни малейшей возможности.

Конечно, бывают прецеденты и очень сильной увлеченности религиозной идеей. Последними в историю вошли братья Куаши, седьмого января навестившие редакцию сатирического журнала «Шарли», располагавшуюся по адресу rue Nicolas Appert, 10. Мир

слова, мысли и свободы вновь вплотную соприкоснулся с пещерным миром «веры». И пещерный мир вновь дал свободу своей злобе. Точно так же, как он привык за две тысячи лет поступать и без всякого формального повода.

Возможно, не все рисунки «Шарли» были эстетически безупречны. Но это совершенно не важно. «Шарли» выполнял грязную, но великую и необходимую работу, еженедельно напоминая пещерному миру, что он уже не хозяин. По крайней мере во Франции.

Важно понимать, что все, что делал «Шарли», было не оскорблением чьих-то чувств, а лишь «заградительным огнем», ответом на постоянные попытки «веры» захватывать реальность, наполняя ее легионами воздетых к небу задов, лужами бараньей крови и крестными ходами. «Шарли» был передовой всех тех, кто не обязан и никогда не будет «уважать» злобные небылицы «веры», две тысячи лет подряд заливавшие Европу кровью и гноем.

Скрип фломастеров «Шарли», несомненно, со временем дойдет и до России. Ведь, как свидетельствует большинство образчиков отечественной культуры, все «чисто русское» сделано из очень французского.